

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

ДОКЛАДЫ
ИДВ РАН
2018 – 2019

Москва
ИДВ РАН
2020

УДК 082(5)
ББК 94.3(5)
Д69

Главный редактор
доктор исторических наук С.Г. Лузянин

Редколлегия:
к.и.н. С.В. Уянаев, д.филос.н. А.Е. Лукьянов, д.и.н. Н.Л. Мамаева,
к. полит.н. А.З.Жебин, д.и.н. В.О. Кистанов, д.э.н. В.М. Мазырин,
Е.А. Лапшина (отв. секретарь)

Д69 Доклады ИДВ РАН 2018—2019 / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; ред.-сост. Е.А. Лапшина. — М.: ИДВ РАН, 2020. — 160 с.

ISBN 978-5-8381-0379-6

Институт Дальнего Востока РАН продолжает выпуск Докладов, которые были сделаны на заседаниях Ученого совета ИДВ РАН. Издание начато в 2011 г.

Ключевые слова: Корейский полуостров, Азиатско-Тихоокеанский регион, политика Китая, кибербезопасность.

УДК 082(5)
ББК 94.3(5)

ISBN 978-5-8381-0379-6

© Коллектив авторов, 2020
© ИДВ РАН, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies of RAS

**PROCEEDINGS
OF IFES RAS**

2018—2019

Moscow
Institute of Far Eastern Studies of RAS
2020

PROCEEDINGS of IFES RAS 2018—2019. Moscow, IFES RAS Press, 2020.

The Institute of Far Eastern Studies of RAS continues issuing of Proceedings that were made during meetings of the Academic Council of IFES RAS.

Keywords: Korean Peninsula, Asia-Pacific Region, Chinese police, cybersecurity.

Содержание

<i>Александрова М.В., Заглязьминская Е.О.</i> Китайский туризм и его российский вектор: реалии и «узкие места»	7
<i>Галенович Ю.М.</i> Глобальная стратегия Китая 2019	43
<i>Давыдов А.С.</i> КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства	57
<i>Ким Ен Ун</i> Концепция внешней политики России и Кореи	82
<i>Мамаева Н.Л.</i> Основные направления и тенденции в изучении историографии российско-китайских отношений на современном этапе	94
<i>Портяков В.Я.</i> Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы	106
<i>Сазонов С.Л.</i> Перспективы реализации плана Экономического пояса Шелкового пути на Дальнем Востоке России	143

Content

<i>Alexandrova M.V., Zaklyazminskaya E.O.</i> Chinese entry tourism and its russian vector: realities and “bottlenecks”	7
<i>Galenovitch U.M.</i> The Global Strategy of China	43
<i>Davydov A.</i> China, USA and Russia on the way to renewal of world order	57
<i>Kim En Un</i> Russia—Korea foreign policy concept	82
<i>Mamaeva N.L.</i> Main directions and trends in the study of the historiography of Russian-Chinese relations at the present stage	94
<i>Portyakov V.Y.</i> Policy of Foreign Economic Openness in the People's Republic of China: Main Results and Prospects	106
<i>Sazonov S.L.</i> Prospects for the implementation of the Silk road Economic belt plan in the Russian Far East	143

М.В. Александрова, Е.О. Заклязьминская

КИТАЙСКИЙ ТУРИЗМ И ЕГО РОССИЙСКИЙ ВЕКТОР: РЕАЛИИ И «УЗКИЕ МЕСТА»

Аннотация. Туризм для КНР новое явление, активный туризм в международном понимании появился лишь в начале 2000-х годов. Китайский туризм наиболее динамичный в мире. Рассмотрены процесс развития выездного туризма в период экономических реформ, географические приоритеты путешествующих. Россия вошла в Топ-15 наиболее популярных направлений у китайских путешественников. Отмечена уникальность России, европейской страны, где подготовлено большое количество высококвалифицированных гидов-переводчиков с китайским языком: в 2018 г. в Санкт-Петербурге — 350, Москве — 180, Иркутске — 100, Владивостоке — 130. Несмотря на очевидный, более чем двукратный прирост китайских туристов, многие высококвалифицированные специалисты с китайским языком в последние 2—3 года стали безработными, поскольку были замещены гидами-«нелегалами» китайского происхождения. На территории РФ действуют этнические криминальные группировки в области туризма, которые держат основной безвизовый турпоток под своим контролем. В сферу влияния данного криминала входят нелегальные китайские турфирмы, нелегальные сопровождающие групп (гиды), полуполигальные харчевни китайской кухни, ювелирные и сувенирные магазины и др. При этом китайцы в России работают исключительно «в черную». Подобные финансовые схемы направлены на то, чтобы вывозить нелегально заработанный капитал из России. Как говорил китайский мудрец, «жирная вода не льется на чужое поле» (Fatty does not flow outsider fields), что

значит, что «посторонним не должна перепасть выгода», в этом случае посторонние — это российская сторона. Результат подобного бизнеса: недобор российской казной налогов и сборов, некачественно обслуженные и обманутые туристы, лживо преподнесенная информация об истории, географии, политике и других аспектах жизни страны пребывания, реализация некачественного товара по завышенным ценам, психологическое давление на туристов, безработица на рынке российских квалифицированных гидов с китайским языком и др.

Ключевые слова: безвизовый турпоток, организованные группы, криминал, нелегальная прибыль, нелегальные гиды, дезинформация, профессиональные гиды-переводчики, фэйк-товары.

Авторы: Александрова Мария Викторовна, к.и.н., в.н.с. ИДВ РАН. E-mail: kitaeva-olga@mail.ru

Заклязьминская Екатерина Олеговна, аспирант ИДВ РАН.
E-mail: ekaterina.zakl@gmail.com

M.V. Alexandrova, E.O. Zaklyazminskaya

Chinese entry tourism and its russian vector: realities and “bottlenecks”

Abstract. Tourism is a new phenomenon for the PRC, where the internationally understood active tourism appeared as recently as in the early 2000s. The Chinese tourism is the most dynamic in the world. The article highlights the process of the exit tourism growth in the period of economic reforms and the travelers' geographic priorities. Russia has ranked among the top 15 most popular directions for Chinese tourists. The authors emphasize the uniqueness of Russia as a European country, which offers a large number of highly competent Chinese-speaking interpreter guides. In 2018, the numbers of Chinese-speaking interpreter guides, available in the major tourist centers of Russia, which receive Chinese tourists were as follows: 350 in Saint-Petersburg, 180 in Moscow, 100 in Irkutsk, and 130 in Vladivostok. Notwithstanding the obvious over 2-fold growth in the numbers of Chinese tourists, many highly competent Chinese-speaking specialists in the last 2—3 years became jobless, because they were replaced by the “illegal guides” of Chinese origin. As stated by the authors, the ethnic criminal groups operating in the RF territory in the tourist sector keep the major visa-free tourist flow under their control. The sphere of the given criminal groups' influences includes illegal Chinese tourist firms, illegal curators (guides) of tourist groups, semi-legal

Chinese cuisine eateries, jewelry and souvenir shops, etc. Besides, such Chinese groups operate in Russia in no other but the “black-market” manner, and their financial patterns are aimed at exporting the illegally earned capitals from Russia. As one Chinese sage used to say, “Fatty water does not flow in the outsider's fields”, which means that “the outsiders may not receive benefits”, and in the given case the outsiders are understood as the Russian side. The results of such business include the shortfall of taxes and collections in the Russian treasury; poor-quality service and deceit of Chinese tourists; thereto supplied fraudulent information on history, geography, policy and other life aspects of the visited country, selling of low-quality goods at excessive prices; psychological pressure on the tourists, and unemployment in the market of competent Chinese-speaking tourist guides, etc.

Keywords: visa-free tourist flow, organized groups, criminal sphere, illegal profits, illegal guides, misinformation, professional interpreter guides, fake commodities.

Authors: Maria V. ALEXANDROVA, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Ekaterina O. Zaklyazminskaya, Post-Graduate Student, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

Около 150 млн международных путешествий совершили в 2018 г. граждане КНР. Быстрый рост числа туристов, выезжающих за рубеж, начался в этой стране с 2010 г., и большинство экспертов согласны с тем, что к 2021 г. 200 млн китайцев будут путешествовать за границу ежегодно¹. По данным ЮНВТО, с 2013 г. КНР является лидером по количеству выезжающих за пределы страны туристов (обогнав по этому показателю даже США)². Всемирная туристическая организация констатировала, что в 2018 г. в мире было совершено 1,4 млрд путешествий³, таким образом *каждую 10-ю поездку* в мире совершает китаец. А все начиналось очень «скромно».

С основания КНР в 1949 г. и вплоть до 1982 г. путешествия за границу были невозможны для подавляющего числа населения. Выезды за рубеж за свой счет были запрещены, разрешались только официальные визиты, деловые поездки и поездки с целью обучения.

На начальном этапе (1983—1996 гг.) становления выездного туризма туристические визиты были разрешены лишь в Сянган и

Аомэнь исключительно за счет принимающей стороны с целью посещения родственников и в сопредельные страны в рамках однодневных визитов.

В дальнейшем Китай проводил осторожную политику в сфере выездного туризма: правительство не ослабляло запрет на индивидуальные туристические поездки с целью отдыха вплоть до 1997 г., но вместо этого разработало стратегию, позволявшую китайским гражданам путешествовать в страны, с которыми у Китая были договорные соглашения по туристическим обменам. Официальные туристические визиты были разрешены лишь в данные государства в рамках туристических групп, в строго контролируемых турах и до 1997 г. исключительно за счет принимающей стороны. В 1988 г. список начал пополняться за счет стран, в которых проживало большое количество этнических китайцев (хуацяо). После Сянгана и Аомэня в 1988 г. был «открыт» Таиланд, в 1990 г. — Малайзия и Сингапур, в 1992 г. — Филиппины⁴.

Развивался так называемый «бартерный» туризм. В сентябре 1988 г. правительство Хэйхэ в провинции Хэйлуцзян начало осуществлять пограничные туристические поездки в Россию для групп из 40 человек, каждый турист которой оплачивал однодневную экскурсию с включенными в нее расходами на питание, транспорт и экскурсионное обслуживание. Программа экскурсионного дня подразумевала равное количество времени на туризм и на совершение покупок. В 1988 г. по данной схеме произошел обмен 520 туристами, в 1992 г. — уже 49 тыс. С 1989 г. были запущены аналогичные туры на четыре или семь дней в Хабаровск (Россия), Харбин и Цзямусы (Китай), в 1990 г. начались туры по обмену во Владивосток (Россия) и в Цицикар (Китай). Аналогичные поездки поставили под необходимость контроля за выездным потоком, поэтому в 1995 г. была озвучена стратегия официальных туристических направлений (ОТН)⁵.

Важным шагом стала ратификация в 1997 г. Государственным управлением по туризму «Временных мер управления за выездными поездками граждан КНР за свой счет». Именно принятие этого документа ознаменовало начало *второго этапа* развития выездного ту-

ризма (1997—2008 гг.) и смену ограничительной политики правительства, были сняты административные барьеры для совершения заграничных поездок с туристическими целями, но развитие выездного туризма по-прежнему проходило под жестким контролем со стороны государства. После азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., когда были девальвированы национальные валюты стран АТР, а Китай принял решение сдерживать курс, поездки за рубеж стали значительно дешевле для граждан КНР. Кроме того, Сянган вернулся в лоно Родины, в целом была завершена политика «мягкой посадки», в рамках «невозможной троицы» Китай выбрал контроль за валютным курсом и независимую монетарную политику, пожертвовав свободным движением капиталов, была побеждена инфляция, для развития выездного туризма был выбран подходящий момент.

В 2000 г. на 3-й сессии ВСНП 9-го созыва стартовала стратегия «выхода вовне», поощряющая китайские инвестиции за рубеж, согласно которой траты выездного туризма можно рассматривать как вклад населения КНР в экономику принимающих стран.

С 1997 г. были разрешены поездки за свой счет в рамках организованных групп в пределах определенных квот. В 2002 г. квоты были отменены, что способствовало росту количества туристов в том же году на 53,4 %. В 2003 г. были разрешены индивидуальные поездки, которые позволяли жителям крупных городов (Пекина, Шанхая, а также восьми городов пров. Гуандун) посещать Сянган индивидуально. Причины введения такой политики заключались в попытке поддержать пострадавшую от атипичной пневмонии экономику региона. В 2005 г. жители 38 городов могли посещать Сянган по данной схеме. В 2007 г. половина всех туристов приезжала на индивидуальной основе, в 2012 г. — уже 2/3. В 2008 г. постоянным жителям Шэньчжэня было позволено получать мультивизу в Сянган, что также увеличило турпотоки⁶.

На *третьем этапе* (2009 г. — настоящее время) началось развитие массового выездного туризма. В 2005 г. были сдвинуты акценты в развитии ключевых туристических рынков. До этого фактически 15 лет господствовал курс на форсированное развитие въездного и умаление роли выездного туризма. Прежний курс предписывал

«крупномасштабно развивать въездной туризм, стимулировать развитие внутреннего туризма, соразмерно развивать выездной туризм». С речи Шао Цивэя на национальной конференции по туризму в августе 2005 г. начался постепенный перенос акцентов на увеличение роли и значения развития выездного и внутреннего рынков.

С 2005 г. китайским туристам стали доступны путешествия в Евросоюз. В январе 2004 г. было подписано соглашение о присвоении этому региону статуса ОТН. В 2007 г. (фактически туристические поездки начались с 2008 г.) статус ОТН получили США. До 2008 г. путешествия в США были возможны лишь в качестве официальных визитов, бизнес-визитов или с целью иммиграции. После 2008 г. стали стремительно развиваться китайско-американские туристические визиты. С 2008 г. стали возможны путешествия на Тайвань, что ознаменовало «потепление» отношений между двумя сторонами Тайваньского пролива. До этого туристические визиты совершались на территорию КНР по большей части незаконно через третьи страны, излюбленной «дверью» как в материковый Китай, так и на Тайвань был Сянган, но с 2008 г. ситуация изменилась и путешествия через пролив стали легальны⁷. На начало 2017 г. КНР подписаны соглашения о присвоении статуса ОТН с 124 странами из 172 стран, с кото-

График № 1. Темпы прироста количества выезжающих за рубеж туристов из КНР с 1993 по 2018 г., млн поездок. Составлено и рассчитано по: Чжунго тунци няньчянь 2017..., Чжунго тунци чубаньшэ, 2017..., 2018 Нянь люйю шичан цзибэнь цинкуан.: [Основные сведения о туристическом рынке в 2018 г.]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-02/13/content_5365248.htm (accessed: 01.07.2019)

рыми Китай имел дипломатические отношения (72 %). В 2016 г. было признано на высшем уровне, что Китай вступил в эру «массового» туризма⁸.

Китайское правительство уделяет значительное внимание развитию этой отрасли экономики. Так, в 2016 г. премьер Ли Кэцян назвал туризм одной из ведущих «отраслей счастья» (五大幸福产业), включающих также сферы культуры, спорта, оздоровления и поддержания пожилых. Все эти постиндустриальные отрасли сферы услуг призваны стать локомотивом комплексного социально-экономического развития регионов, позволяя решить многие сопутствующие проблемы⁹. Как полагают китайские эксперты, туротрасль увеличивает доходы 53 отраслей экономики.

Китайцы — путешествующая нация

Как было отмечено выше, китайцы — лидеры в мире по выездному туризму. Судя по географии турпотоков, граждане КНР предпочитают выезжать в страны со сходной культурной средой и наличием сильного прокитайского бизнес-сектора. На такие страны приходится более 75 % выездных поездок, из них лидирующие позиции занимают Сянган и Аомэнь, доля которых в выездных поездках составила соответственно 35 и 17 %, или 52 % выездного туристического потока КНР.

На европейский континент приходится порядка 12—12,5 % выездов китайских туристов¹⁰. В общей сложности в странах Европы, включая Россию, в 2017 г. побывало более 12 млн китайских туристов¹¹.

Россия вошла в число 13 наиболее популярных направлений у китайских путешественников в целом (организованный и индивидуальный туризм). Поездки в нашу страну у китайских организованных туристов оказались более востребованы, чем путешествия в Германию, Великобританию, Францию, Испанию, Грецию, Венгрию, Чехию и Швейцарию. Популярнее России только выезд организованных потоков в Италию¹². Количество китайцев, желающих посе-

тить Россию с туристическими целями, стремительно растет. В 2015 г. китайские туристы опередили немцев по объему въезда в Россию и их поток в Россию растет двузначными цифрами¹³.

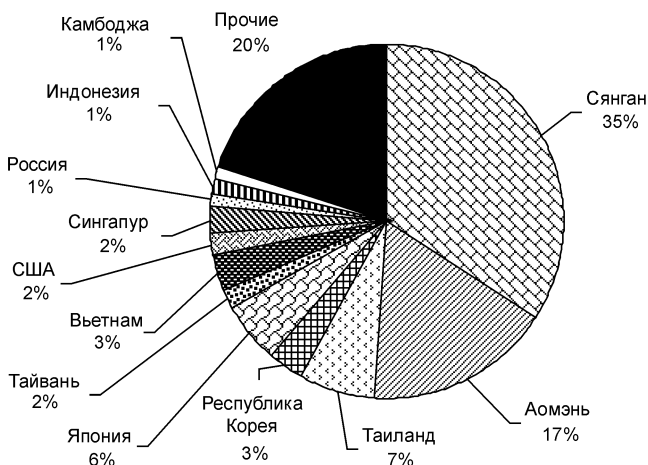

Диаграмма № 1. География въездных турпотоков из КНР, 2018 г.

Составлено и рассчитано по: Monthly Report — Visitor Arrival Statistics: Dec 2018..., URL: http://www.discoverhongkong.com/common/images/about-hktb/pdf/tourism_stat_12_2018.pdf; Macao. Top Ten Visitor-Source Markets. URL: <https://dataplus.macaotourism.gov.mo/Publication/Report/TopTenVisitorSourceMarkets?year=2018&month=12&lang=E>; Tourism Statistics Thailand 2000—2019. URL: <http://www.thaiwebsites.com/tourism.asp>; Tourism Statistics. URL: <https://www.tourism.jp/en/tourism-database/stats/>; URL: <https://statistics.jnto.go.jp/en/graph/>; Tourism Statistics Database of the Taiwan Tourism Bureau. URL: <https://stat.taiwan.net.tw/>; Korea, Monthly Statistics of Tourism. URL: https://kto.visitkorea.or.kr/eng/tourismStatistics/keyFacts/KoreaMonthlyStatistics/eng/inout/inout.kto?func_name=3; Vietnam National Administration of Tourism. URL: <http://vietnamtourism.gov.vn/english/index.php/cat/1501>; Singapore Tourism Board. URL: <https://www.stb.gov.sg/statistics-and-market-insights/marketstatistics/visitor%20arrivals%202018.pdf>; Tourism Malaysia. URL: http://mytourismdata.tourism.gov.my/?page_id=232; Statistics Indonesia. URL: <https://www.bps.go.id/subject/16/pariwisata.html#subjekViewTab3>; Число въездных туристских поездок. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/torg/tur/tab-turl-1.htm; Interview: Spike in Chinese tourists drives Cambodia's tourism growth last year. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-01/29/c_137783936.htm (accessed: 30.06.2019)

Объем взаимных поездок между РФ и КНР достиг в 2018 г. 4,4 млн путешествий. Примерно 2,4 млн поездок российских граждан в КНР, около 2 млн поездок китайских граждан в РФ. При этом более 1 млн туристов приехали из КНР в рамках Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках (так называемого «безвиза»)¹⁴. В 2018 г., впервые за все время существования «безвизы», количество таких прибытий перешагнуло 1 млн и составило 1,062 млн визитов, что на 12,5 % выше этого показателя за 2017 г. Согласно статистике Погранслужбы РФ,

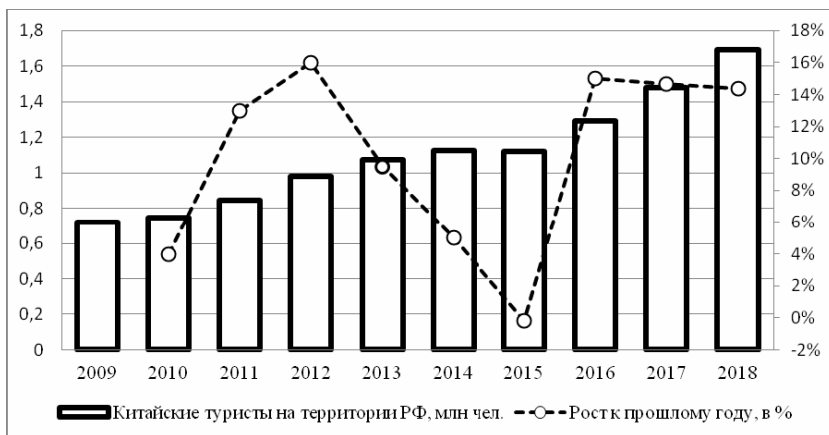

График № 2. Количество китайских туристов, посетивших РФ, 2009—2018 гг., млн человек.

Источник: Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. Chislo v'ezdnykh turisticheskikh poezdok. 2014—2018 [Russian Statistical Yearbook. The Number of Tourist Entry Trips. 2014—2018]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (accessed: 27.05.2019); *Statistika turpotokov. Dinamika v'ezda grazhdan KNR s turisticheskimi tsel'yami. Site Turisticheskoi assotsiatsii "Mir bez granits"* [Statistics of Tourist Flows. Dynamics of the PRC Citizens' Entries for Tourist Purposes. Website of the "Mir bez granits" Tourist Association]. URL: <http://www.visit-russia.ru/rossiysko-kitayskiy-turizm/statistika> (accessed: 30.10.2019); *Kitai yi Rossiya uglublyayut sotrudnichestvo v sfere turizma* [China and Russia Cooperate the Ever More Profoundly in the Sphere of Tourism]. URL: <https://rg.ru/2019/06/03/kitaj-i-rossiia-uglubliayut-sotrudnichestvo-v-sfere-turizma.html> (accessed: 24.06.2019).

китайские граждане лидируют по въезду в нашу страну с целью туризма. При этом в 2018 г. их было в 2,5 раза больше, чем ближайших конкурентов по рейтингу — туристов из Германии. На КНР приходится 50 % всего потока в РФ из пяти основных въездных рынков, включая Германию, Южную Корею, США и Израиль¹⁵.

В течение 5 лет безвизовый турпоток из КНР вырос более чем в 2,5 раза: с 372 тыс. человек в 2013 г. до 1 млн человек в 2018 г. Организованный туризм занимает почти 85 % от всего объема въезда за счет туристских групп, посещающих Россию по «безвизовому каналу». Количество въехавших индивидуальных туристов в последние 2 года растет быстрее, чем групповых. Число индивидуальных туристических поездок граждан Китая в Россию в 2018 г. выросло по сравнению с 2017 г. на 19,4 % (почти 195 тыс. визитов). Общий же рост числа самостоятельных туристов из КНР за тот же период составил 51,7 % (речь идет только о путешественниках, заявивших о посещении России в туристических целях)¹⁶.

Чаще всего китайские туристы посещали Москву, Санкт-Петербург, а также совершали приграничные поездки. В 2018 г. две столицы в туристических целях посетило более 600 тыс. граждан КНР в составе организованных туристических групп. Большинство китайских туристов по-прежнему въезжают в европейскую часть нашей страны через Москву: порядка 400 тыс. визитов (+14,5 %); с северной столицы путешествие по России начали более 200 тыс. китайских туристов (+29 %)¹⁷. Так, по данным Комитета по туризму города Москвы, КНР уже около 6 лет удерживает 1-е место по количеству въезжающих в Москву туристов. Каждый 15-й иностранный турист в столице сегодня является китайцем. Причем ежегодно турпоток в Москву из Китая увеличивается примерно на 35—47 %¹⁸.

Среди причин подобного роста притока китайских туристов следует выделить следующие:

- короткие сроки оформления въезда в страну (по линии безвизового туризма — 1 сутки);
- дешевизна страны;
- интерес китайцев старшего поколения к бывшему «старшему брату»;

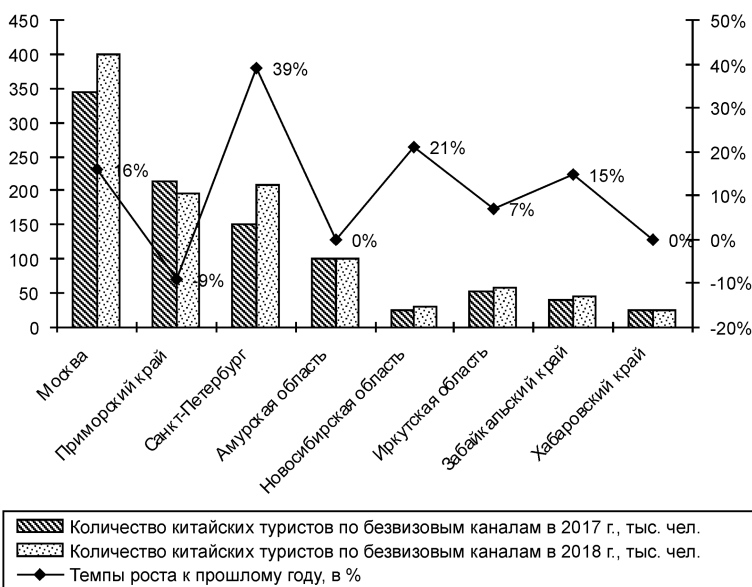

График № 3. География «притяжения» китайских туристов в рамках безвизового группового обмена.

Источник: За 9 месяцев 2017 года турпоток по безвизовому обмену из Китая в Россию вырос на 24 % [Within 9 Months of 2017 the Visa-Free Tourist Flow from China to Russia Has Grown by 24 %]. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/14046/> (accessed: 08.09.2019); *V Zabakalye uvelichilos kolichestvo kitaiskikh turistov* [The Number of Chinese Tourists in Transbaikalia Has Grown]. URL: <http://xn--80aacb0ak h2bp7e.xn--p1ai/news/media/2019/3/16/v-zabajkale-uvlichilos-kolichestvo-kitajskih-turistov/> (accessed: 21.05.2019) *Bolee 25 tys. bezvizovykh kitaiskikh turistov posetili Novosibirsk v 2018 godu* [Over 25 Thousand Visa-Free Chinese Tourists Visited Novosibirsk in 2018]. URL: <https://tass.ru/sibir-news/5960679> (accessed: 07.10.2019); *Individualnyi turpotok iz Kitaya v RF pokazal rost v 2018 godu* [Growth Recorded in the Flow of Individual Tourists from China to the RF in 2018]. URL: <https://www.trn-news.ru/news/87797> (accessed: 02.07.2019).

- созданная китайским полукриминальным бизнесом система приема своих сограждан;
- активное включение российской туристической сферы в программу China Friendly.

Программа China Friendly

Рост въезда китайских туристов подвиг к созданию программы China Friendly. Как указано на сайте программы «China Friendly» («Дружественный Китаю»), она призвана создать комфортную среду пребывания для китайских туристов и направлена на продвижение российского турпродукта на международном рынке, на привлечение клиентов и увеличение доходов турбизнеса.

У китайцев существует множество привычек, от которых они не могут отказаться, и если это «удобство» отсутствует, они чувствуют себя неуютно. На это и нацелена China Friendly. Это касается многих вещей. Самый яркий пример — это китаезация отеля по программе China Friendly. Что должны сделать отельеры:

- осуществить перевод сайта отеля, основных указателей, меню в ресторане и пр. на китайский язык;
- обеспечить китайских гостей прессой и справочными материалами на китайском языке;
- набрать в штат сотрудников на стойке регистрации, способных говорить и решать проблемы на китайском языке;
- внедрить платёжную системы China Union Pay;
- если это не мешает дизайну отеля, все, что можно, обклеить QR-кодами с информацией на китайском языке;
- по возможности размещать членов группы на одном этаже;
- обеспечить наличие чайника, минеральной воды без газа, тапочек, адаптеров в номерах;
- включить в меню «шведского стола» на завтрак блюда, которые предпочитают китайцы — вареные яйца, безмолочные каши, нарезанные фрукты, нарезанное мясо, нарезанные овощи, йогурты.

Крайне важно, чтобы зарубежному гостю было комфортно в нашей стране, поэтому не только отели, но музеи и рестораны, крупные универмаги также подключились к этой программе. Несмотря на то, что прилагаются такие усилия, Россия от китайского въездного туризма получает все меньше и меньше дивидендов. Почему?

Бравурные рапорты чиновников о стремительном росте китайского турпотока в нашу страну оказались очковтирательством: туристы из Поднебесной лишь расходуют ресурсы нашей страны, абсолютно ничего не принося взамен — практически всю цепочку по обслуживанию китайских туристов, а это трансферы, питание, гиды и экскурсии, шопинг и, частично, проживание в отелях и авиаперелеты, держит в своих руках китайская диаспора. При этом китайцы в России работают исключительно «в черную» — все расчеты за их услуги происходят на территории КНР, поэтому в Россию деньги за китайских туристов даже не попадают, и это не говоря о налогах — об их уплате речи вообще не идет. Более того, китайский околотуристический бизнес начал активно вытеснять отечественный — все началось с гидов, а теперь эта схема активно распространяется на рестораны, транспортные компании, магазины и даже отели. Эксперты отмечают, что данную проблему власти должны начать решать безотлагательно и предельно жестко, однако тут вряд ли возможно будет обойтись без межправительственных договоренностей на самом высоком уровне. Вместо того, чтобы знакомиться с культурой России, жители КНР активно насаждают свою¹⁹.

«Жирная вода не льется на чужое поле» (肥水不流外人田)

В последние годы китайские околोकриминальные структуры агрессивно внедряются в туристическую отрасль нашей страны и, прежде всего, с целью захвата рынка и извлечения максимальной прибыли без уплаты предусмотренных российским законодательством официальных налогов. Существует несколько методов работы таких китайских структур, а именно: навязывание российским турфирмам неравноправных контрактных условий, убеждая небольшие российские турфирмы работать в долг, что уже привело к состоянию банкротства ряд старых турфирм. Второй, более распространенной формой стала работа российских фирм «прокладок», когда генеральным директором и бухгалтером фирмы являются лица с российским гражданством, а реально 100%-ным капиталом фирмы владеет граж-

данин КНР, в результате чего формально фирма остается российской и входит в обязательном порядке в «Список российских туристических организаций, имеющих право осуществлять деятельность в рамках реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г.» (далее — Список). А в реальности под ее прикрытием работают китайские полукриминальные структуры — эта схема стала особенно популярной с 2014 г. О чем наглядно говорит статистика: так, в подобный Список от 2014 г. входило 320 фирм, в 2016 г. — 363, в 2017 г. уже 463 фирмы и, наконец, в 2018 г. — 467²⁰.

Если цель работы советского «Интуриста» состояла, прежде всего, в ознакомлении иностранцев с культурой, историей России и СССР, обычаями народов страны, то китайские теневые турструктуры преследуют другие цели. Для них главное — извлечение максимальной прибыли с китайских туристов и вывоз денег в КНР с помощью всех возможных нелегальных каналов, помимо проведения официальных финансово-банковских операций.

В последнее время в структуре въездного туризма происходят не только количественные, но, прежде всего, географические изменения. Наибольший рост показывают турпотоки из стран, отличных от нас по национальным и религиозным особенностям. Индустрия туризма и сервиса является сегодня не только сферой бизнеса, но и своеобразной дипломатической площадкой, площадкой мира и дружбы для представителей различных народов и культур.

В настоящее время во въездном туризме из КНР прослеживается сочетание этих двух тенденций — лавинообразного роста турпотока и развития нелегального турбизнеса. В связи с этим следует дать соответствующие оценки этому аспекту.

Внепроектное, стихийное развитие в данной сфере просто недопустимо. И если развивать туризм как отдельную отрасль экономики страны, то должны быть созданы условия для сбора аналитики, формирования системы планов развития, включающие совершенствование нормативно-правовой базы. Должны быть поставлены реаль-

ные задачи и составлены планы повышения хозяйственной эффективности в данной сфере.

Однако в настоящее время сложившаяся ситуация на туристском рынке России не позволяет в полной мере развивать туризм благоприятным образом. А именно, из-за широкого распространения теневого (нелегального) сегмента почти вся получаемая прибыль от поездок граждан КНР в нашу страну выводится за ее пределы без уплаты каких-либо налогов и сборов. Причиной такой ситуации является несовершенство законодательства в данной отрасли и отсутствие законных механизмов защиты интересов лицензированных гидов-переводчиков и российских туристических фирм.

В настоящее время прием китайских туристов является крайне проблемным направлением, требующим пристального внимания и серьезной работы по регулированию и дальнейшему совершенствованию механизма взаимодействия. Одним из первичных вопросов является вопрос подготовки кадров.

Именно на этой ситуации, несущей в себе несомненную «угрозу» для России в целом, следует остановиться.

Во-первых, граждане КНР, работающие в качестве нелегальных гидов (по кит. хэйдао) с группами китайских туристов в России, нарушают российское законодательство по следующим основаниям:

1. Согласно п. 4 ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» — «Работодатель и заказчик работ (услуг) имеют право привлекать и использовать иностранных работников при наличии разрешения на привлечение и использование иностранных работников...». Однако фирмы, организующие поездки для граждан КНР, не имеют такого рода разрешений и, следовательно, в соответствии с п. 2 ст. 18.15 КоАП РФ должны быть привлечены к административной ответственности.

2. Граждане КНР, обслуживающие туристские группы в качестве гидов-переводчиков, не имеют соответствующей лицензии и согласно п. 4 ст. 13 Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» должны иметь разрешения на работу или патент, выданный

органами внутренних дел Российской Федерации. Однако данные лица не имеют разрешений на работу и должны быть также привлечены к административной ответственности в соответствии с п. 1 ст. 18.15 КоАП РФ.

3. В соответствии с приказом Минздравсоцразвития РФ от 12.03.2012 № 220н гид-переводчик должен иметь высшее профессиональное образование (гуманитарное) и дополнительное профессиональное образование в сфере туризма (туризм, туризм и экскурсионное дело). Граждане КНР, оказывающие услуги гида-переводчика, не имеют соответствующего профессионального образования и тем самым нарушают положения вышеуказанного приказа Минздравсоцразвития РФ.

4. Граждане КНР оказывают услуги на туристическом рынке, осуществляя свою деятельность без регистрации и без образования юридического лица, что запрещено законом и в соответствии со ст. 14.1 (Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)) КоАП РФ, ст. 171 (Незаконное предпринимательство), 173.1 (Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица), ст. 199 (Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации) Уголовного кодекса РФ влечет за собой административную и уголовную ответственность. Кроме того, согласно перечню специфических обязательств Российской Федерации по услугам в рамках Протокола от 16 декабря 2011 г. «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» — в сфере услуг по экскурсионному обслуживанию «Коммерческое присутствие допускается только в форме юридического лица Российской Федерации, являющегося коммерческой организацией».

5. В соответствии с Протоколом от 16 декабря 2011 г. «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.» и входящим в него перечнем специфических обязательств Российской Федерации по услугам «...физические лица, оказывающие услуги гидов (гидов-переводчиков), должны быть гражданами Россий-

ской Федерации», что, несомненно, нарушается при найме граждан КНР в качестве гидов-переводчиков.

Во-вторых, граждане КНР при попустительстве российских ответственных федеральных госорганов создают этнические криминальные структуры, обслуживающие туристов, прибывающих из КНР.

Если в конце 1990-х — начале 2000-х годов в России нелегально работало не более 10 китайских турфирм, которые привлекали к работе исключительно российских гидов-профессионалов с китайским языком, то после подписания в феврале 2000 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики соглашения о безвизовых групповых туристических поездках количество нелегальных китайских турфирм стало расти стремительно, что привело к катастрофической ситуации в отрасли.

Спустя 19 лет после подписания соглашения можно с ответственностью сказать, что в выгоде, как всегда, оказалась китайская сторона. Если формально лидерами по приему безвизовых групп из КНР, как и ранее, являются ФГУП «Президент-Сервис» Управления делами Президента РФ и НТК Интурист, то это лишь на бумаге. В реальности эти компании принимают небольшие группы китайских туристов, а в основном они занимаются продажей безвизовых списков китайским окологримиальным фирмам.

Выше было отмечено, что российская сторона не получает той прибыли от китайских туристов, которая должна оставаться в стране в виде налогов и сборов. И это при том, что китайцы являются крайне расточительными туристами. Это не пустые слова, а реальная международная статистика. Туристы из КНР удерживают лидирующую позицию по показателям расходов в путешествиях. Вслед за китайцами идут американцы, немцы, англичане и французы. По данным Всемирной туристической организации (UNWTO), за 2016 г. туристы из Поднебесной потратили на зарубежные поездки по миру 261 млрд долл., а в 2018 г. эта сумма составила уже 277 млрд долл.

В каждой из посещаемых туристами из КНР стран они «оставляют» в местной экономике совершенно неравные вложения, так при посещении США эта сумма составляет 4462 долл., при посещении

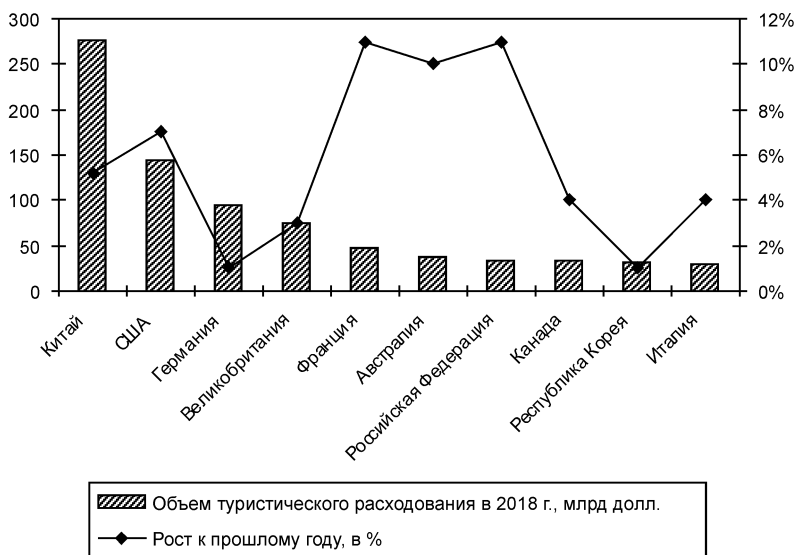

График № 4. Расходы туристов за рубежом в 2018 г., млрд долл.

Источник: Exports From International Tourism Hit USD 1.7 Trillion. URL: <http://www2.unwto.org/press-release/2019-06-06/exports-international-tourism-hit-usd-17-trillion> (accessed: 27.06.2019).

Южной Кореи — 3007 долл., а Таиланда — 2026 долл.²¹ Что касается посещения нашей страны, то следует сослаться на данные, опубликованные на сайте «Ростуризма» в октябре 2018 г., где появилась новость о том, как много китайские туристы дают российской экономике. Отмечено, что прямые поступления от китайского въездного туризма в Россию в 2017 г. составили 120 млрд руб. (или 2 млрд долл.), в том числе около 40 млрд руб. пришлось на сферу международных перевозок, 14,7 млрд — на железнодорожное сообщение, 6,5 млрд — на предприятия общественного питания, 2,5 млрд руб. — на музеи и другие объекты показа. Кроме того, на приезжих из Китая пришлось около 19 % всей выручки в премиум-сегменте розничной торговли Москвы и Санкт-Петербурга. Так, средний чек китайского туриста составлял 45,6 тыс. руб. Китайские туристы стали чаще использовать систему China Union Pay для расчетов во время

турпоездок. По данным Сбербанка, туристы из Китая в 2017 г. оплатили приобретенные в Российской Федерации товары и услуги на сумму 1,8 млрд руб.²²

Реальная ситуация о размере вклада китайского туриста в российскую экономику достаточно детально приведена в статьях российских китаеведов: Е.М. Бреус «Въездной туризм в Россию из Китая: форма социокультурного взаимодействия или напряженности?»²³ и М.В. Александровой, Т.Р. Зайцевой, Е.О. Заглязьминской «Въездной туризм из КНР в Россию: современное состояние, проблемы и опасности»²⁴.

В среднем турист при программе 8 дней / 7 ночей по безвизовому варианту приносит в российскую экономику **не более 300 долл. США**. Сюда включено проживание в отеле, использование туристического наземного транспорта, железнодорожные или авиабилеты, посещение «ключевых» туробъектов. Потери же России от теневого китайского туристического бизнеса по приблизительным подсчетам могут за 2018 г. составлять от одного до нескольких миллиардов долларов США (!).

На фоне роста количественных показателей въезда китайцев доходность их приема как для государства, так и для отечественного туристического бизнеса все больше стремится к нулю. Безвизовый туризм на этом направлении все чаще из российско-китайского становится китайско-китайским. Именно безвизовый туристический поток оказался в «лапах» криминального китайского бизнеса.

Подобные финансовые схемы направлены на то, чтобы вывезти из России нелегально заработанный капитал. Как говорил китайский мудрец: «Жирная вода не льется на чужое поле». Это означает, что «посторонним не должна перепасть выгода». В данном случае «посторонние» — граждане России. Все «сливки» с туристов собирают нелегальные китайские представители, обслуживающие тургруппы, въезжающие по безвизовому обмену.

Китайский нелегальный турбизнес имеет общие корни с Черкизонем в Москве, «черными лесорубами» в Иркутской области, нелегальной добычей и торговлей водно-биологическими ресурсами и прочим нелегальным бизнесом в Приморском крае. Все эти схемы,

осуществляемые с нарушением российского законодательства, идут во вред нашей экономике. Вопрос выходит далеко за пределы бизнес-интересов, он касается национальной безопасности нашей Родины.

Обязательным является посещение сувенирно-ювелирных магазинов, открытых гражданами КНР, в которые недопустим вход со стороны. Хэйдао часто вводят в заблуждения туристов и обманным путем заводят их в подпольные магазины, где продают поддельные ювелирные украшения в больших объемах и всячески стараются заработать на туристах сверх утвержденной программы. Так, в Москве есть несколько «тайных магазинов», в которые не пустят человека с улицы — это ювелирно-янтарный магазин на Фрунзенской набережной, д. 46 (нет вывесок, только кнопка домофона) и ювелирный магазин на Садовой-Самотечной улице, напротив Управления ГИБДД ГУВД г. Москвы, с незамысловатым названием «Петр I — Екатерина II». Следует отдельно отметить, что начиная с 2015 г. открытие китайцами ювелирных магазинов для тургрупп стало «золотой жилой». В принципе, схема проста, китайская турфирма под прикрытием россиян или же сама открывает магазин, в котором наценка на продукцию, по сравнению с обычными ювелирными магазинами порядка 350—500 %. При этом у туриста практически отсутствует время для маркетинга с целью сравнения цен. Его привозят в магазин, который прописан в программе отправляющей стороной, и китайские туристы становятся заложниками этой ситуации.

По китайским законам подобный туризм наказуем, поскольку относится к так называемым нулевым турам. В ст. 35 Закона КНР о туризме от 2013 г. говорится о подобных турах следующее: «Туристическим агентствам запрещается организовывать туристические программы по нерациональным, заниженным ценам, обманывать туристов или посредством организации «шопинга» или других затратных туристических статей получать комиссионные и прочие неправомерные выгоды. Туристическим агентствам при организации и приеме туристов запрещается указывать на определенные места для шопинга, запрещается планировать дополнительные расходы в туристической программе, кроме случаев, когда обе стороны приходят

к единым договоренностям или же по требованию туристов, которое не влияет на планирование маршрута других туристов. В случае нарушения туристы вправе в течение 30 дней после окончания туристической программы потребовать возврат покупок или предварительную выплату авансом денег за купленный товар или же возврат дополнительных расходов, понесенных в течение туристической программы». Кроме того, к нарушителям должны быть применены следующие санкции (ст. 98 Закона о туризме): «Если туристическое агентство нарушает положения ст. 35 настоящего закона, то компетентное туристическое ведомство вправе потребовать исправить нарушения, конфисковать незаконные прибыли, приостановить деятельность для исправления, кроме того, может наложить штраф в размере от 30 до 300 тыс. юаней. Если незаконная прибыль превышает 300 тыс. юаней, то штраф должен быть выплачен в 2-х — 6-кратном размере. В случае серьезных нарушений может быть аннулирована лицензия туристического агентства. У лиц, несущих непосредственную ответственность, и других напрямую ответственных лиц конфискуется незаконная прибыль и накладывается штраф в размере от 2 до 20 тыс. юаней, кроме того, временно приостанавливается или аннулируется удостоверение гида»²⁵. Но для реализации данной статьи, т. е. возврата денег и компенсации прочих убытков, необходимы документы, подтверждающие фактические расходы. Кроме того, всегда можно сослаться на то, что шопинг произведен по просьбе туристов, поскольку не указано, каким образом просьба должна быть высказана (возможно, допустима и устная форма), так что остается много вопросов. Из китайских источников следует, что закон пока исполняется не особенно эффективно.

Шопинг и реализация дополнительных услуг по завышенным тарифам становятся основополагающей составляющей всего китайского турпотока. Россия в глазах китайцев — это страна с очень дорогими товарами плохого качества. Если во многие страны Европы, и прежде всего схожую с Россией по ценам Испанию, китайцы готовы вернуться и не один раз, то о втором посещении нашей страны мало кто из туристов задумывается. И причина очевидна: побывав в нашей стране в семидневном туре, гость так ничего не понял и не

Таблица 1. Схема «отмывания» денег криминальным китайским бизнесом в России

Москва	Деньги, не переведенные из России после закрытия «Черкизона»	Китайские граждане, осуществляющие прием безвизовых групп	Перевод денег в КНР через рынок «Садовод»
		Незарегистрированные точки общепита	
		Сувенирные магазины	
Санкт-Петербург	Нелегальный вывоз янтаря	Китайские граждане, осуществляющие прием безвизовых групп	Перевод денег в КНР через китайские теневые около финансовые структуры
		Через незарегистрированные точки общепита	
	Незаконные лесозаготовки	Через сувенирные магазины	
		Через полулегальные автобусные фирмы	
Иркутская область	Нелегальные лесозаготовки	Незаконное строительство и работа «отелей»	Перевод денег в КНР через теневые китайские околофинансовые структуры
		Китайские граждане, осуществляющие прием безвизовых групп	

Составлено авторами, на основании анализа прессы.

увидел, поскольку его возили от одного сувенирно-ювелирного магазина к другому, которые все открыты членами китайской околокриминальной диаспоры. После посещения туристом четырех подобных магазинов ему показывают одну достопримечательность. Группу организовано возят от магазина к магазину, а полезной для туриста информации о истории, культуре, религии, быте и жизни граждан России китайские туристы практически не получают.

Именно последнее — отсутствие российских профессиональных гидов у безвизовых туристических групп из КНР — третья и самая опасная угроза на рынке китайского въездного туризма.

Во времена Советского Союза у нас не было (по известным политическим причинам) туристов из Китая, поэтому когда в нашей стране появились первые «китаеговорящие» туристы (необязательно из КНР, это могли быть гости из Сингапура, Гонконга, Тайваня

и др.), то к работе с ними стали привлекаться российские граждане, владеющие китайским языком. В основном это были специалисты различных НИИ по изучению Китая, преподаватели языковых вузов и пр. — т. е. высококлассные специалисты по Китаю. Высокий образовательный уровень «первого поколения» гидов с китайским языком позволил, используя методику подготовки интуристовских гидов, создать за сравнительно небольшое время уникальные материалы по подготовке гидов с китайским языком, отвечающие стандартам этой работы. Массовая подготовка россиян — гидов с китайским языком — стала возможной благодаря тому, что китаеведение и подготовка специалистов, владеющих китайским языком, имеет в России глубокие корни и ведется широкомасштабно. Специалистов с прекрасным знанием китайского языка ежегодно выпускают Институт стран Азии и Африки при МГУ, СПбГУ, ДВФУ, МГИМО, Лингвистический университет, Университет дружбы народов и др. Профессией гидов овладевают и выпускники некоторых курсов по изучению китайского языка: за трехлетним обучением в нашей стране, как правило, следует годовая стажировка в Китае.

Все это дает основание утверждать, что недостатка в молодых россиянах, желающих работать гидами, нет. Такая ситуация — наличие достаточного числа местных гидов, говорящих по-китайски, — уникальна для европейских стран. В 2018 г. в основных туристических центрах России, принимающих китайских туристов, было подготовлено гидов-переводчиков с китайским языком: в Санкт-Петербурге — 350, Москве — 180, Иркутске — 100, Владивостоке — 130. Однако несмотря на очевидный прирост китайских туристов, многие высококвалифицированные специалисты остались без работы: гиды-«нелегалы» («хэйдао») практически отнимают ее у них.

Помимо жесткой конкуренции на рынке труда, которую создают «хэйдао», еще одной бедой с китайскими туристами является **дезинформация**. Негативная и унижительная для России и россиян информация, которую сообщают «хэйдао», не является индивидуальным плодом их воображения. Многие характеристики, которые используют китайцы в рассказах о нашей стране, повторяются практически всеми «гидами». Не следует особенно доверять утверждениям неко-

торых китайских «начальников от туризма» о практической идентичности информации о России, которую сообщают туристам «гиды»-китайцы и аккредитованные российские гиды, об их доброжелательном отношении к нашей стране. Утверждая так, они ссылаются на то, что никто из русских якобы не владеет китайским языком в той степени, которая необходима для восприятия информации о России китайской аудиторией.

Обслуживание тургрупп *нелегально работающими китайцами*, а в последнее время все больше китайцами-продавцами, в том числе с бывшего московского Черкизона, в роли «гида-переводчика» для туркомпании гораздо выгоднее, чем российский аккредитованный гид-китаист. *Китайской нелегальной турфирме совершенно неинтересен российский гид-интеллектуал: ей нужен хороший продавец товара, причем фальшивого.* Этот нелегал согласен работать *бесплатно*. Зачастую, чтобы попасть на эту работу, нелегал платит залог, сумма которого составляет до 5000 долл. Если «хэйдао» поведет группу не в прописанный в программе ювелирный магазин или будут другие нарушения «программы», китайская «фирма» его оштрафует из залоговых денег.

Как зарабатывает «хэйдао»? Прежде всего, за счет операции по незаконному обмену валюты. Турлидер и «хэйдао» становятся для группы «передвижным минибанком», что по российским законам является преступлением. Но главное — это продажа «дополнительных услуг» (билеты в музеи или на балет) и походы в те магазины, где под видом балтийского янтаря продают китайскую подделку из пластика и синтетических смол. Подделки — вообще самый лакомый кусок. С продавцом, выдающим «гадкого утенка» за «белого лебедя», легко договориться о скидке в 40 или 50 %. Какое впечатление останется у туриста о стране, где купленное золотое кольцо вдруг облезает, а русский соболь оказывается канадской куницей, нелегального китайского гида не волнует. «Хэйдао» просто зарабатывает здесь деньги и вовсе не обязан любить Россию²⁶.

То, что в КНР существуют оценки России и россиян «для внутреннего пользования», исходящие из «вышестоящих инстанций», китайских учебников истории и определенных китайских СМИ, не

Схема № 1. Криминальные китайские схемы «нового типа» в китайском теневом турбизнесе на территории России. 1. 搞靠部门 — ведение бизнеса по чужой лицензии. «Однодневки» на территории КНР — они же организаторы чартера; 2. Российская фирма-посредник, входящая в реестр Ростуризма. 3. Частные китайские лица, обеспечивающие прием китайских безвизовых туристов (расчет в юанях зачастую не на территории России или на российской территории, но через китайские мобильные платежные системы (Alipay или WeChat). 4. Китайские сопровождающие группы (без зарплаты). 5. Китайская точка общепита (расчет в юанях, часто также через китайские мобильные платежные системы). 6. Транспортные средства. 7. Сувенирные магазины, которые аффилированно принадлежат организаторам чартеров (оплата за наличные или через китайские мобильные платежные системы). Схема составлена авторами на основании личного опыта работы в сфере туризма и данных, опубликованных в СМИ.

является секретом. Современное представление китайцев о нашей стране формировалось в течение длительного времени в определенных исторических условиях, в том числе в период сильной России и униженного полуколониального Китая XVIII—XIX веков.

А затем вступает в действие приложение к договору, который турист еще в КНР заключил с отправляющей турфирмой, и бедного китайского туриста обворовывают дельцы теневого рынка.

Как защититься от криминальных схем в китайском въездном туризме?

Всемирная туристическая организация ООН (UNWTO) разработала рекомендации по защите местных туристических рынков. Например, в Таиланде, который раньше других столкнулся с нелегальными китайскими схемами, гидом-переводчиком может быть только местный житель. Туристическая компания должна иметь в штате не менее пяти сотрудников — граждан Таиланда. Даже Всемирная торговая организация (ВТО), выступающая за свободный оборот товаров и рабочей силы, считает, что гидом-переводчиком может быть только гражданин принимающей страны. ВТО защищает интересы гида как носителя национальной духовной культуры, инструмент защиты локальных туристических рынков.

В самой КНР борьба с черными гидами ведется по жестким правилам. Так, согласно основному положению, регламентирующему работу гидов-экскурсоводов («Правила регулирования работы гидов-экскурсоводов» (导游人员管理条例) от 14 мая 1999 г., которое пришло на смену первому нормативно-правовому акту, вышедшему в 1987 г., гидом может быть только китаец. В «Правилах» однозначно определяется, что гидом может быть только гражданин КНР. В ст. 3 говорится: «Государство осуществляет единую всекитайскую систему квалификационных экзаменов для гидов-экскурсоводов. Граждане КНР, имеющие образование средней школы старшей ступени, среднее специальное образование и выше, не имеющие проблем со здоровьем, обладающие соответствующими необходимыми для работы гида базовыми знаниями и ораторскими способностями, могут участвовать в квалификационном экзамене на гида-экскурсовода...»²⁷.

В Российской Федерации правовое регулирование туристической деятельности основывается на Федеральном законе от

24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», Соглашении от 29 февраля 2000 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках (Далее — Соглашение), Приказе Федерального агентства по туризму от 28 ноября 2007 г. № 128 «О порядке определения туристических организаций, имеющих право на осуществление деятельности в рамках реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г.», Приказе Минздравсоцразвития РФ от 12.03.2012 г. № 220н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников организаций сферы туризма», «Основах механизма реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках в пунктах через государственную границу» от 28 ноября 2013 г., Постановлении Правительства РФ от 18.07.2007 г. № 452 «Об утверждении Правил оказания услуг по реализации туристского продукта» и на основе других правовых актов.

Соглашение о безвизовых групповых туристических поездках было заключено для «облегчения совершения групповых туристических поездок граждан двух государств...». В данном Соглашении были закреплены порядок определения туристических групп, список координирующих органов, условия и порядок поездки туристов без виз и др. Смысл его содержания соответствует установленным целям. Данное межправительственное Соглашение должно быть рассмотрено как основа для более детального правового регулирования туристической отрасли на уровне национального законодательства Российской Федерации. Однако действующее законодательство РФ является несовершенным, и в нем множество правовых пробелов, что дает возможность для развития нелегального сегмента в сфере приема безвизовых туристов из КНР.

В Федеральном законе от 24.11.1996 № 132-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» определяются основные понятия туристической деятельности и ее основных компонентов, регламентируется порядок государственного регулирования туристской деятельности, установлены правовые права и обязанности туриста, общие условия реализации туристского продукта, полномочия объединения туроператоров и турагентов, а также регламентированы общие вопросы, касающиеся безопасности туризма, финансового обеспечения ответственности туроператора, международного сотрудничества и государственного надзора в сфере туристской деятельности. К сожалению, данный Закон несовершенно: в нем отсутствует главное требование к профессии гида-переводчика, которое касается гражданства и лицензии на право осуществления данной деятельности. То есть, по мнению профессионального сообщества, данным Законом должно быть установлено, что в качестве гида-переводчика должно выступать лицо, обязательно имеющее гражданство РФ, прошедшее аккредитацию и обладающее лицензией на осуществление деятельности гида-переводчика.

Так как регулированием туристической сферы занимается Федеральное агентство по туризму, оно обязано издавать нормативно-правовые акты, раскрывающие содержание норм и положений Федерального закона. Ростуризм принял ряд нормативно-правовых актов в целях реализации Соглашения: был установлен порядок определения туристических организаций, имеющих право на принятие и отправку туристических групп из КНР по безвизовым спискам. Для защиты интересов и обеспечения безопасности, а также в целях качественного предоставления туристических услуг группам из КНР необходимо закрепление на уровне Приказа Ростуризма нормы, требующей нахождения сопровождающего группу лицензированного гида-переводчика на всем протяжении туристического маршрута. Необходимо в обязательном порядке требовать наличие договора найма между туристической организацией, принимающей группу, и гидом-переводчиком, оказывающим услуги. Так можно исключить широко распространенную практику привлечения нелегальных гидов и деятельность незарегистрированных в установленном порядке

туристических компаний, так как для заключения договора данного типа стороны должны будут соответствовать установленным законом требованиям.

Кроме этого, для исполнения межправительственного соглашения были определены *«Основы механизма реализации Соглашения между Пограничной службой ФСБ России и Ростуризмом»*. Данный механизм подробно регламентирует порядок составления перечней туристических организаций, имеющих право принимать туристов по безвизовым спискам, и порядок прохождения туристических групп через государственную границу.

Однако, несмотря на данную правовую регламентацию порядка составления безвизовых списков и принятие по ним туристов из КНР, существует правовой пробел, позволяющий нелегальным сегментам воспользоваться преимуществами безвизовых списков. Данный пробел заключается в отсутствии правового надзора за исполнением своих обязательств туристическими организациями. А именно, невозможно удостовериться, действительно ли принимающая сторона реализует туристский продукт — отсутствует требование о предоставлении доказательств о получении денежных средств за реализацию туристского продукта со стороны отправителя.

Для устранения сложившейся ситуации, связанной с продажей безвизовых списков и наймом нелегальных гидов-переводчиков, Ростуризм совместно с налоговыми и правоохранительными органами должен осуществить проверку деятельности туристических компаний, включенных в «Список российских туристических организаций, имеющих право осуществлять деятельность в рамках реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г.». В ходе данной проверки должны быть выявлены организации, вовлеченные в продажу безвизовых списков, и их деятельность должна быть прекращена.

Вышеуказанные предложения нацелены на улучшение туристического климата и защиты прав и интересов как туристов из КНР, так и граждан России. Назрела необходимость в широком государст-

венном надзоре в сфере туризма, и существующие проблемы должны быть решены в кратчайшие сроки, так как отсутствие решения влечет за собой огромные убытки для бюджета нашей страны, а также может привести к существенным проблемам в области национальной безопасности.

Библиографический список

Александрова М.В., Т. П. Зайцева, Е. О. Заклязьминская. Въездной туризм из КНР в Россию: современное состояние, проблемы и опасности // Китай: политика, история, культура К 85-летию Ю.М. Галеновича. М.: Синосфера, 2018. С. 170—215.

Бреус Е.М. Въездной туризм в Россию из Китая: форма социокультурного взаимодействия или напряженности? // Проблемы идентичности в контексте мирового опыта. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 12—14 декабря 2017 г. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 51—67.

Даюю жэньюань гуаньли тяоли : [Правила управления работой гидов-экскурсоводов]. URL: <https://www.66law.cn/tiaoli/2072.aspx> (дата обращения: 09.07.2019).

Как на миллионах туристов из Китая в Москве зарабатывают их же земляки. URL: <https://vm.ru/news/625262.html> (дата обращения: 08.07.2019).

Китай-город построили китайцы. URL: <http://www.lgz.ru/article/-51-52-6581-28-12-2016/kitay-gorod-postroili-kitaytsy> (дата обращения: 08.08.2017).

Китай и Россия углубляют сотрудничество в сфере туризма. URL: <https://rg.ru/2019/06/03/kitaj-i-rossiia-uglubliaiut-sotrudnichestvo-v-sfere-turizma.html> (дата обращения: 24.06.2019).

Куда едут китайские туристы? URL: http://www.aif.ru/travel/kuda_edut_kitayskie_turisty_infografika (дата обращения: 01.06.2019).

Люию да шуцзюй: 2018 нянь чуцзин южэнь шу1,5 и жэньцы лайхуа юкэчжун 70 % лайцзы Ячжоу : [Туристическая статистика: в 2018 г. количество выехавших туристов достигло 150 млн человек, 70 % приехавших в Китай, — из Азии]. URL: <https://t.qianzhan.com/caijing/detail/190213-e626a996.html> (дата обращения: 27.06.2019).

На китайском направлении накопились проблемы, операторы ждут участия Ростуризма. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/na-kitayskom-napravlenii-nakopilis-problemy-operatoru-zhdut-uchastiya-rosturizma> (дата обращения: 10.10.2019).

Почти 1,3 млн китайских туристов посетили Россию в 2018 г. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/56904> (дата обращения 19.05.2019).

Россия заняла 2-е место по популярности у туристических групп из Китая. URL: <http://biang.ru/ru/news/rossiya-zanyala-vtoroe-mesto-po-populyarnosti-u-turisticheskix-grupp-iz-kitaya.html> (дата обращения: 01.07.2019).

Список российских туристических организаций, осуществляющих деятельность по реализации Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках. URL: <https://www.russiatourism.ru/content/2/section/25/detail/3518> (дата обращения: 05.04.2019).

Топ-3 ключевых концепций китайского туризма 2017 г. URL: <http://telegra.ph/Топ-3-кlyuchevyh-koncepcij-kitajskogo-turizma-2017-g-01-02> (дата обращения: 21.08.2019).

Туристов из Китая влечет российский Мурманск. URL: <https://vz.ru/economy/2017/9/1/885188.html> (дата обращения: 22.04.2019).

Туристы во всем мире в 2018 г. совершили 1,4 млрд путешествий. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/55882> (дата обращения: 22.06.2019).

Туры в Россию заняли 2-е место по популярности у организованных туристов из Китая. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/46766> (дата обращения: 17.02.2019).

Чжунго чуцзин люйю фачжань няньду баогао 2015. Яньцзю чэнго : [Ежегодный отчет о развитии выездного туризма КНР. Результаты исследований 2015.] URL: <http://www.ctaweb.org/html/2015-8/2015-8-28-15-14-11807.html> (дата обращения: 22.08.2017).

Чжунхуа жэньминь гунхэго люйюфа. [Закон о туризме КНР]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2013-04/25/content_2390945.htm (дата обращения: 10.07.2019).

Число китайских туристов в мире достигнет 200 млн к 2021 г., прогнозируют эксперты. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/46522> (дата обращения: 02.05.2019).

Эксперты: въездной турпоток из Китая в Россию в 2018 г. может достичь 2 млн человек. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/16090> (дата обращения: 02.04.2019).

Эксперты: китайский туризм в России ушел в подполье, вывести его из «тени» смогут только жесткие меры. URL: <https://www.tourprom.ru/news/36547> (дата обращения: 18.05.2019).

600 тыс. поездок совершили туристы из КНР в Москву и Санкт-Петербург в 2018 г. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/600-tys-poezdok-sovershili-turisty-iz-kn-g-v-moskvu-i-sankt-peterburg-v-2018-godu> (дата обращения: 21.05.2019).

Liu Anyu, McKercher B. The Impact of Visa Liberalization on Tourist Behaviors—The Case of China Outbound Market Visiting Hong Kong // *Journal of Travel Research*. 2016. № 55(5). P. 605.

Kima Hyun Jeong, Chen Ming-Hsiang, Jang SooCheong “Shawn”. Tourism expansion and economic development: The case of Taiwan // *Tourism Management*. 2006. № 27. P. 925—933.

Shawn Arita, Summer La Croix, Christopher Edmonds. Effect of Approved Destination Status on Mainland Chinese Travel Abroad // *Asian Economic Journal*. 2014. № 28(3). P. 220.

Wolfgang Georg Arlt. *China's Outbound Tourism*. Routledge, Abingdon, 2006. P. 27.

References

M.V. Alexandrova, T.R. Zaitseva, E.O. Zaklyazminskaya. *V'ezdnoi turizm from the KNR into Russia: sovremennoye sostoyanie, problemy yi opasnosti..* [Entry Tourism from the PRC into Russia: the Current Condition, Problems and Dangers] // *Kitai: politika, istoriya, kultura. K 85-letiyu Yu. M. Galenovicha* [China: Policy, History, and Culture. For the 85-Year Jubilee of Yu. M. Galenovich]. M.: Sinosphera Publishers, 2018, P. 170—215.

E.M. Breus. *V'ezdnoi turizm v Rossiyu iz Kitaya: forma sotsiokulturnogo vzaimodeistviya ili napryazhennosti?* [Entry Tourism into Russia from China: A Form of Sociocultural Interplay or Tension?] // *Problemy identichnosti v kontekste mirovogo opyta. Po materialam konferentsii molodykh uchenykh. Moskva, 12—14 dekabrya 2017 g.* [The Identity Problems in the Context of Global Experience. By materials of the young scholars' conference. Moscow, December 12—14, 2017]. Проблемы идентичности в контексте мирового опыта. По материалам конференции. М.: RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2018. P. 51—67.

Chislo kitaiskikh turistov v mire dostignet 200 mln k 2021 godu, prognoiruyut eksperty [By Expert Forecasts, the Number of Chinese Tourists in the World Will Amount to 200 Million by 2021]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/46522> (accessed: 02.05.2019).

Daoyou renyuan guanli tiaoli [Tourist Guide Regulations]. URL: <https://www.66law.cn/tiaoli/2072.aspx> (accessed: 09.07.2019).

Eksperty: v'ezdnoi turpotok iz Kitaya v Rossiyu v 2018 mozhet dostich 2 mln chelovek [Experts' View: The Influx of Tourists from China to Russia in 2018 May Amount to 2 Million People]. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/16090> (accessed: 02.04.2019).

Eksperty: kitaiskiy turizm v Rossii ushel v podpolye, vyvesti ego iz “teni” smogut tolko zhestkiye mery [Experts' View: The Chinese Tourism in Russia Has Moved Underground, and Only Severe Measures Can Help to Lead It Out of the Shadow]. URL: <https://www.tourprom.ru/news/36547> (accessed: 18.05.2019).

Kak na millionakh turistov iz Kitaya v Moskve zarabatyvayut ikh zhe zemlyaki [How Millions of Tourists from China Bring Revenues to Their Countrymen in Moscow]. URL: <https://vm.ru/news/625262.html> (accessed: 08.07.2019).

Kima Hyun Jeong, Chen Ming-Hsiang, Jang SooCheong "*Shawn*". *Tourism expansion and economic development: The case of Taiwan* // Tourism Management. 2006. № 27. P. 925—933.

Kitai-gorod postroyili kitaitsey [Kitai-Gorod Has Been Built by the Chinese]. URL: <http://www.lgz.ru/article/-51-52-6581-28-12-2016/kitay-gorod-postroili-kitaitsey> (accessed: 08.08.2017).

Kitai yi Rossiya uglublyayut sotrudnichestvo v sfere turizma [China and Russia Cooperate the Ever More Profoundly in the Sphere of Tourism]. URL: <https://rg.ru/2019/06/03/kitaj-i-rossiia-uglubliaiut-sotrudnichestvo-v-sfere-turizma.html> (accessed: 24.06.2019).

Kuda edut kitaiskie turisty? [Whereto the Chinese Tourists Are Going?] URL: http://www.aif.ru/travel/kuda_edut_kitayskie_turisty_infografika (accessed: 01.06.2019).

Liu Anyu, McKercher B. *The Impact of Visa Liberalization on Tourist Behaviors—The Case of China Outbound Market Visiting Hong Kong.* // Journal of Travel Research. 2016. № 55(5). P. 605.

Luyou da shuju: 2018 nian chujing you renshu 1,5 yi renci lai hua youke zhong 70 % laizi Yazhou [Tourist Statistics: in 2018, the Number of Chinese Travelers Abroad Amounted to 150 Million Persons, While 70 % of Travelers to China Accounted for Asia]. URL: <https://t.qianzhan.com/caijing/detail/190213-e626a996.html> (accessed: 27.06.2019).

Na kitaiskom napravlenii nakopilis problemy, operatory zhdut uchastiya Rosturizma [Problems Have Piled in the Chinese Vector, and Operators Are Waiting for the Rostourism Interference]. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/na-kitayskom-napravlenii-nakopilis-problemy-operatory-zhdut-uchastiya-rosturizma> (accessed: 10.10.2019).

Pochti 1,3 mln. kitaiskikh turistov posetili Rossiyu v 2018 godu [Almost 1.3 Million Chinese Tourists Visited Russia in 2018]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/56904> (accessed: 19.05.2019).

Rossiya zanyala vtoroye mesto po populyarnosti u turisticeskikh grupp iz Kitaya [Russia Has Become the Second Most Popular Country for Tourist Groups from China]. URL: <http://biang.ru/ru/news/rossiya-zanyala-vtoroe-mesto-po-populyarnosti-u-turisticskix-grupp-iz-kitaya.html> (accessed: 01.07.2019).

Shawn Arita, Sumner La Croix, Christopher Edmonds. *Effect of Approved Destination Status on Mainland Chinese Travel Abroad.* // Asian Economic Journal. 2014. № 28(3). P. 220.

Spisok rossiyskikh turisticeskikh organizatsiy, osuschestvlyayuschikh deyatelnost po realizatsii Soglasheniya mezhdru Pravitelstvom RF yi Pravitelstvom KNR o bezvizovykh gruppyvkh turisticeskikh poyezdkakh [The List of Russian Tourist Organizations Ope-

rating for Realization of the Agreement of the RF Government and the PRC Government on the Visa-Free Tourist Group Trips]. URL: <https://www.russiatourism.ru/content/2/section/25/detail/3518> (accessed: 05.04.2019).

Top-3 klyuchevykh kontseptsiy kitaiskogo turizma 2017 g. [Top 3 Key Key Concepts of the Chinese Tourism in 2017]. URL: <http://telegra.ph/Top-3-klyuchevyh-koncepcij-kitajskogo-turizma-2017-g-01-02> (accessed: 21.08.2019).

Turistov iz Kitaya vlechet rossiyskiy Murmansk [Russian Murmansk Attracts Tourists from China]. URL: <https://vz.ru/economy/2017/9/1/885188.html> (accessed: 22.04.2019).

Turisty vo vsem mire v 2018 godu sovershili 1,4 miliarda putesthestviy [Tourists in the Whole World Made 1.4 Billion Trips in 2018]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/55882> (accessed: 22.06.2019).

Tury v Rossiyu zanyali 2-e mesto po populyarnosti u organizovannykh turistov iz Kitaya [Tours to Russia Took the 2nd Place In Terms of Popularity Among the Organized Tourists From China]. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/46766> (accessed: 17.02.2019).

Wolfgang Georg Arlt. *China's Outbound Tourism*. Routledge, Abingdon, 2006. P. 27.

«*Zhongguo chujing luyou fazhan niandu baogao 2015» yanjiu chengguo* [Research Results of Annual Report on China Outbound Tourism Development 2015] URL: <http://www.ctaweb.org/html/2015-8/2015-8-28-15-14-11807.html> (accessed: 22.08.2017).

Zhongguo renmin gongheguo luyou fa [Tourism Law of the People's Republic of China] URL: http://www.gov.cn/flfg/2013-04/25/content_2390945.htm (accessed: 10.07.2019).

600 tys. poezdok sovershili turisty iz KNR v Moskvu i Sankt-Peterburg v 2018 godu [Tourists from the PRC Have Made 600 Thousand Trips to Moscow and Saint-Petersburg in 2018]. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/600-tys-poezdok-sovershili-turisty-iz-kinr-v-moskvu-i-sankt-peterburg-v-2018-godu> (accessed: 21.05.2019).

Примечания

¹ Число китайских туристов в мире достигнет 200 млн к 2021 г., прогнозируют эксперты. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/46522> (дата обращения: 02.05.2019).

² Лююю да шуцзюй: 2018 нянь чуцзин южэнь шу1,5 ижэньцы лайхуа юкэчжун 70 % лайцзы Ячжоу : [Туристическая статистика: в 2018 г. количество выехавших туристов достигло 150 млн человек, 70 % приехавших в Китай, — из Азии]. URL: <https://t.qianzhan.com/caijing/detail/190213-e626a996.html> (дата обращения: 27.06.2019).

³ Туристы во всем мире в 2018 г. совершили 1,4 млрд путешествий. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/55882> (дата обращения: 22.06.2019).

⁴ *Shawn Arita, Sumner La Croix, Christopher Edmonds*. Effect of Approved Destination Status on Mainland Chinese Travel Abroad. // *Asian Economic Journal*. 2014. № 28(3). P. 220.

⁵ *Wolfgang Georg Arlt*. China's Outbound Tourism. Routledge, Abingdon, 2006. P. 27.

⁶ *Liu Anyu, McKercher B*. The Impact of Visa Liberalization on Tourist Behaviors—The Case of China Outbound Market Visiting Hong Kong. // *Journal of Travel Research*. 2016. № 55(5). P. 605.

⁷ *Kima Hyun Jeong, Chen Ming-Hsiang, Jang SooCheong “Shawn”*. Tourism expansion and economic development: The case of Taiwan. // *Tourism Management*. 2006. № 27. P. 925—933.

⁸ Чжунго чуцзин лююю фачжань няньду баогао 2015. Яньцзю чэнго : [Ежегодный отчет о развитии выездного туризма КНР. Результаты исследований 2015.] URL: <http://www.ctaweb.org/html/2015-8/2015-8-28-15-14-11807.html> (дата обращения: 22.08.2017).

⁹ Топ-3 ключевых концепций китайского туризма 2017 г. URL: <http://telega.ph/Топ-3-klyuchevyh-koncepcij-kitajskogo-turizma-2017-g-01-02>.

¹⁰ Лююю да шуцзюю: 2018 нянь чуцзин южэнь шу1,5 ижэньцы лайхуа юкэчжун 70 % лайцзы Ячжоу. : [Туристическая статистика: в 2018 г. количество выехавших туристов достигло 150 млн человек, 70 % приехавших в Китай, — из Азии.] URL: <https://t.qianzhan.com/caijing/detail/190213-e626a996.html> (дата обращения: 27.06.2019).

¹¹ Россия заняла 2-е место по популярности у туристических групп из Китая. URL: <http://biang.ru/ru/news/rossiya-zanyala-vtoroe-mesto-po-populyarnosti-u-turisticheskix-grupp-iz-kitaya.html> (дата обращения: 01.07.2019).

¹² Туры в Россию заняли 2-е место по популярности у организованных туристов из Китая. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/46766> (дата обращения: 17.02.2019).

¹³ Туристов из Китая влечет российский Мурманск. URL: <https://vz.ru/есопому/2017/9/1/885188.html> (дата обращения: 22.04.2019).

¹⁴ Китай и Россия углубляют сотрудничество в сфере туризма URL: <https://rg.ru/2019/06/03/kitaj-i-rossiia-uglubliaiut-sotrudnichestvo-v-sfere-turizma.html> (дата обращения: 24.06.2019).

¹⁵ На китайском направлении накопились проблемы, операторы ждут участия Ростуризма. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/na-kitayskom-napravlenii-na-kopilis-problemy-operatory-zhdut-uchastiya-rosturizma>

¹⁶ Почти 1,3 млн китайских туристов посетили Россию в 2018 г. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/56904> (дата обращения: 19.05.2019).

¹⁷ 600 тыс. поездов совершили туристы из КНР в Москву и Санкт-Петербург в 2018 г. URL: <http://www.visit-russia.ru/news/600-tys-poezdok-sovershili-turisty-iz-knr-v-moskvu-i-sankt-peterburg-v-2018-godu> (дата обращения: 21.05.2019).

¹⁸ Как на миллионах туристов из Китая в Москве зарабатывают их же земляки. URL: <https://vm.ru/news/625262.html> (дата обращения: 08.07.2019).

¹⁹ Эксперты: китайский туризм в России ушел в подполье, вывести его из «тени» смогут только жесткие меры. URL: <https://www.tourprom.ru/news/36547> (дата обращения: 18.05.2019).

²⁰ Список российских туристических организаций, осуществляющих деятельность по реализации Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках. URL: <https://www.russiatourism.ru/content/2/section/25/detail/3518> (дата обращения: 05.04.2019).

²¹ Куда едут китайские туристы? URL: http://www.aif.ru/travel/kuda_edut_kitayskie_turisty_infografika (дата обращения: 01.06.2019).

²² Эксперты: въездной турпоток из Китая в Россию в 2018 г. может достичь 2 млн человек. URL: <https://www.russiatourism.ru/news/16090> (дата обращения: 02.04.2019).

²³ Бреус Е.М. Въездной туризм в Россию из Китая: форма социокультурного взаимодействия или напряженности? // Проблемы идентичности в контексте мирового опыта. По материалам конференции молодых ученых. Москва, 12—14 декабря 2017 г. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 51—67.

²⁴ Александрова М.В., Зайцева Т.Р., Заклязьминская Е.О.. Въездной туризм из КНР в Россию: современное состояние, проблемы и опасности // В сб. Китай: политика, история, культура. К 85-летию Ю.М. Галеновича. М.: Синосфера, 2018. С. 170—215.

²⁵ Чжунхуа жэньминь гунхэго люйюфа.: [Закон о туризме КНР]. URL: http://www.gov.cn/flfg/2013-04/25/content_2390945.htm (дата обращения: 10.07.2019).

²⁶ Китай-город построили китайцы. URL: <http://www.lgz.ru/article/-51-52-65-81-28-12-2016/kitay-gorod-postroili-kitaytsy> (дата обращения: 08.08.2017).

²⁷ Даою жэньюань гуаньли тяоли.: [Правила управления работой гидов-экскурсоводов]. URL: <https://www.66law.cn/tiaoli/2072.aspx> (дата обращения: 09.07.2019).

Ю.М. Галенович

ГЛОБАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ 2019

Аннотация. В конце XX — начале XXI в. фактор Китая стал активно воздействовать на международные отношения. В связи с этим нужно воспринимать и оценивать политику современных руководителей Китая по отношению к нашей стране и к нашему народу. Нашей стороне приходится иметь дело с осуществлением руководителями КПК-КНР своей глобальной стратегии применительно к России, а это требует защиты наших интересов везде и во всем, где это вызывается действиями или потенциальной угрозой такого рода действий китайской стороной.

Ключевые слова: Россия, Китай, глобальная стратегия, «практический социализм», российско-китайские отношения.

Тел.: 8 499 124-03-04.

Автор: Галенович Ю.М., доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИДВ РАН.

U.M. Galenovitch

The Global Strategy of China

Abstract. at the end of the XX — beginning of the XXI century. the factor of China began to actively influence international relations. In this regard, it is necessary to perceive and evaluate the policy of the modern leaders of China in relation to our country and our people. Our side has to deal with the implementation by the leaders of the CPC-PRC of their global strategy in relation to Russia, and this requires the protection of

our interests everywhere and in everything where it is caused by actions or a potential threat of such actions by the Chinese side.

Keywords: Russia, China, global strategy, “practical socialism”, Russian-Chinese relations.

Author: U.M. Galenovitch. Dcs in History, Professor, Institute of Far Eastern Studies, Russian academy of sciences.

В начале XXI века ситуация в мире изменилась.

Возник новый фактор — фактор Китая, активно воздействующий на международные отношения и глобально, и в каждом из регионов, в многосторонних и в двусторонних отношениях с ним каждой нации.

Ситуацию на определенных основаниях можно рассматривать как совершенно новую во взаимоотношениях Китая и остального человечества: Китай и остальное человечество оказались в новом для себя положении.

До сих пор Китай никогда такой роли в мире не играл, ныне с ним приходится считаться всем, и всем приходится к нему приспосабливаться.

Одновременно и Китай оказался в совершенно новой для него ситуации, когда «вышел в открытый космос», то есть стал присутствовать в жизни человечества в целом, должен действовать, существовать и жить в нашем мире, мире жителей Земли, в мире землян.

В Китае это обозначается термином «открытость».

При этом имеется в виду и открытость Китая для остального человечества, но и, прежде всего, открытость остального человечества для Китая, доступность для Китая, для расцвета его деятельности и использования в интересах Китая любого уголка Земли.

И теперь ему приходится также в той или иной степени считаться с каждым своим партнером в отдельности и с вероятными действиями своих партнеров как по отдельности, так и совместно.

Китай, население которого составляет около 1 млрд 400 млн человек, то есть примерно одну 1/5 человечества, начинает или начал играть активную и существенную роль применительно к любому аспекту взаимоотношений всех живущих на земле народов и всех стран.

При этом имеет значение и играет свою роль численность населения Китая, то есть количественный фактор. Во внешнем для Китая мире, в каждой его части, приходится принимать во внимание то обстоятельство, что в настоящее время, как утверждают власти КНР, в Китае осуществляется социализм со спецификой Китая, или самобытный, исключительно китайский социализм.

Остальное человечество впервые в своей истории оказалось лицом к лицу с социализмом в его нынешнем китайском исполнении. Здесь, очевидно, можно говорить о современном и особом, исключительном во всем мире, «практическом социализме», или «социализме на практике».

На практике это означает, что в мире существует и действует:

- государство с самым многочисленным на Земле населением;
- государство, правящей партией в котором является Коммунистическая партия Китая;
- государство, обладающее мощным военным и экономическим потенциалом;
- государство, которому не грозит никакое нападение со стороны кого бы то ни было.

Мир для Китая обеспечен навсегда. В том, что касается войны, начала военных действий, во взаимоотношениях со всеми другими государствами все зависит исключительно от властей КПК-КНР.

В феврале 2019 г. Си Цзиньпин делал упор на боеспособность вооруженных сил, на подготовке к войне и победе в войне.

Наконец, речь идет о государстве, у руководителей которого есть своя глобальная стратегия.

Это означает, что они ставят своей целью то, что именуют «великим возрождением великой нации Китая».

Попутно можно отметить, что у нынешнего президента США Трампа есть лозунг: «Сделаем Америку снова великой». При этом Трамп заявляет, что Америка никогда не будет социалистической страной.

Таким образом оказывается, что в современном мире и Китай, и Америка ставят перед собой сходные цели: возродить величие своей нации на Земле.

Это чревато столкновением и противопоставлением интересов, а также требует согласования этих интересов.

Руководители КПК-КНР претендуют на обладание наилучшими во всем мире способностями в деле осуществления экономической глобализации.

И при этом говорят о создании «нового порядка» на планете Земля в соответствии с представлениями о нем руководителей нынешних КПК-КНР.

Они намерены обеспечивать то, что считают жизненными потребностями Китая, прежде всего в недрах земли, а также на самой земле, в воде и в воздухе, пригодных для жизнедеятельности.

Иными словами, лозунг возрождения величия оборачивается:

- борьбой за существование во всемирных масштабах;
- борьбой за землю, сушу и акваторию;
- борьбой за воду для питья и прочих нужд;
- и борьбой за чистый воздух для дыхания.

Стратегия руководителей КПК-КНР является глобальной и в том смысле, что они активно действуют не только в каждой области международных отношений — глобальной, региональной, многосторонней и двусторонней, — но и в каждой сфере человеческой деятельности, прежде всего, в политике, экономике и культуре.

Именно на этом фоне можно воспринимать и оценивать политику современных руководителей Китая по отношению к нашей стране и к нашему народу.

В этой политике, учитывая историю наших отношений, есть основания видеть их декоративную и сущностную стороны.

Декоративно Пекин считает выгодным для себя провозглашать прекрасное состояние наших отношений, называть их лучшими в истории, говорить о пике или вершине в их развитии, об обретении ими все более высокого качества, об их новом типе.

Все это можно и нужно использовать в наших интересах, подерживая дружественную атмосферу, осуществляя все то, что отвечает нашим интересам.

На самом деле, на практике нашей стране во все возрастающей степени приходится испытывать на себе давление со стороны руководителей Китая.

Речь идет, прежде всего, о всевозможных природных ресурсах, а далее и о том, чтобы китайцы могли чувствовать себя на территории нынешней России не «как в гостях», а «как у себя дома».

Они также побуждают наши власти нигде и никогда в мире не действовать так, чтобы это было сочтено угрозой или нанесением ущерба интересам руководителей КПК-КНР, или тому, что представляется такими интересами.

Это означает, что речь идет не о равноправных отношениях независимых и самостоятельных субъектов международных отношений, акторов на мировой арене, а о своего рода «соревновании» руководителей России и Китая.

Нашей стороне приходится иметь дело с осуществлением руководителями КПК-КНР своей глобальной стратегии применительно к России, а это требует защиты наших интересов везде и во всем, где это вызывается действиями или потенциальной угрозой такого рода действий с китайской стороны.

Прежде, чем перейти к изложению конкретных действий, которые могла бы в этих целях предпринять наша страна, необходимо остановиться на двух терминах. Речь идет о термине «стабильность» и о термине «специфика». Оба они входят в арсенал методов и средств внешней политики КПК-КНР. Оба таковы, что при поверхностном взгляде могут представляться приемлемыми и абсолютно нейтральными, устраивающими любого человека, любую нацию на Земле.

На самом деле китайская сторона вкладывает в них свое содержание и добивается с их помощью осуществления своих целей.

Стабильность — это термин, который в Китае Дэн Сяопин употреблял для оправдания своих действий в 1989 г., когда заявил, что возникла угроза существованию КПК и КНР, когда использовал вооруженные силы КНР для подавления мирных демонстраций в Пекине с требованиями свободы и демократии.

В нашей стране уже в нынешнем столетии один из чиновников опубликовал статью, в которой писал:

«следует помнить о “красной линии”, заходить за которую недопустимо с точки зрения не только норм межгосударственного общения, но и национальных интересов самой России. Скажем, внутриполитическая стабильность в КНР — это не тема для досужих спекуляций»¹.

По сути, стабильность в понимании руководителей КПК-КНР — это запрет кому бы то ни было делать что бы то ни было на нашей планете, что может быть расценено в Пекине как покушение, как подрыв существующего в Китае политического режима установленного в свое время Мао Цзэдуном, затем несколько ослабленного при Ху Яобане и Чжао Цзяньяне и восстановленного при Дэн Сяопине.

Специфика — это еще один термин, порожденный Дэн Сяопином. Это перевод на русский язык китайского слова *«тэ сэ»*, — перевод, навязанный нашей стороне пропагандой ЦК КПК. На самом деле речь идет о самобытности, особенности, исключительности Китая и китайцев.

В этом термине отражается мысль о делении человечества на китайцев и некитайцев, фактически о противопоставлении китайцев и некитайцев на планете. Это своего рода современное деление людей на «своих» и «чужих».

С нашей точки зрения, необходимо исходить из подлинного значения этих терминов при рассмотрении политики КПК, властей КПК-КНР и их действий по отношению и к нашему народу, и к нашей стране, по отношению к населению Китая и к любой из частей современного человечества.

В настоящее время и в обозримом будущем вопрос о состоянии наших отношений с Китаем и об их перспективах предстает главным и самым важным, жизненно важным вопросом для внешней политики нашей страны.

Именно на этом вопросе нашей стране необходимо сосредоточить главные усилия в области внешней политики.

Необходимо учитывать активный, наступательный характер осуществления руководителями КПК-КНР их глобальной стратегии, а

также тот факт, что вся их деятельность, направленная на нашу страну, осуществляется под руководством из единого центра и в опоре на самый многочисленный в мире партийно-государственный аппарат или механизм.

Это побуждает осознать необходимость осуществления определенной организационной работы.

Прежде всего, учитывая исторический опыт, в нашей стране необходимо создать и иметь (открыто или тайно) постоянно действующий главный руководящий центр работы по Китаю — Верховное государственное совещание по Китаю (по проблемам, связанным с Китаем).

Постоянными или непременными членами этого органа должны быть президент страны, глава правительства, министры обороны, иностранных дел, экономики и финансов, а также руководители силовых ведомств.

Задача этого центра — разработка политики и принятие главных стратегических решений.

При этом важно всегда исходить из мысли о необходимости осуществления всей политики в отношении Китая, всех действий «на китайском направлении» под единым централизованным руководством.

В администрации президента необходим специальный Отдел по Китаю. Это должен быть совершенно отдельный орган, непосредственно подчиненный президенту и обслуживающий все нужды упомянутого Верховного государственного совещания по Китаю.

Его задача — сбор и анализ всей необходимой информации, выработка предложений и рекомендаций для Верховного государственного совещания.

Все государственные учреждения обязаны предоставлять упомянутому отделу всю информацию по Китаю, по нашим взаимоотношениям с ним.

Вся работа, в какой бы то ни было степени связанная с Китаем, на всех уровнях и во всех сферах и областях, должна осуществляться в соответствии со стратегическим курсом и практическими указаниями Верховного государственного совещания по Китаю.

Вся деятельность в сфере национальной безопасности, обороны, экономики, финансов, торговли, любой конкретной практической деятельности, связанной с Китаем, должна отвечать трем главным принципам наших двусторонних отношений с Китаем:

- вечный мир;
- абсолютная независимость и самостоятельность;
- полное равноправие.

Это означает, что нам необходимо, прежде всего, обеспечивать мир, вечный мир во взаимоотношениях с КНР.

Наша страна находится в обороне, а китайская сторона — в наступлении, если в принципе говорить о том, как сложилась ситуация на мировой арене.

При этом нам нельзя допускать какого бы то ни было ущемления материальных интересов нашей страны.

Термин «взаимная выгода» в истории наших отношений и в настоящее время является декоративным, обеспечивающим благоприятную атмосферу для осуществления контактов и связей.

Необходимо принимать во внимание, что с китайской стороны в истории наших взаимоотношений неоднократно делались шаги с целью побудить нашу сторону соглашаться на выдвигавшиеся китайской стороной «справедливые и рациональные» предложения, исходя из «политической целесообразности» и «принимая политические решения» там, где путем экономических и прочих переговоров достичь решения, устраивающего китайскую сторону, не удастся.

Все политические соображения должны учитывать интересы нашей национальной безопасности и наши экономические интересы.

С точки зрения политики наша сторона должна всегда действовать абсолютно самостоятельно и независимо от китайской стороны.

Это не исключает допущение мысли о том, что китайская сторона может, при тех или иных обстоятельствах, поступать так, что это отвечает нашим интересам. Речь идет о независимых и самостоятельных внешнеполитических курсах России и Китая, которые могут совпадать в том или ином случае.

Такую ситуацию необходимо использовать, проявляя, однако, максимальную бдительность и осторожность.

Главное здесь во всех случаях — это твердая защита наших интересов, коренных, принципиальных интересов нашего народа и нашей страны. От них нельзя делать никаких отступлений.

При этом важно максимально подробно и на фактах показывать и доказывать людям в нашей стране пользу или выгоду от любых договоренностей экономического и иного характера во взаимоотношениях с Китаем, убеждать людей в нашей стране в том, что во всех случаях их интересы защищаются. Вся деятельность такого рода должна носить прозрачный характер.

Работа на китайском направлении государственных, научных, образовательных учреждений должна быть полностью материально обеспечена, учитывая необходимость их деятельности и в нашей стране, и в Китае и во всех третьих странах, где это необходимо.

Это означает, что имеется необходимость по-новому развернуть всю работу по Китаю, «на китайском направлении».

Нельзя забывать о том, что по воле Мао Цзэдуна война против нас на границе уже начиналась, и эти действия Мао, его стратегический курс в отношении нашей страны до сих пор не осуждены в КПК-КНР.

Эта работа должна быть организована в масштабах России в целом. Необходимо создать сеть государственных, научных, образовательных учреждений, которые полностью или частично участвуют в работе по Китаю, занимаются отношениями с Китаем. Все они должны быть связаны между собой. Их работа должна быть скоординирована.

Необходимо также создать сеть учреждений и пунктов работы «на китайском направлении» в государствах — бывших республиках СССР, в приграничных с Китаем государствах, в странах Европы, в США, Японии, Австралии, Индии, Африке, в Латинской Америке, по всему миру. Необходима координация работы внутри нашей страны и за ее рубежами. Имеется в виду не раздувание масштабов такого механизма, но существование точек, которые квалифицированно и скоординировано должны заниматься этой работой.

Работа по Китаю должна быть высокооплачиваемой и стать привлекательной для специалистов всех возрастов.

Работу по Китаю целесообразно разделить на две части. Она может состоять из открытой, публичной части, обеспечивающей благоприятную атмосферу в двусторонних отношениях и их декоративную сторону, и глубоких объективных исследований сути стратегии и тактики, идеологии, теории и практики действий и пропаганды руководителей КПК-КНР в отношении нашего народа и нашей страны.

Главным в аналитической работе по Китаю является изучение отношений России и Китая, их прошлого, настоящего и будущего, изучение политики руководства КПК-КНР в отношении России, политических сил Китая и борьбы между ними, прежде всего, по вопросу о политике в отношении России.

Вероятно, было бы целесообразно иметь специальный всероссийский научный центр по Китаю. В фокусе его работы должно быть изучение именно Китая, политики руководителей Китая, двусторонних отношений России и Китая.

Такой научный центр мог бы, имея определенную поддержку, средства и полномочия, координировать научную исследовательскую работу по Китаю, вырабатывать рекомендации для сферы образования и делового мира (практических связей в области экономики и торговли с Китаем).

Все эти направления в его работе необходимо полностью обеспечить материально.

Важно вырабатывать и осуществлять такую политику, которая обеспечила бы нам защиту и сохранение мирных, благоприятных для нас отношений во всем обозримом будущем.

Объединение усилий китаеведов, с одной стороны, и специалистов по США, всем другим странам, континентам и областям работы, рассмотрение вопросов со всех сторон, особенно сопоставление взглядов китаеведов и некитаеведов — с другой, может дать нужные и важные результаты.

Имеется в виду, что было бы целесообразно изучать ту или иную тему следующим образом: например, в ИДВ РАН можно было бы исследовать состояние и перспективы развития китайско-американских отношений, а в ИСКАН РАН — состояние и перспективы раз-

вития американо-китайских отношений, а затем соединить результаты исследования этой проблемы китаеведами из ИДВ и китаеведами и другими специалистами из ИСКАН.

То же самое можно было бы делать применительно ко всем соответствующим институтам РАН: Африки, Латинской Америки, Востоковедения, Европы, МГИМО. Сюда было бы целесообразно подключить ИСАА при МГУ, ВШЭ, Дипломатическую академию и МГИМО(У) МИД РФ. Тот же принцип мог бы оказаться полезным и внутри каждого из упомянутых учреждений.

Представляется необходимой также координация и объединение усилий центров исследований по Китаю — научных и образовательных учреждений в Москве и в других городах России. Это можно сделать при соответствующем финансировании и при руководящей роли упомянутого Отдела по Китаю в Администрации президента РФ.

В работе по Китаю необходимо также объединение усилий научных и государственных организаций и деловых кругов.

Важно устранить существующий в настоящее время разрыв между государством, бизнесом и наукой, когда речь идет о Китае. Координация работы МИД, РСПП, ТПП и ИДВ могла бы дать полезные результаты.

Отдельно и особо необходимо обратить внимание на работу Общества российско-китайской дружбы. Оно должно быть практически государственной организацией, находиться на государственном финансировании и обеспечении, иметь возможности финансировать всю свою деятельность на равных с соответствующими китайскими организациями.

Общество российско-китайской дружбы может и должно пропагандировать реестр добрых дел сторон в отношении друг друга, значение дружбы в истории, в настоящем и будущем, особо подчеркивать значение того, что было сделано нами в истории для китайцев как народа и Китая как страны.

В Китае нам надо иметь столько же центров нашей пропагандистской работы, сколько мы допускаем в нашей стране Институтов Конфуция. Институты Конфуция в нашей стране должны быть поставлены под строгий контроль наших соответствующих органов.

Их деятельность допустима только в целях обучения желающих китайскому языку и сообщения сведений о культуре Китая, с тем, однако, чтобы это не вредило нашему народу и нашей стране.

Наши культурные центры в Китае, учитывая, в частности, использование китайской стороной имени Конфуция, могли бы носить имя Льва Николаевича Толстого. Нам необходимо во всем, даже в «мелочах», добиваться абсолютного равноправия с китайской стороной. Это относится и к наименованию центров просветительской работы в нашей стране и в КНР.

Деятельность наших Центров Льва Толстого должна быть направлена на обучение желающих русскому языку и распространение знаний о нашей культуре.

Необходимо поставить под строжайший контроль туризм в нашу страну из КНР, допускать к работе на нашей территории только наши организации и гидов, причем не зависящих ни в коем случае, прямо или косвенно, от китайской стороны. Все разъяснения гидов должны представляться в письменном виде, проходить проверку и утверждение наших соответствующих органов. Нельзя допускать никакой «китайской самодеятельности», то есть, в частности, никакого «красного туризма», в том числе тем более организации выставок под названием «В Китае родился Мао Цзэдун», как это произошло в Ульяновске.

Пропагандистская деятельность китайской стороны в нашей стране, в частности, через китайский культурный центр в Москве, должна быть поставлена с нашей стороны под контроль.

Еще одним важным направлением работы по Китаю является работа МИД РФ, государственных учреждений, а также научных и образовательных центров с коллегами и другими организациями во всех бывших республиках СССР.

Работу по Китаю необходимо вести и на территории нашей страны, и в Китае, и во всех регионах и странах мира, где это необходимо.

Речь идет о работе «на китайском направлении» по линии МИД, всех специальных ведомств, а также научных центров, включая ИДВ РАН. Она не должна ограничиваться только территорией нашей

страны. На эту деятельность необходимо специально выделять средства во всех соответствующих учреждениях. Следует искать и находить общий язык по этому вопросу с людьми и организациями всех заинтересованных стран.

Необходимо выделить в специальную область работы и изучения вопрос о действиях Китая в этих странах, в бывших республиках СССР, и о том, что она означает с точки зрения интересов России, как на нее следует реагировать. Необходимо установить все возможные связи с этими государствами по вопросам, касающимся Китая. Это предполагает установление и развитие связей по всем направлениям, в частности, в сфере науки и образования, а также бизнеса.

Необходимо также восстановить и начать устанавливать, всемерно развивая, связи с китаеведами Америки, Европы, Индии, Японии, Израиля, мусульманскими странами.

Важно установить научные связи с соседями Китая, а также с государствами Азии, Африки, Латинской Америки, Канады, Австралии.

По линии МИД РФ, других государственных и научных учреждений во всех этих странах необходимо создать точки изучения проблем, связанных с Китаем, его политикой и ее значением с точки зрения интересов РФ. Следует также специально предусмотреть выделение средств для осуществления научных командировок, проведения семинаров, конференций «по китайской линии», закупки соответствующей литературы.

Очень важным предстает в настоящее время и изучение ситуации с гражданами РФ в КНР, исследование вопроса о работе с ними государственных органов КНР через граждан Китая, а также вопроса о нашей реакции на эту работу в целях защиты интересов наших граждан.

Наконец, важным представляется вопрос о деятельности граждан КНР, властей КПК-КНР, на территории России применительно к российским руководителям всех уровней, чиновникам, деловым людям, работникам средств массовой информации, науки, образования, культуры, населению нашей страны.

Эту деятельность необходимо поставить под контроль с целью не допустить нанесения какого бы то ни было вреда интересам нашего народа и нашей страны.

В частности, речь должна идти о предотвращении против нашей страны шпионажа в любой области.

Глобальная стратегия Китая, ее осуществление на практике, тот факт, что деятельность Китая на мировой арене приобрела глобальный характер — все это требует от нас учета, анализа, выводов в теории и на практике, применительно к нашей стратегии и тактике.

Вся наша деятельность «на китайском направлении» во всем мире в настоящее время приобретает новый, то есть, по сути дела, глобальный характер.

Примечания

¹ С. Приходько, заместитель руководителя Администрации Президента РФ, начальник управления Администрации Президента РФ по внешней политике. «Москва—Пекин: мы нужны друг другу» // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2. № 2.

А.С. Давыдов

КНР, США И РОССИЯ НА ПУТЯХ К ОБНОВЛЕНИЮ МИРОУСТРОЙСТВА

Аннотация. Дана характеристика стран так называемой «большой тройки», текущих взаимоотношений между ними. Исходя из имеющихся у них взглядов на особенности существующего и грядущего мироустройства, предпринята попытка прогноза места и роли трех стран в обновляющемся мировом порядке. Даны рекомендации по их оптимизации и выстраиванию гармоничных отношений, способствующих установлению прочного и долговременного мира.

Ключевые слова: КНР, США, Россия, «большая тройка», мироустройство, обновление, парадигма конфликтности, управление соперничеством.

Автор: Давыдов Андрей Сергеевич, и.о. главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока», в.н.с. ИДВ РАН, к.и.н.

E-mail: davydov@ifes-ras.ru

Davydov A.

China, USA and Russia on the way to renewal of world order

Abstract. The article contains a description of the so-called the Big Three countries, the current relationship between them. Based on their views on the features of the existing and future world order, an attempt was made to forecast the place and role of the three countries in a renewed world order. Recommendations are given on optimizing them and

building harmonious relations that contribute to the establishment of a lasting peace.

Keywords: China, USA, Russia, the Big Three, world order, renewal, paradigm, conflict, rivalry management.

Author: Andrey S. Davydov, Institute of Far Eastern Studies, leading researcher, PhD (History).

В последнее время взаимоотношения КНР, США и России — стран, входящих в так называемый «большой треугольник», или «большую тройку», привлекают пристальное внимание не только специалистов-политологов, но и широких кругов международной общественности. Это происходит по целому ряду причин.

Прежде всего, потому, что они составляют «трио» крупных мировых держав, каждая из которых обладает объективными и уникальными отличиями от других стран мира: США — самым современным экономическим и научно-технологическим потенциалом, Китай — невиданными демографическими ресурсами, а Россия — наибольшей территорией и обширными запасами полезных ископаемых. В силу этих и иных особых свойств указанные страны претендуют на ведущую глобальную роль, в стремлении играть которую каждая из них старается опираться на присущие исключительно ей собственные подходы и идейные ценности.

Так, США делают ставку на принципы рыночной экономики и демократии, прикрываясь которыми зачастую вмешиваются во внутренние дела других государств, вынуждая их к подчинению и насаждая там порядки, отвечающие американским интересам.

Китай, расширяя ныне повсеместное проникновение в развивающиеся и развитые страны на разных континентах, ратует за создание планетарного «сообщества единой судьбы» на основе укрепления, в первую очередь, торгово-экономических связей.

Россия, отказавшись от старой советской идеологии социализма и коммунизма, все же сохранила отчасти патерналистские подходы к выстраиванию отношений с некоторыми своими партнерами, хотя старается подходить к этому дифференцированно.

Крах просуществовавшей более четырех десятилетий биполярной системы, одной из глубинных причин которого можно, несо-

мненно, считать грянувший в 1960-е годы советско-китайский раскол, сделал особо актуальным **вопрос об обновлении мирового порядка, вплоть до формирования новой системы мироустройства.**

С начала 1990-х годов этот процесс растянулся во времени и преодолел несколько этапов — с установления монополярности, когда США как победитель в холодной войне пытались диктовать свою волю и условия существования остальному миру, — вплоть до нынешних усилий Китая и России по подрыву американской монополии на мировую гегемонию и выдвижению альтернативных планов глобального развития.

В этих обстоятельствах США, еще десятилетие назад грезившие гарантированной надеждой на мировое лидерство и доминирование, начали пересмотр прежней позиции, отход от глобализационных тенденций, формирование которых совсем недавно инициировали и активно в них участвовали, и замену их «экономическим национализмом», что в итоге привело к возникновению пресловутой «торговой войны» с Китаем, обозначившей по существу начало схватки за изменение существующего мироустройства.

Таким образом, **все три ведущие мировые державы, так или иначе, высказались за отказ от былой архаичной архитектоники и ее обновление**, хотя у каждой имеется собственное представление о том, какой ей надлежит быть.

2019 год являлся для трех указанных стран **юбилейным** и, в определенном смысле, **итоговым**. Для Китая — это год 70-летия КНР, 40-летия установления дипломатических отношений с США и, фактически, полувекковая годовщина с начала обоюдной инициации американо-китайского сближения, возникшей с приходом в 1969 г. в Белый дом Ричарда Никсона.

Для России он знаменует не только 70-летие установления дипотношений с Китайской Народной Республикой¹, но и 50-летие кровавых событий на острове Даманский, обозначивших кульминацию советско-китайского конфликта и нагнетания в отношениях двух стран пиковой враждебности, грозившей перерасти между ними в широкомасштабную войну.

Для самих США приход полвека назад Р. Никсона во власть связан как с нормализацией отношений с КНР, так и одновременно с началом вызревания американо-советской разрядки.

Считать 2019 год итоговым Китаю, США и России позволяет произошедшее в трех странах **избавление от иллюзий**. Китаю пришлось осознать, что его геополитическое и технологическое возвышение, в отличии от экономического, воспринятого Соединенными Штатами относительно спокойно и сдержанно, вызывает у них ярое неприятие и может иметь самые негативные последствия не только для китайско-американских отношений, но для глобальной ситуации в целом.

США внутренне прониклись пониманием того, что их шансы на сохранение и консервацию однополярного мира вовсе не так велики и беспорны, как им казалось еще 10 лет назад. Поэтому необходимо обновление не только тактики, но и стратегии.

А у российской политэлиты, хотя не у всей, начала разрушаться, наконец, иллюзия веры в то, что «с Китаем у нас единый путь и общие цели, и стоит лишь соединиться с ним союзными узами или, на худой конец, еще больше упрочить партнерские связи — и нам ничто не страшно», поскольку такое взаимодействие принесет якобы «скорые и обильные плоды».

На самом деле недавние события в наших двусторонних отношениях, включая последний визит Си Цзиньпина в Россию, дали ясно понять, несмотря на обилие пропагандистских восторгов в СМИ, как много усилий еще предстоит приложить обоим государствам, чтобы их нынешнее сближение оказалось не конъюнктурным, а действенным и плодотворным.

2019 год практически становится также отправной точкой на пути каждой из трех стран к достижению намеченных их руководством целей. Вспомним, что Д. Трамп еще в ходе избирательной кампании 2016 г. пообещал **вернуть Америке былое величие** (“to make America great again”). Председатель Си неоднократно говорил о надеждах, связанных с реализацией к середине XXI века «**мечты о великом возрождении китайской нации**», и обещал миру обеспечить «глобальное лидерство с китайской спецификой». На памяти у всех

и высказывания В. Путина о стремлении России **добиться статуса великой державы**, которым в свое время обладал Советский Союз.

Цели эти весьма амбициозны, никак не стыкуются между собой, но вполне соответствуют притязаниям этих трех государств, которые очевидны, обоснованы и подкрепляются ранее накопленным ими «багажом». Так, Америка после окончания Второй мировой войны неизменно выступает в роли одного из постоянных мировых лидеров, сначала — в биполярном мире, а после его краха — на глобальном уровне.

Устремления Пекина органично подпираются издревле исповедуемым ханьской цивилизацией принципом «китаецентризма», согласно которому Китаю предназначено располагаться в центре мироздания и, «находясь в окружении варваров, постоянно сталкивать их друг с другом» для облегчения собственного выживания и последующего возвышения.

А России как самой крупной стране в мире, к тому же обладающей сопоставимым с США ядерным арсеналом, негоже, будучи правопреемницей СССР, довольствоваться положением всего лишь межрегиональной державы.

Понятно, однако, что великодержавные амбиции должны предполагать не только былые заслуги, но и соответствие определенным критериям. Как известно, для достижения сверхдержавного статуса любому государству необходимо обладать превосходством или, по крайней мере, паритетом с остальными претендентами на него в большинстве из следующих четырех сфер: экономике, современных науке и технологиях, военной мощи, геостратегическом положении и влиянии.

На данный момент указанным критериям 100%-но отвечают только США. КНР сопоставима с ними по экономическим и отчасти технологическим параметрам. Москва пока составляет конкуренцию Вашингтону лишь в военной области.

Китай имеет высокий глобальный экономический рейтинг, обеспеченный в свое время за счет исполнения роли «мировой фабрики» с дешевой рабочей силой в обмен на получение современных

западных технологий и широкого доступа к торгово-экономическим льготам, предоставляемым ВТО развивающимся странам.

Россия, изначально поверившая при Ельцине в равноправное партнерство с Западом и оказавшаяся в итоге в ситуации тотального подчинения ему и практически в шаге от потери суверенитета, начала собственное восстановление при Путине с пересмотра «партнерских ориентиров» и воссоздания утраченной военной силы, в чем заметно преуспела.

Однако превзойти Америку по комплексным показателям ни КНР, ни России еще не удалось. Главным объединителем их усилий на путях к «мировой вершине» остается согласие относительно многополярности как единственной приемлемой, в их понимании, структуры будущей глобальной архитектоники. Однако видение ведущих к ней путей у них не во всем совпадает.

Китай, занявший в мировой экономике передовые позиции и решительно отрицающий при этом собственное стремление к гегемонизму, на деле демонстрирует непреодолимое желание утвердиться из региональной в статусе глобальной державы с последующим превращением в супердержаву. На это прямо и косвенно указывают его планы, сформулированные во многих китайских государственных и партийных документах.

Проводимая КНР на протяжении последних десятилетий торгово-экономическая политика в итоге дала стране реальную возможность не просто догнать более развитые экономически страны Запада, но войти в число мировых лидеров в сферах технологий и производства. СМИ западных стран все чаще говорят о том, что США и Европа отстают в освоении технологий. «Робототехника, системы на основе искусственного интеллекта, автоматизированное обучение, квантовые вычисления или интеллектуальная мобильность — все это происходит в Китае, а не в США»².

Известно, что китайские суперкомпьютеры — одни из самых быстрых в мире, крупнейший радиотелескоп находится в Китае, и, наконец, КНР намерена доминировать в следующем поколении информационных технологий, куда входят сети 5G.

При этом США и Китай не только конкуренты и соперники, но и взаимозависимые партнеры. США зависят от Китая в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая кредитными обязательствами перед ним на сумму свыше 1 трлн долл. Китай, в свою очередь, зависит от сохранения способности потребителей в США эти китайские товары покупать, а также от современных американских технологий в некоторых ключевых областях.

Для достижения намеченных целей КНР, помимо экономических, предпринимает целенаправленные шаги в политической, военной, социальной, демографической и ряде других важнейших сфер. Как было указано в докладе Си Цзиньпина на XIX съезде КПК, одной из них является достижение к середине нынешнего столетия «мирового лидерства в области всесторонней национальной мощи и международного влияния».

В этом направлении Китай осуществляет действенные меры: наряду с военной реформой, упорядочением боевой и организационной структуры НОАК, оснащением ее новыми видами вооружений активизируется ее участие в различных региональных и международных миссиях. Происходит укрепление военно-стратегических позиций КНР в прилегающих морских акваториях и в АТР в целом. Реализация Китаем концепции «полюса и путей» при определенных условиях может способствовать не только усилению его торгово-экономического, но и стратегического воздействия на глобальном уровне³.

Тем не менее, силы и ресурсы КНР для укрепления ее геостратегических позиций уступают пока тем возможностям и средствам, которыми располагают для таких же целей США, не говоря уже о сравнении военно-стратегических потенциалов двух стран. Даже с учетом ракетно-ядерного компонента, масштабы которого Пекин активно наращивает, тщательно скрывая от других, но который все еще не сравним с американским, **преимущества США перед Китаем в боевой мощи на сегодняшний день пока сохраняются.**

Думается, КНР отдает себе в этом отчет и воздержится от необдуманных действий. К тому же, **хотя соперничество США и Китая уже выходит за рамки чисто экономического, оно еще не достигло, на**

мой взгляд, **стадии, когда война становится единственным аргументом и способом разрешения спора.** В то же время еще недавняя немислимость такой войны категорически отрицается в докладе авторитетного аналитического центра «Рэнд корпорейшн», опубликованном летом 2016 г.⁴

Результаты продолжающегося соперничества двух стран в экономике, торговле, высоких технологиях и военно-стратегической сфере определяют, в конечном итоге, сохранит ли Америка в них лидирующие позиции или будет оттеснена с первого места энергичной, бурно развивающейся, устремленной вперед, хваткой и напористой «желтой машиной».

У России в отличие от американо-китайского противостояния, оцениваемого как «регулируемое», «биполярность» с Америкой ведущими отечественными экспертами-политологами признается «нерегулируемой»⁵. С этим, однако, можно поспорить.

Отношения России с США обострились до крайности не сразу. Их деградация шла постепенно на протяжении 10 лет с лишним. Аплодируя глобализации и декларируя в начале 1990-х гг. присоединение к этому процессу, тогдашнее российское руководство старалось не замечать или упускало из виду, что одновременно его обратной стороной являлись повсеместное насаждение и распространение пресловутых американских шаблонов и идеологических ценностей, наше неизбежное подстраивание под них, усиление зависимости от Америки и подчинение ей.

Первые признаки недовольства России миропорядком, установленным Западом после распада СССР и отведенным ей местом в нем, проявились еще во время президентства Б. Ельцина в действиях премьера Е. Примакова. Его знаменитый «разворот» над Атлантикой, а также бросок российских десантников на Приштину свидетельствовали, что молча и безоглядно глотать любую «западную наживку» мы не станем.

Резкой отповедью западному диктату прозвучала 10 февраля 2007 г. речь В. Путина в Мюнхене, которая, правда, лишь усугубила ситуацию и усилила негативное восприятие России и фигуры ее лидера в западном сообществе. Но к тому времени Россией совместно

с дружественными ей странами уже были предприняты первоначальные шаги по формированию структур (ШОС, БРИКС, РИК, ЕАЭС и др.), предназначенных составить основу многополярного каркаса грядущего мироустройства, альтернативного западной однополярности. Все это осуществлялось ею практически параллельно с кампанией «поворота на Восток» под лозунгом: «Поймаем восточный ветер в свои паруса!»

Итогом дальнейших действий России, главным из которых стало присоединение Крыма, явилось ее исключение из «восьмерки» в марте 2014 г. Оно ознаменовало начало реального кризиса в ее отношениях с Западом, который по мере усугубления стал приобретать тотальный характер. Этот системный кризис, который развернулся на фоне ряда серьезных внутренних распрей в западном сообществе, еще более ожесточился с приходом к власти в США администрации Дональда Трампа.

К середине лета 2018 г. российско-американские отношения снизились до уровня «хуже некуда». Многие сравнивали их с Карибским кризисом, «новой холодной войной». Об этом, в частности, заявлял Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш⁶. Глава МИД РФ С. Лавров был еще более категоричен, утверждая, что ситуация гораздо критичнее, чем в те далекие времена, поскольку «тогда действовали каналы коммуникации, а сегодня они отсутствуют»⁷.

«Коммуникация» состоялась 16 июля 2018 г., когда в Хельсинки прошли переговоры В.Путина и Д.Трампа, оценки которых разнились от сдержанного пессимизма до робкого оптимизма в российской среде и от параноидальной шпиономании до обвинений в «предательстве национальных интересов», прозвучавших из уст определенной части американского истеблишмента.

Почему результатом полутора десятилетий движения России навстречу Западу и ее усилий сделать отношения с ним более тесными и доверительными стала ее фактическая изоляция и обструкция с его стороны?

В разгар холодной войны в 1980-е гг. президент Рейган нарек Советский Союз «империей зла». Звучало обидно и оскорбительно, но даже в том негативном «клейме» слух советского человека ласка-

ло слово «империя», означавшее, что мы были все-таки не одни, а окружены некой когортой союзников, на худой конец — сателлитов.

Сегодняшняя Россия — давно не империя, а коллективные скоординированные усилия Запада уже минимум 5–6 лет направлены на «заталкивание» ее в компанию так называемых стран-изгоев, включающую Северную Корею, Ирак, Ливию, Сирию и им подобных.

Фактом остается и то, что на фоне презентованных президентом Путиным новых видов сверхсовременных и совершенных вооружений, которыми якобы обладает теперь Россия, и рекламировавшихся им наших мощных технологических прорывов в военной сфере мы ощущаем себя более одинокими в мире по сравнению с прежними временами. Появился даже термин «стратегическое одиночество», к которому некоторые авторитетные российские политологи, относятся скорее благосклонно, чем негативно⁸.

«Мы должны стать экономически сильнее, и тогда к нам тоже потянутся. А сейчас кто тянется? Тех, кто приходит к нам с протянутой рукой, мы не в состоянии кормить икрой с ложечки. Нам бы себя обеспечить». Эти слова принадлежат генералу армии В.И. Трубникову, бывшему директору Службы внешней разведки и бывшему заместителю министра иностранных дел РФ⁹. Добавить к ним нечего.

Страна с развитой сильной экономикой, способная не только обеспечивать себя, но предложить остальному миру разнообразный ассортимент собственной продукции, помимо сырья и оружия, вряд ли оказалась бы в вакууме изоляции и озадачилась поиском сомнительных союзников, привлекая их раздачей заведомо безвозвратных кредитов, компенсировать которые будет вынуждена потом «за счет внутренних ресурсов».

К сожалению, реально эффективных договорных союзников у нынешней России фактически нет. Из бывших советских республик, расположенных по периметру РФ, официальные союзнические отношения имеются у нее только с пятью членами ОДКБ — Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном, которых она обязалась защищать любой ценой, «вплоть до применения ядерного оружия» на основании обязательств о коллективной

обороне. Однако в реальности ядерную агрессию против этих стран, как полагают видные эксперты-международники, «трудно себе представить»¹⁰.

Еще с шестью бывшими республиками СССР отношения у России практически враждебные или близкие к таковым (с Украиной, Латвией, Литвой, отчасти — с Эстонией, Молдовой и Грузией), а с тремя остальными — нейтрально-сдержанные (с Азербайджаном, Узбекистаном и Туркменией). Понятно, что **при таких взаимоотношениях** внутри бывшего СССР **рассчитывать на формирование** в будущей многополярной системе **отдельного полюса, группирующего вокруг России, особо не приходится.**

Как отмечалось выше, силой и влиянием в мире, безусловно, обладает **Китай**, давно **позиционирующий** себя нашим «**доверительным стратегическим партнером**». Разговоры о трансформации партнерских связей РФ и КНР в союзнические отношения ведутся ни один год, преимущественно под напором некоторых представителей наших военных и силовых структур, туманно представляющих себе специфические особенности данной проблемы. Они могут еще больше активизироваться после недавней российско-китайской встречи на высшем уровне.

Однако **реальным договорным союзником** с нами **Китай не станет**, поскольку, во-первых, сам принципиально не согласен связывать себя узами альянсов, полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета.

А сегодня такого союза с Китаем следует побаиваться, прежде всего, нам самим, ибо в случае его гипотетического заключения часть нашего суверенитета окажется в руках КНР, и России придется задуматься, как выстраивать союз со страной, население которой десятикратно превосходит российское, а ВВП РФ составляет всего несколько процентов китайского. При этом нелишне иметь в виду, что инвестиции КНР в экономику России поступают исключительно по государственным каналам, но не от частного китайского бизнеса.

Во-вторых, главное состоит в том, что **позиции России не всегда и не во всем совпадают с китайскими, а по некоторым вопросам существ-**

венно разнятся: в приоритете у каждой из сторон свои собственные интересы.

Стоит упомянуть о различиях во взглядах двух стран на экономическое развитие Центральной Азии, на деятельность ШОС и других региональных структур. Интересна статистика голосований РФ и КНР в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, выявляющая несовпадения в их подходах к оценкам важных международных проблем¹¹. КНР занимает «особую позицию» по Крыму и в территориальном споре РФ с Японией, склонна к солидарности с США по арктической тематике. Пекин скрупулезно выполняет все финансово-экономические санкции Вашингтона в отношении России и не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению.

Порою складывается впечатление, что Китай видит в России, в первую очередь, не экономического и политического партнера, а некую контрсилу, способную вместе с ним противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами.

К тому же при создании договорных союзов видимо не стоит игнорировать такой важный фактор, как **совместимость национальных психотипов** народов у заключающих альянс государств. Без его учета результаты таких усилий могут оказаться непредсказуемыми.

Даже не союз, а просто единый российско-китайский полюс в грядущей мировой архитектонике представить непросто, поскольку у обеих стран с их амбициями неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить существующие разногласия. Тем не менее, необходимо всячески оберегать нынешние российско-китайские отношения, заботиться об их упрочении и постоянно изыскивать способы повышения заинтересованности в них у китайской стороны.

Стремление к укреплению внутренних рынков, рост и развитие индустриальной базы внутри самих США, ограничение иммиграционных потоков, разрыв международных торговых договоренностей, чреватых для Америки экономическими потерями, отказ от спекулятивных сделок, увеличение добычи собственных нефти и газа и сокращение их импорта при одновременном желании принудить

Европу и весь остальной мир покупать дорогую американскую сланцевую нефть вместо более дешевой российской, а также другие подобные шаги нового президента не только коренным образом изменили ситуацию в стране, но вызвали неоднозначную международную реакцию, вплоть до заявлений о том, что «США рискуют потерять роль мирового лидера», практически поставив на грань краха традиционное внутреннее двухпартийное единство во внешней политике.

Положение усугубили обвинения в адрес Трампа в якобы обеспечившем ему победу на президентских выборах сговоре с Россией. Во многом благодаря именно этому фактору отношения двух стран складывались напряженно и тяжело. Даже если желание их улучшения со стороны Трампа было искренним, он не мог открыто демонстрировать свое дружелюбие к России, поскольку позиционировался в американских СМИ чуть ли ни в качестве «агента Кремля».

Характерно, что главной причиной ухудшения российско-американских отношений стали не столько события на Украине или так называемая «аннексия Крыма Россией». Это было лишь одним из поводов для демарша со стороны США. Действительная первопричина состояла в том, что **на рубеже 2008—2009 гг. тогдашние американские администрации республиканцев и демократов, сменявшие друг друга во власти, проглядели реальный «закат» однополярности и, сочтя урегулирование последствий распада биполярной системы мира окончательно завершенным, сбросили Россию со счетов как «глобального игрока».**

Возвращение в 2012 г. в президенты прагматичного и жесткого В. Путина спутало американцам все карты, поколебало уже считавшееся ими состоявшимся деление мира «по интересам» и привело к возникновению, загодя до Украины, целого ряда конфликтов, постепенно повлекших ухудшение, а затем и окончательную деградацию российско-американских связей. **Американская реакция на события на Украине и на роль в них России выглядела как одно из проявлений сопротивления США начальным шагам по формированию основ глобальной полицентричности.**

«Гнев на Россию» цепной реакцией перекинулся из США в страны Европы, расширив политику санкций и породив контрсанкции,

приведя к ущемлению российских прав на нормальную деятельность в рамках международных форматов, включая участие в целом ряде форумов. Запад консолидировано ополчился на нас по единственной и главной причине — отсутствию желания наблюдать возрождение России в качестве великой глобальной державы, что противоречило его замыслам и пугало больше всего.

Российско-американские связи, пожалуй, одна из труднейших проблем новой администрации США. Мы сами во многом виноваты, поскольку сразу после выборов многочисленные российские политики, политологи и представители СМИ начали раздувать «трампоманию»¹², авансировав необоснованный оптимизм по поводу надежд на скорое улучшение отношений с Америкой. Ни одна из них не оправдалась. Всколыхнувшиеся в самые последние дни после возобновления российско-американских контактов на высоком политическом уровне ростки оптимизма пока лишены реальной подпитки и не могут оцениваться всерьез.

Что касается последнего, то, по утверждениям экспертов, внутри стратегического сообщества США давно существует точка зрения, что «Соединенные Штаты должны предотвратить превращение Китая в мировую державу, стимулируя внутренние противоречия, и, если это не поможет, прибегнуть к превентивной войне»¹³.

В реальности, даже нормализовав в 1972 г. отношения с Пекином, Вашингтон сохранял идеологическую нетерпимость и стратегические цели политики по отношению к КНР, состоявшие, в конечном итоге, в замене политического строя и социальной системы в ней и утверждении благоприятного для США режима. Это обстоятельство, подтверждаемое в том числе играми в так называемую «кимерику», фигурировало в качестве одной из первопричин накопления конфликтного потенциала в американо-китайских отношениях.

Для Китая с учетом его планов модернизации, рассчитанных на первую половину нынешнего столетия, обострение конфликта с США представлялось катастрофой, способной затормозить развитие страны и отбросить ее на исходные позиции. Поэтому в КНР отношения двух стран до недавних пор характеризовались как «сочетание сотрудничества и конкуренции», но без элементов конфрон-

тации¹⁴. При этом Пекин никогда не соглашался на роль младшего партнера США.

Намерение Трампа возродить величие Америки на новой, «более крепкой» основе не могло не отразиться на характере взаимоотношений США с КНР. Еще при Обаме Китай, став второй, а по отдельным показателям первой экономикой мира, активизировал участие в глобальном управлении, расширив его с экономической на сферу безопасности и заявив, таким образом, о претензии на роль одного из глобальных лидеров.

Мысль о такой возможности была недопустимой не только для Обамы, пытавшегося воспрепятствовать укреплению китайских позиций в АТР, но оказалась неприемлемой и для Трампа, несмотря на его притворную благосклонность к инициативам КНР о расширении сотрудничества со странами региона. Доминирование Китая в нем США разрешить не могли, поскольку потеря тихоокеанской Азии означала бы для американцев утрату плацдарма, подкрепляющего фундамент их глобального лидерства. Так, в геополитической сфере по инициативе Трампа возникло новое образование — Индо-Тихоокеанский регион, или так называемая «Индо-Пацифика».

Продолжая называть отношения США с Китаем «самыми важными двусторонними отношениями в мире», **Вашингтон в «Стратегии национальной безопасности» (2017) впервые причислил КНР к своим главным стратегическим соперникам.** Произошел отход от двух важных постулатов в политике прежней администрации в отношении Пекина:

1) о том, что поддержание прежнего баланса сил в АТР и Восточной Азии якобы может сдерживать стремление Китая изменить установленный там Америкой региональный порядок;

2) отказ от дальнейших попыток интеграции КНР — в надежде на последующую либерализацию ее режима изнутри — в общемировой порядок, формировавшийся под патронажем США.

В политико-правовой сфере США инкриминируют Китаю: милитаризацию Южно-Китайского моря; усиление давления на Тайвань; нарушения в области прав человека и свободы вероисповедания; поощряемый властями кибершпионаж; модернизацию китайских во-

енных объектов за счет кражи американских технологий путем хакерских атак; расширение геополитических притязаний.

В финансово-экономической сфере в вину Пекину традиционно вменяются: манипулирование курсом юаня; установление и использование дискриминационных торговых барьеров; товарный демпинг, ведущий к развалу американской промышленности; введение ограничений на торговлю с США; настойчивое требование Китая о доступе к новым американским технологиям в обмен на присутствие компаний США на его рынках и пр.

Хотя «торговую войну» Пекину первыми объявили США, в Вашингтоне исходят из того, что схватку начал Китай, бросивший вызов Америке. В то же время оценки причин начала этой войны российскими специалистами варьируются в диапазоне от обвинений Китая в ее разжигании, вольном или невольном, путем несоблюдения общепринятых правил международной торговли до признания вины за США из-за их нежелания смириться со стремлением Пекина к приобретению статуса глобальной державы.

В этом контексте действия Трампа рассматриваются как намеренное сдерживание технологического развития Китая в качестве способа торможения КНР на пути к этому статусу, в частности, срыва программы «Сделано в Китае — 2025», поскольку основными объектами протекционистских мер со стороны США являются именно те отрасли, которые в этой программе выделены в качестве приоритетных.

Сам факт нынешнего американо-китайского противоборства свидетельствует о появлении нескольких принципиально новых моментов в отношениях двух стран.

1. Тесные торгово-экономические связи и огромные объемы товарооборота не являются более гарантией недопущения перерастания разногласий США с Китаем в острый конфликт, вплоть до тотальной конфронтации;

2. Торговые споры становятся, таким образом, рычагами не только экономического, но и политического давления;

3. Меняется статус КНР в отношении с США: из конкурирующего партнера она переводится в разряд геополитических соперни-

ков Америки, противоборство с которым может с экономической распространиться и на другие сферы;

4. Диалоговые механизмы между США и КНР, деятельность которых приторможена ухудшением их взаимоотношений, нуждаются в перезагрузке или обновлении;

5. В отношениях двух стран налицо усиление противоречий идеологического и гуманитарного характера по проблемам демократии и тоталитаризма, прав и свобод, сущностей правового государства и т. п.;

6. Обнаружились новые разногласия: требования США о необходимости подключения Китая к переговорам России с Америкой по ракетно-ядерной тематике встретили резко негативную реакцию со стороны КНР;

7. Сохраняется разница в подходах к организации будущего миропорядка: КНР ратует за многополярность, а США по-прежнему привержены идее однополюсного мира.

Каким же будет грядущий миропорядок? Спрогнозировать это сложно, хотя, исходя из преследуемых странами «треугольника» целей и ситуации, складывающейся в их взаимоотношениях, общие его контуры вырисовываются ныне более рельефно.

Оговоренные США и Китаем сроки урегулирования их торгово-экономического конфликта постоянно продлеваются, и переговоры сторон, очевидно, зашли в тупик. Это с большой вероятностью свидетельствует о том, что даже если соглашение между ними будет, в конце концов, достигнуто, накопившиеся в китайско-американских отношениях фундаментальные противоречия до конца разрешить не удастся. Противостояние, начавшееся как торговая война, грозит перерасти в перманентное состояние взаимной враждебности, о чем свидетельствуют четко выраженные сторонами намерения «не уступать друг другу».

Характерно, что Китай, очевидно уже не рассчитывая на скорое и мирное разрешение экономического конфликта с США, отошел от сдержанной и дипломатичной риторики, которая использовалась Пекином еще не так давно, и настроен на то, чтобы «быть жестким» к Америке и «достигнуть мира путем борьбы»¹⁵. У каждой из сторон

«своя правда». Китай полагает, что десятилетиями субсидировал экономику США, одалживая американцам деньги и поставляя промышленные товары, и поэтому может легко взорвать ее, отказав в такой поддержке.

США, со своей стороны, не считают такой подход болезненным только для них и безболезненным для самого Китая, обеспечивавшего на протяжении тех самых десятилетий рост собственной экономики за счет преференциального доступа к американским технологиям, капиталам и рынкам. Поэтому уверены, что «отключение» экономики КНР от американской системы (если дело дойдет именно до тотальных эмбарго и «долларовых санкций»), «не может не нанести Китаю довольно чувствительный ущерб, который придется купировать долгосрочными и тяжелыми реформами»¹⁶.

При этом сброс Китаем американских облигаций, нанося серьезный ущерб рядовым американцам, окажется на руку Трампу, поскольку ослабит доллар и поможет одновременно сократить дефицит США в торговле с КНР.

Для преодоления возникшего конфликта Китай был готов: а) увеличить импорт из США за счет замещения американскими сырьевыми товарами продукции из других стран; б) согласиться на реформы в сфере интеллектуальной собственности и увеличение открытости своей экономики; в) пойти на уступки в тех ее секторах, где того требовала сама логика экономических реформ.

Но США это не устроило. В дополнение они настаивали на отказе китайского государства от поддержки высокотехнологичных отраслей и сокращении отдельных форм субсидирования. Видимо, для КНР это стало той «красной чертой», которую она не могла себе позволить переступить: решение о запрете дальнейших уступок США со стороны Китая якобы принял лично сам Си Цзиньпин.

В то же время считается, что Трамп после «индальгенции» от комиссии Мюллера больше не нуждается в быстрой сделке с КНР, которая, выходя **тактическим успехом**, стала бы для него в преддверии грядущих в 2020 г. президентских выборов **стратегической неудачей** в реализации курса на восстановление «величия Америки»¹⁷.

По поводу дальнейших перспектив развития американско-китайского противоборства имеются различные точки зрения. Одна из них сводится к тому, что нынешние американские власти якобы намерены «давить на Китай до конца», поскольку решается вопрос о том, сохранят ли США статус мирового гегемона в XXI веке. И они будут добиваться эскалации до тех пор, пока ее последствия не станут нетерпимыми для Китая или самих США. А руководство КНР, в свою очередь, якобы делает ставку на более высокий «болево́й поро́г» китайцев и выносливость их системы по сравнению с оппонентами.

Другое мнение состоит в том, что Пекин утратил надежду найти решение проблемы с республиканской администрацией и будет всячески поощрять приход в Белый дом в 2020 г. демократов, тем более, что сын их потенциального кандидата Дж. Байдена связан с китайским бизнесом.

Следует признать, что политика Трампа постепенно приводит к уменьшению дисбаланса в пользу КНР, существующего во взаимной торговле США и Китая. Это происходит, в первую очередь, за счет падения китайского экспорта в Америку, которое в 2018 г. составило уже 2,4 %.

США резко ограничивают прямые китайские инвестиции в свои стратегические отрасли, в частности, в сферу разработок искусственного интеллекта и стандарта 5G, давят на партнеров и союзников, требуя их отказа от участия в инициативе «пояса и путей» и увеличивая силовой нажим на Китай, усиливая в том числе патрулирование в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях якобы для «обеспечения свободы судоходства».

Однако не исключено, что в китайском руководстве на фоне внешне «монолитного единства» вызревают разногласия по поводу дальнейшего курса в отношении США. Об этом свидетельствуют расхождения во мнениях среди экспертного сообщества КНР, серьезно влияющего на выработку политики Пекина. В то время, как представители «проправительственного блока» (Пекин, северо-восток страны) ратуют за обострение борьбы сопротивления Америке чуть ли не «на всех фронтах», ориентированные на бизнес и получение прибыли регионы юго-востока и юга Китая (Шанхай, Гуандун и т. п.) настаивают

вают на поисках «каналов налаживания отношений», что неудивительно, если подсчитать доходы, которые они рискуют потерять¹⁸.

Пока же Пекин предпринимает ответные шаги на майское повышение Соединенными Штатами с 10 до 25 % пошлин на китайский импорт объемом 200 млрд долл. С 1 июня 2020 г. КНР увеличила с 10 до 25 % тарифы на импорт из США 2493 наименований товаров. Еще на 1078 наименований товаров тарифы вырастут с 10 до 20 %. Одновременно отвергаются все американские обвинения в адрес Китая, включая требования о передаче технологий взамен доступа США на китайский рынок, которые «Жэньминь жибао» охарактеризовала как «чистый вымысел».

Отвергнуты претензии США к Китаю в ракетно-ядерной сфере. Позиция Пекина состоит в том, что страны с наибольшими арсеналами ядерного оружия должны выполнить свои обязательства по разоружению, продолжить выполнение соглашений о контроле над вооружениями и продлить соответствующие договоры.

А сама КНР, которая якобы «дала обещание не применять против других ядерное оружие первой» и в стратегическом арсенале которой дискутируемые виды вооружений средней и малой дальности составляют до 80 %, исходит из того, что ее ракетно-ядерные силы «поддерживаются на минимальном уровне». Поэтому она не станет принимать участия в любых переговорах о трехстороннем соглашении по ним. При этом НОАК уже начала строить авианосцы и создавать зарубежные базы.

Тем не менее, отказ Пекина от участия в подобных переговорах — не самое неприятное из того, что может произойти в отношениях рассорившихся соперников. К гораздо более серьезным последствиям грозит привести затеянная КНР программа интернационализации юаня и вытеснения американской валюты с внутреннего китайского рынка. Копивший до 2014 г. резервы в долларах США Китай 5 лет назад изменил свою стратегию, предпочтя делать валютные инвестиции за границей. Перспективные планы КНР нацелены на то, чтобы полностью отказаться от использования доллара в международной торговле: тогда китайскую экономику не устроят никакие санкции.

Но чем это может обернуться для нас и остального мира?

Россия в торговых отношениях с Китаем договорилась развивать практику расчетов в национальных валютах. Пока же до 76 % товарооборота двух стран обеспечивается в долларах США, а полный переход на юань и рубль чреват определенными рисками. Так, девальвация юаня из-за торговой баталии с Америкой оборачивается потерями для их обладателя, что в прошлом году уже ощутил Центробанк РФ, нарастивший долю юаня в своем золотовалютном резерве до 15 %.

Что касается мировых последствий, проблема состоит в том, что экономику США с превысившим 20 трлн долл. государственным долгом пока удастся «держать на плаву» во многом благодаря использованию доллара в качестве основной мировой валюты, а Вашингтон — в роли ее эмиссионного центра. Дедолларизация международной экономической системы, составляющая цель Пекина, может привести к нарушению ее целостности и возникновению других самостоятельных и независимых эмиссионных центров, опирающихся на юаневый, золотой или иной стандарт и контролируемых силами, уполномоченными принимать политические, экономические и любые прочие решения.

Помимо новых эмиссионных центров могут появиться и другие изолированные глобально значимые контролирующие финансовые системы, что способно спровоцировать возникновение «новой холодной войны», но уже не на политико-идеологической, а на финансово-экономической почве, которая может запустить новый этап деглобализации или как минимум разделить мировую экономику на части. Ужесточение борьбы за очередной передел глобальных рынков в перспективе не исключает превращения холодной «экономической» войны в реальную горячую.

Главный архитектор американско-китайских отношений и инициатор сближения двух стран, 96-летний патриарх современной политологии Генри Киссинджер считает, что из ситуации, в которой оказались сегодня США и КНР, бесконфликтного выхода нет. А глубину конфликта усиливает то, что «водораздел» между Амери-

кой и Китаем пролегает еще и по идеологической линии, на которую стороны до поры, до времени стремились «зажмуривать веки».

Из утверждения Киссинджера следует, что вероятность альтернативы жесткому варианту «мягкого», при котором соперники смогли бы «нащупать договоренности» и восстановить былое взаимодействие, практически равна нулю. В то же время, учитывая возможность обоюдного осознания сторонами серьезных последствий эскалации конфликта между ними для глобального мира и безопасности, теплится надежда, что «до самого края» они дойти не рискнут. Поэтому прогноз дальнейшего развития нынешней ситуации хотелось бы видеть все-таки на путях пусть долгих и трудных, но **мирных** поисков решений с помощью обоюдных компромиссов и уступок, результатом которых вполне могут стать формирование некой «новой биполярности», или шаткая конструкция «балансирования на грани».

Где же в этих поисках место и роль России? Сегодня она «зажата» между Евро-Атлантикой и КНР, уже готовыми к переходу на следующий технологический этап, к новому уровню «цифровизации». Таким образом, выбор Россией своих политических ориентиров может одновременно стать и выбором пути ее будущего технологического развития, или наоборот — технологии определяющим образом повлияют на ее политику

Если исходить из преобладающей пока конфронтационной парадигмы, соблазн «смычки» с Китаем достаточно велик. К формированию китайско-российского двустороннего полюса призывают видные российские и китайские политики Игорь Иванов и Дай Бинго. Этому призыву наверняка аплодируют те в России, кто безапелляционно заявляет, что «вместе с Китаем мы — непобедимая сила». Эта, на первый взгляд, неоспоримая формула опасна тем, что нацеливает на сохранение перманентности конфронтации, неизбежность военного конфликта и может сыграть негативную роль. Но конфронтация не должна быть вечной.

А тем, кто ратует сегодня за безоглядное упрочение дружбы с КНР, вплоть до воплощения в жизнь бывшего лозунга «Русский с китайцем — братья навек!», следует помнить: особенности националь-

ного менталитета в Китае, когда речи зачастую не вполне тождественны деяниям; все зигзаги и нюансы 70-летней истории наших взаимоотношений; сравнительную статистику торгово-экономических связей Китая с Россией и США¹⁹.

Кроме того, по признанию российских СМИ, большую роль в нынешнем российско-китайском сближении играет **эмоциональная составляющая** — та самая, что была присуща китайско-американским связям при установлении между двумя государствами дипломатических отношений 40 лет назад.

Очевидно, что политические отношения между РФ и КНР сегодня масштабнее и богаче, чем их экономическое сотрудничество, а китайско-американские связи в торгово-экономической области, несмотря на разгоревшийся конфликт, по-прежнему пока более глубокие и насыщенные, чем взаимоотношения в политической сфере. К сожалению, по своим экономическим параметрам, геополитическим весу и влиянию мы сейчас выглядим слабейшими в «тройке».

Пока сохраняется американское стремление к гегемонии, а у России и Китая преобладают рассчитанные на долговременную перспективу планы формирования нового международного порядка взамен брюссельско-вашингтонской системы, конфронтационная парадигма будет доминировать.

Отсюда следует, что **главным и определяющим для продвижения по пути к новой системе мироустройства станет переход от парадигмы конфронтации к парадигме кооперации, от восприятия мира как совокупности конфликтов и противостояний к осознанию необходимости его развития в русле сотрудничества и замены принципа баланса сил балансом интересов.**

Это вовсе не означает, однако, что при продвижении по такому пути во взаимодействии с Китаем мы должны во всем потакать ему и действовать исключительно в его интересах, игнорируя свои собственные. Прежде всего, не в наших интересах пытаться «замирять» Китай и Америку. Идеальной для нас могла бы оказаться «классическая формула» взаимоотношений в трехстороннем формате, когда отношения одной стороны с каждой из двух других лучше отношений между ними.

Следовательно, внешнеполитическим приоритетом России должно стать налаживание взаимосвязей с США, которое потребует серьезного обновления российской дипломатией ее практики, форм, методов и подходов. Кроме того, «точками опоры» для России на этом пути станут поиски поддержки, помимо Китая, со стороны возможно большего числа экономически значимых, политически не ангажированных и сильных в военном отношении государств, а также нахождение платформ для компромиссов с США в приемлемых для обеих сторон областях.

В связи с этим кажется интересной озвученная недавно идея о проведении форума ЕС—РФ—КНР—АТР по проблемам мирососедства и обновления мироустройства. Представляется нелишним пригласить к участию в подобном мероприятии и представителей США.

В идеале конфликтующие стороны должны прийти к пониманию неизбежности принятия договоренностей о **конструктивном управлении своим соперничеством**, при котором сотрудничество в одних сферах может осуществляться одновременно со здоровой конкуренцией в других. Тогда появится возможность построения нового международного порядка, основанного на понимании того, что любой восходящей державе следует отвести определенную роль в формировании глобальных правил и институтов.

Именно такими подходами руководствовалась КНР, предлагая в свое время США принципы урегулирования ситуации в Южно-Китайском море. Именно они могут быть положены в основу устранения наследия ушедшей в прошлое эпохи холодной войны — «разграничительных линий» на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе.

Примечания

¹ Под «российско-китайскими отношениями» автор подразумевает двусторонние отношения СССР/РФ—КНР с 1 октября 1949 г.

² *Леон Трессел*. Китай не оставляет Америке ни одного шанса. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/228252>

³ См.: *Отырба А.* О чем китайские власти сигнализируют России. 23.05.2019. Firefox HTML.

⁴ *Батюк В.И.* Россия и Китай в стратегии администрации Трампа // Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 31.

⁵ Об этом заявил директор Института США и Канады РАН В.Н.Гарбузов на состоявшемся 26 марта 2019 г. в Институте Дальнего Востока РАН совместном семинаре ученых ИДВ РАН и ИСКРАН.

⁶ URL: <https://russian.rt.com/world/news/505979>

⁷ Интервью BBC 16.04.2018 г.

⁸ *Караганов С.* Свобода в выборе пути // Российская газета. 07.06.2018.

⁹ Аргументы и факты. 2018. № 24.

¹⁰ Там же. 2018. № 11.

¹¹ См. выступление А.Ч. Мокрешкого на «круглом столе» по проблемам российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 17—18.

¹² Только в январе 2017 г. Трамп упоминался в российских СМИ 202 тыс. раз по сравнению со 147,7 тыс. упоминаний в них неизменного лидера шести прошлых лет В. Путина (Независимая газета. 1.3.2017).

¹³ Независимая газета (Сценарии). 1998. № 12.

¹⁴ Сяньдай гоцзи гуаньси. 2002. № 1—2. С. 93.

¹⁵ URL: <https://news-front.info/2019/0516>

¹⁶ Там же.

¹⁷ URL: <https://profile.ru/columnist/govorit-ne-o-chem-141566>

¹⁸ Это отчетливо прозвучало в выступлениях китайских экспертов в ходе V Международной конференции «Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху», прошедшей в Москве под эгидой Российского совета по международным делам 29—30 мая 2019 г.

¹⁹ Экспорт КНР в РФ в 2018 г. — 45,8 млрд долл., импорт из РФ — 56,5 млрд долл., экспорт КНР в США — 456,5 млрд долл., импорт из США — 147 млрд долл. В 2018 г. на Россию пришлось 1,9 % китайского экспорта, а экспорт РФ в КНР составил 2,8 % от общего китайского импорта.

Ким Ен Ун

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КОРЕИ

Аннотация. 30 ноября 2016 была опубликована обновленная Концепция внешней политики России. Публикация новой концепции была связана с быстрыми переменами некоторых фундаментальных проблем международных отношений, а также изменениями положения, места и роли в ней многих стран, с которыми поддерживает отношения Россия. Это относится и к ее корейской политике. Имеется в виду необходимость корректировки политики России как по корейской проблеме в целом, включая вопросы мира и безопасности, денуклеаризации полуострова, так и по отношению с КНДР и Республикой Корея.

Ключевые слова: концепция внешней политики РФ, корейская проблема, КНДР, РК, активная дипломатия.

Автор: Ким Ен Ун, к.философ.н., в.н.с. ИДВ РАН.

E-mail: kim@ifes-ras.ru

Kim En Un

Russia—Korea foreign policy concept

Abstract. On November 30, 2016, the updated Concept of Russian Foreign Policy was published. the publication of the new concept, one might say, was associated with rapid changes in some fundamental prob-

lems of international relations, as well as changes in the position, place and weight of many countries with which Russia maintains relations. This also applies to the Korean policy of Russia. This refers to the need to adjust Russia's policy both on the Korean problem as a whole (including issues of peace and security, denuclearization of the peninsula) and in relation to the DPRK and the Republic of Korea.

Keywords: Foreign policy concept of the Russian Federation, Korean problem, DPRK, ROK, active diplomacy.

Author: Kim En Un. Ph.D. Leading researcher Fellow, Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences.

30 ноября 2016 г. была опубликована обновленная концепция внешней политики Российской Федерации. Появление этого документа за полтора года до окончания полномочий действующего президента В.В. Путина в четвертьвековой истории постсоветской России представлялось необычным.

Как известно, документ под названием «Концепция внешней политики Российской Федерации» в более чем тысячелетней истории России родился менее четверти века назад. Его не было ни в царской России, ни в Советском Союзе. 23 апреля 1993 г. распоряжением президента России Б.Н. Ельцина были утверждены «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации». Как многое во время его правления, он больше не упоминался ни в последовавших ежегодных посланиях президента Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ, ни в каких-то других основополагающих документах по внешней политике. Повторное избрание Б.Н. Ельцина президентом России не оказало влияния на необходимость или желание внести какие-либо изменения или принять новый документ под аналогичным названием.

В следующий раз документ под названием «Концепция внешней политики Российской Федерации» был утвержден указом второго президента России В.В. Путина 28 июня 2000 г., т. е. всего через месяц после его инаугурации.

Третий документ под таким же названием был опубликован следующим президентом России Д.А. Медведевым 15 июля 2008 г., т. е. через два с небольшим месяца после вступления в должность.

Четвертая «Концепция внешней политики РФ» была утверждена президентом В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., т. е. через 9 месяцев после инаугурации.

Таким образом, можно сказать, что в России установилась традиция публикации такого основополагающего документа по внешней политике один раз за весь период полномочий президента, будь то один или два срока. Поэтому публикацию новой концепции внешней политики России при действующем президенте, имеющем огромную поддержку среди населения и политической элиты, нельзя отнести к рядовому событию.

Утверждение 1 декабря 2016 г. «Концепции внешней политики Российской Федерации» было связано с быстрыми переменами в некоторых фундаментальных проблемах международных отношений, а также изменениями положения, места и веса многих стран, с которыми поддерживает отношения России.

В задачи данного исследования не входит сравнение различных редакций или анализа эволюции этого основополагающего документа по внешней политике страны на всех ее направлениях.

В нем дается определение самого понятия концепции внешней политики. Так, в редакции этого документа от 28 июня 2000 г. сказано: «Концепция внешней политики Российской Федерации представляет собой систему взглядов на содержание и основные направления внешнеполитической деятельности России»¹.

Документ 2008 г. дает такое определение: «Концепция внешней политики Российской Федерации (далее — Концепция) — система взглядов на содержание, принципы и основные направления внешнеполитической деятельности России»², т. е. подчеркнута важность принципов, которых придерживается Россия в международных делах и к соблюдению которых она призывает мировое сообщество.

Документ от 18 февраля 2013 г. несколько расширяет цели и содержание концепции: «Концепция внешней политики Российской Федерации (далее — Концепция) представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешнеполитической деятельности Российской Федерации»³.

Концепция внешней политики (2016) в несколько видоизмененной редакции дает тоже определение документу: «Настоящая Концепция представляет собой систему взглядов на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации»⁴.

В этих определениях указаны принципы, основные направления, цели и задачи внешней политики страны. Но это не в полной мере отражает содержание документа, так как чтобы говорить о намерениях в области международной деятельности, о принципах такой работы, нужно дать анализ сложившейся ситуации в миропорядке, в системе международных отношений. И для нас, исследователей процессов в Восточной Азии и конкретно на Корейском полуострове, имеет фундаментальное значение оценка и понимание на основе этой оценки того, что и в какой форме, в каком направлении там развиваются события.

А уже исходя из этого, нужно оценивать и внешнюю политику изучаемых стран, и политику Российской Федерации по отношению к этим странам, и насколько правильно и действенно поставлены ориентиры внешней политики в интересующем Россию регионе.

Важно обратить внимание на основные моменты в оценке глобальной ситуации, данной в Концепции внешней политики России 2016 г.

В ст. 4 Концепции констатируется, что «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентричной международной системы. Структура международных отношений продолжает усложняться. В результате процесса глобализации складываются новые центры экономического и политического влияния. Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сокращаются возможности исторического Запада доминировать в мировой экономике и политике.»⁵ Представляется принципиально важным выраженное еще в Концепции-2013 утверждение о сокращении возможностей «исторического Запада» доминировать в мировой экономике и политике⁶.

Концепция-2016 справедливо указывает, что сокращение возможностей «исторического Запада» доминировать отнюдь не означает, что он легко откажется от попыток удержать свои позиции. Западные страны, другими словами — страны мировой капиталистической системы, в частности, его наиболее могущественные страны, которые можно характеризовать как империалистические государства по целям и методам их влияния на международные процессы, будут пытаться продолжать навязывать свою точку зрения на общемировое развитие, подавлять активность альтернативных центров силы или тех государств, которые не хотят покорно идти в фарватере их политики, что не может не приводить к «нарастанию нестабильности в международных отношениях, усилению турбулентности на глобальном и региональном уровнях»⁷.

И в этом плане «борьба за доминирование в формировании ключевых принципов организации будущей международной системы становится главной тенденцией современного этапа мирового развития»⁸.

Концепция определяет приоритеты России в решении глобальных проблем. Они следующие: формирование справедливого и устойчивого мироустройства при ведущей роли такого института и инструмента решения международных проблем, как Организация Объединенных Наций; верховенство права в международных отношениях, которое призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их интересов, а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом; укрепление международной безопасности, отдавая предпочтение политико-дипломатическому урегулированию региональных конфликтов на основе коллективных действий международного сообщества, исходя из того, что разрешение таких конфликтов возможно посредством вовлечения всех сторон в диалог и переговоры, а не посредством изоляции какой-либо из них; международное экономическое и экологическое сотрудничество, которое будет содействовать формированию в мире справедливой и демократической торгово-экономической и валютно-финансовой системы, устойчивому социально-экономическому развитию государств как важнейшей

предпосылки формирования более эффективной и кризисоустойчивой международной системы, фактора благополучия и процветания всего человечества, исходя из того, что в условиях современных мировых экономических вызовов требуется общий подход к их преодолению; международное гуманитарное сотрудничество и права человека, направленные на то, чтобы добиваться уважения прав и свобод человека во всем мире путем конструктивного, равноправного международного диалога с учетом национальных, культурных и исторических особенностей и ценностей каждого государства, способствовать гуманизации социальных систем во всем мире в целях обеспечения основных прав и свобод человека⁹.

И здесь важно определить, какую позицию каждое государство занимает в этой борьбе. Способно ли оно, исходя из подлинных, а не сиюминутных, преходящих или кратковременных материальных, финансовых, национальных интересов, участвовать в утверждении справедливого миропорядка, в котором, как в хорошем хоре, в общем многозвучии был бы ясно слышен голос каждого и уважались его интересы, сопряженные с интересами соседей и мирового сообщества. Способно ли государство отказаться от участия и следования анахроничной, идущей от времен холодной войны политике и практике военно-политических союзов, ставящих, при всех лицемерных заявлениях о равенстве и согласии, более слабые в экономическом, военном, политическом отношении государства в зависимость от ведущей силы такого альянса и ограничивающие их суверенитет, и довольствоваться ситуацией ограниченного суверенитета со ссылками на мифические угрозы со стороны соседей или находящихся за тысячи километров стран. Хотя при этом они пытаются убедить себя и других в свободе своего выбора и своем суверенном решении.

В Концепции внешней политики Российской Федерации значительное место занимают намерения и принципы отношений к регионам (континентам) и региональным государствам, что можно назвать региональным измерением дипломатии России. Неизменным в качестве первого регионального измерения в отношениях с внешним миром остается в этом плане выбор отношений со странами

СНГ, с которым Россия долгие времена жила в составе одного государства¹⁰.

Следующим идет определение отношений со странами Евро-Атлантического региона. При этом Россия исходит из того, что более 2/3 ее населения живет в европейской части страны, и базовой основой русской культуры являются христианские ценности в их традиционном европейском понимании и значении. Культура России, конечно, вобрала в себя многообразие культур всех ее народов, что позволило создать по существу свою, новую для Европы цивилизацию, представляющую собой сплав культур, духовных ценностей всех народов России, придерживающихся и соблюдающих моральные и мировоззренческие принципы важнейших мировых религий, а также других норм человеческого бытия, выработанные вне религиозных парадигм.

Кроме того, основные внешнеэкономические связи и торговля России пока связаны в Европой. Учитывается также и то обстоятельство, что главной внешнеполитической и военно-политической силой, противостоящей ныне в мире России, является военный блок НАТО, а также недружественные, дискриминационные действия Евросоюза в отношении России в последние годы. И здесь важно положение Концепции-2016 о том, что российская политика в этом регионе в долгосрочной перспективе ориентирована на формирование общего пространства мира, безопасности и стабильности, основанного на принципах неделимости безопасности, равноправного сотрудничества и взаимного доверия. Россия последовательно выступает за перевод в юридически обязывающую форму политических деклараций о неделимости безопасности вне зависимости от членства государств в военно-политических союзах. В этом контексте определена и политика России по отношению к США и Канаде¹¹.

В приоритетах России на азиатском направлении в страновом измерении в Концепции-2016 первые места занимают отношения с КНР, Индией, Монголией, Японией, двумя Кореями¹². Между тем в Концепции-2013 приоритеты были несколько иные: КНР, Индия, две Кореи, Япония, Монголия¹³.

В ст. 84 Концепции-2013 цели и задачи политики России в отношении государств Корейского полуострова были охарактеризованы следующим образом: «Россия нацелена на поддержание дружественных, основанных на принципах добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея, более полное использование потенциала этих связей для ускорения регионального развития, оказания поддержки межкорейскому политическому диалогу и экономическому взаимодействию как важнейшему условию поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе. Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать последовательному продвижению этого процесса на основе соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, в том числе в рамках шестистороннего переговорного формата»¹⁴.

Концепция-2016 дает характеристику целей и задач политики России в отношении этих государств с несколько иными акцентами: «Россия, заинтересованная в поддержании традиционно дружественных отношений с Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея, будет добиваться снижения уровня конфронтации, ослабления напряженности на Корейском полуострове, а также достижения примирения и развития межкорейского сотрудничества посредством развития политического диалога. Россия неизменно выступает за безъядерный статус Корейского полуострова и будет всемерно содействовать его денуклеаризации, исходя из того, что средством достижения этой цели являются шестисторонние переговоры. Российская Федерация продолжит прилагать усилия в целях формирования механизма поддержания мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, а также будет принимать меры по расширению экономического взаимодействия в регионе»¹⁵.

Видно, что в 2013 г. упор в отношениях с корейскими государствами делался на различные формы сотрудничества между ними и Россией, а также оказание поддержки политическому диалогу и экономическому сотрудничеству для поддержания мира, стабильности и безопасности в регионе. Россия намерена продвигать процесс

формирования безъядерного статуса Корейского полуострова. Концепция-2016 делает основной упор на снижение уровня конфронтации, ослабление напряженности на полуострове.

Вместе с тем впервые термин традиционные дружественные отношения применен не только к КНДР, но и к Республике Корея, что говорит о накопленных формах взаимодействия между Россией и РК. Но при этом Россия учитывает, что надежды 2013 года на провозглашение «политики доверия», «сотрудничества в Северо-Восточной Азии», «евразийской инициативы», которые будут последовательно осуществляться администрацией бывшего президента Пак Кын Хе, не оправдались, а его обстоятельства и возможности разошлись с благими намерениями.

Россия также учитывает, что в отношении оценок современного этапа развития международных отношений, данных в ст. 6 Концепции-2013 и Концепции-2016, позиция Республики Корея в основном не соответствовала позиции не только России, но и стран ШОС, БРИКС и Движения неприсоединения. Южная Корея без особого сопротивления продолжала следовать в русле обязательств и отношений военно-политического союза с США.

По-видимому, имеется необходимость определенной корректировки политики России как по корейской проблеме в целом (включая вопросы мира и безопасности, денуклеаризации полуострова), так и по отношениям с КНДР и Республикой Корея в соответствии с изменяющимся балансом сил, основными векторами внешней политики этих стран и пониманием того, насколько они учитывают происходящие в мире перемены и тенденции. Необходима более активная работа российской дипломатии на корейском направлении, не вступая в конфронтацию с ведущими игроками в регионе, но и не умаляя своего веса и роли в мировой политике, а также не умаляя, но и не завышая ожиданий от экономического и иного сотрудничества с каждым из корейских государств.

Происшедшая в мае 2017 г. смена режима в Южной Корее дает определенные надежды на более самостоятельную позицию РК в вопросах международной политики, а также российско-южнокорейских отношений.

В поздравительной телеграмме президента Российской Федерации В.В. Путина вступившему в должность президенту Мун Чже Ину подчеркнуто, что в России высоко ценят конструктивные отношения с Республикой Корея, и подтверждена готовность к совместной работе по дальнейшему наращиванию двустороннего сотрудничества в различных областях, а также координации усилий в решении актуальных вопросов международной повестки дня¹⁶. Через два дня в телефонном разговоре с Мун Чже Ином В.В. Путин подчеркнул важность поиска путей политико-дипломатического урегулирования кризиса на Корейском полуострове¹⁷.

Намерения и действия президента Мун Чже Ина демонстрируют возможность более активных действий на российском направлении. Так, президент Мун направил своих специальных посланников в четыре страны, позиции которых имеют ключевое значение для нормализации обстановки на Корейском полуострове, а также в АСЕАН и к Папе Римскому Франциску. В США был отправлен бывший посол РК в этой стране, в КНР — бывший премьер-министр РК в годы президента Но Му Хена, давний сторонник всестороннего сотрудничества с КНР Ли Хэ Чан, в Японию — ветеран депутатского корпуса парламента, председатель парламентской группы по связям с парламентом Японии Мун Хы Сан, а в Россию — депутат парламента четырех созывов, бывший мэр города Инчона Сон Ен Гил, единственный из ныне действующих депутатов парламента РК, награжденный российским Орденом Дружбы, полученным им из рук президента В.В. Путина в 2013 г.

24 мая 2016 г. он был принят В.В. Путиным в Кремле. Депутат Сон пришел на встречу с Орденом Дружбы на лацкане, подчеркивая свое уважение к российской награде и лично к В.В. Путину, который тепло встретил его. Примечательно, что В.В. Путин до сих пор не принимал в Кремле ни премьер-министра, ни председателя парламента Республики Корея. Этот подчеркнуто уважительный в то же время искренний прием спецпосланника нового президента РК является хорошим сигналом настроя на конструктивное развитие наших двусторонних отношений, в частности, реализацию трехсторонних проектов РФ—РК—КНДР, сотрудничество в дальневосточ-

ном регионе России и др. Важно отметить, что во время беседы был дан сигнал о намерении России активизировать свое участие в решении проблем Корейского полуострова.

Спецпосланник Сон передал главе Российского государства послание лидера своей страны. Он, в частности, сообщил, что в этом документе изложены намерения и принципы нового правительства Республики Корея. От себя он добавил: «Наш новый президент господин Мун Чжэ Ин имеет очень твердую волю и проявляет большой интерес и любовь к России, и к отношениям России и Кореи. Вам будет очень хорошо работать с нашим новым президентом, я так чувствую»¹⁸.

Примечания

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена президентом Российской Федерации 28 июня 2000 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263/> (дата обращения: 10.03.2017).

² Концепция внешней политики Российской Федерации. 15 июля 2008 г. Раздел 1. URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 13.03.2017).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 февраля 2013 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/22186 (дата обращения: 14.03.2017).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. Раздел 1. ст. 1. URL: <http://universe-tss.su/main/politika/russia/43612-novaya-koncepciya-vneshney-politiki-rf.html> (дата обращения: 01.12.2016). В дальнейшем: Концепция внешней политики Российской Федерации-2016.

⁵ Там же. Ст. 4.

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации-2013. Раздел 1. Ст. 6.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации-2016. Ст. 23—48.

¹⁰ Там же. Ст. 49—59.

¹¹ Там же. Ст. 61—75.

¹² Концепция внешней политики Российской Федерации-2016. Ст. 84, 85, 87, 88, 89.

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации-2013. Ст. 80, 81, 84, 85, 86.

¹⁴ Там же. Ст. 84.

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г. ст. 89.

¹⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54475> (дата обращения: 10.05.2017).

¹⁷ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54488> (дата обращения: 12.05.2017).

¹⁸ Встреча со спецпосланником президента Республики Корея Сон Ён Гилем. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54564> (дата обращения: 24.05.2017).

Н.Л. Мамаева

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИОГРАФИИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. Главной темой исследований Института Дальнего Востока Российской академии наук продолжает оставаться изучение истории и современных проблем российско-китайских отношений. В настоящее время на фоне обострения международной ситуации и роста агрессивных настроений в мировом сообществе относительно России тема стала еще более актуальной. Поэтому российско-китайские отношения глазами известных китайских специалистов на международном научном форуме «Восток—Россия—Запад: история и современность» вызывают особый интерес. Конференция в концентрированном виде представила характеристики и оценки китайских историков-профессионалов по ряду принципиально важных и дискуссионных проблем истории и современного состояния отношений: характеристика и поддержка партнерских, но не союзнических отношений между Россией и Китаем как наиболее адекватных для развития российско-китайских отношений; определение сотрудничества в сфере экономики и поиск оптимальной модели экономического сотрудничества как ключевое направление, объединяющее Россию и Китай, и как вероятную перспективу развития отношений; отсутствие угрозы для Китая со стороны России;

внедрение цифровизации в востоковедческие исследования и множество других, часто неожиданных проблем и направлений. Представлена также характеристика выступлений российских исследователей, общая тональность которых в целом совпадает с китайской. Как и китайская историография, они вносят свой вклад в дальнейшее развитие модели сотрудничества Китая и России.

Ключевые слова: Россия, Китай, В.С. Мясников, партнерские отношения, равноправие, сотрудничество, помощь, Цзи Чжие, Ли Цзинцзе, Ху Сяньчжан, Дин Мин, народная дипломатия, Договор 2001 г.

Автор: Мамаева Наталья Леонидовна, д.и.н., г.н.с., руководитель Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией ИДВ РАН. E-mail: mamaeva@ifes-ras.ru

N.L. Mamaeva

Main directions and trends in the study of the historiography of Russian-Chinese relations at the present stage

Abstract. The main research topic of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences continues to be the study of the history and modern problems of Russian-Chinese relations. At present, against the background of the aggravation of the international situation and the growth of aggressive moods in the world community regarding Russia, the topic has become even more relevant. Therefore, Russian-Chinese relations through the eyes of well-known Chinese experts at the international scientific forum “East—Russia—West: history and modernity” are of particular interest. Conference in concentrated form presented specifications and estimated by Chinese professional historians on a number of important and controversial issues in the history and current state of relations: characteristics and support of the partnership, but not allied relations between Russia and China, as the most adequate for the development of Russian-Chinese relations; cooperation in the field of Economics and finding the optimal model of economic cooperation as a key element uniting Russia and China, and how the likely future development of the relations; the absence of a threat to China from Russia; the introduction of digitalization in Oriental studies, and many other, often unexpected problems and directions. The article also presents the characteristics of Russian researchers' speeches, the General tone of which generally coincides with the Chinese one. Like Chinese historiography, they contribute

to the further development of the model of cooperation between China and Russia.

Keywords: Russia, China, V. S. Myasnikov, partnership, equality, cooperation, assistance, Ji Zhiye, Li Jingjie, Hu Xianzhang, Ding Ming, people's diplomacy, 2001 Treaty.

Author: N.L. Mamaeva. Dcs in History, Institute of Far Eastern Studies, Russian academy of sciences.

20—22 сентября 2019 г. в Пекине состоялся международный научный форум «Восток—Россия—Запад: история и современность». Форум прошел в университете Цинхуа (Пекин, КНР), был организован Китайским обществом изучения истории китайско-российских отношений совместно с Институтом стратегического сотрудничества между Китаем и Россией при Университете Цинхуа (ИССКР). Посвященный актуальнейшей теме, он был приурочен к 70-летию установления дипломатических отношений между нашими странами. Конференция оказалась настолько содержательной, что не дожидаясь выхода в свет сборника докладов конференции, мы сочли полезным представить в историографическом ключе основные направления исследований и дискуссионные вопросы российско-китайских отношений, отраженные прежде всего в выступлениях китайских специалистов — исследователей данной животрепещущей темы.

В работе этой международной научной конференции участвовали известные в Китае и за рубежом китайские специалисты по данному направлению — Ли Цзинцзе, Син Гуанчэн, Ху Сяньчжан, Чэнь Кайкэ, Цзи Чжие, Лу Наньцюань, Ли Юнцюань, а всего — 61 докладчик, из них 10 специалистов из России. В Китае готовится фундаментальный сборник докладов (статей), который содержит также переведенные тексты с русского на китайский язык и с китайского на русский язык.

Содержание конференции характеризуется широким охватом многообразных тем в рамках российско-китайских отношений. Наряду с конкретными сюжетами из истории и современного развития российско-китайских отношений значительное внимание было уделено обобщающим глобальным проблемам. Отметим также подчерк-

нутую в выступлениях связь с традициями, глубокий исторический охват в раскрытии темы конференции. Красной нитью проходила идея сотрудничества между Россией и Китаем. В сложной международной обстановке сегодняшнего дня, как подчеркивал Ху Сяньчжан, нужно поддерживать друг друга, трезво и своевременно решать назревающие проблемы в российско-китайских отношениях. Интересно, что в общих характеристиках российско-китайских отношений четко прозвучало выделение основных путей их развития в настоящее время и на перспективу. По вопросу сотрудничества и развития отношений между Россией и Китаем преобладала точка зрения, согласно которой главным звеном в этом процессе для Китая обозначили экономику и укрепление торгово-экономических связей с Россией, для России — политику. Обозначена также необходимость развития для Китая тенденции более активного включения в евразийское партнерство, представляющее важную составную часть внешней политики России. В целом была сформулирована здравая идея: Россия поддерживает проект «один пояс, один путь», а Китай поддерживает евразийские подходы России.

О высоком значении политики, наряду с экономикой, свидетельствует как представленная в докладах статистика, так и предложенная китайской стороной тематика докладов. Оргкомитетом было получено 600 статей политического характера, в том числе о месте КВЖД в развитии российско-китайских отношений, о влиянии России, прежде всего Октябрьской революции, на Китай, а Китая — на Россию, о необходимости создания новой экономической зоны в КНР и др.

Имела место дискуссия о целесообразности развития российско-китайских отношений как партнерских. Именно в этом направлении они развивались после заключения 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве — основного правового документа в развитии отношений России и Китая. Очень интересный доклад сделал хорошо известный российским китаеведам профессор Ли Цзинцзе. Как следовало из его аналитического выступления, из 70 лет российско-китайских отношений в течение 40 лет они были плохими, а в течение 30 лет — хорошими. Как подчеркнул докладчик,

в настоящее время, характеризующееся противостоянием между США и КНР, Китай нуждается в усилении Северо-Востока страны и в развитии стабильных отношений межгосударственного уровня между Россией и Северо-Восточным Китаем. Как отметил Ли Цзинцзе, Россия не просто «сидит на горе» и наблюдает за развитием отношений между США и Китаем, она не является равнодушным наблюдателем и не станет угрозой для Китая, а Китай — угрозой для России.

Из трех этапов российско-китайских отношений — союзничества, конфронтации и партнерства китайские историки отдают предпочтение партнерству. По словам Ли Цзинцзе и Син Гуанчэна, и Россия, и Китай нуждаются в стабильности внутри государств и в отношениях друг с другом. Авторы докладов справедливо констатируют, что со стороны Китая пропала истеричность в отношении с Россией, но, если она возникнет, следует опасаться углубления противоречий. Главное — Россию и Китай объединяют ключевые интересы, прежде всего в экономике. Поскольку в обеих странах имеются свои слабости в области экономики, необходимо привлекать к участию в экономических процессах развитые страны. При этом соблюдать принцип «ненастроенности на третью страну».

Историком Лу Наньцюанем ставится принципиальный вопрос о поиске модели экономического сотрудничества Китая и России. Можно сказать, что подобной постановкой вопроса автор попал, как говорят русские, в «яблочко».

Как и большинство авторов, Лу Наньцюань наиболее адекватными современной ситуации считает не союзнические отношения между СССР и Китаем, как это было в 1950-е годы, а партнерские, зафиксированные в правовом поле в 2001 г. Именно партнерские отношения, по его мнению, учитывают специфические факторы новой эпохи и способствуют развитию устойчивых отношений добрососедства, уменьшению в них партийного влияния, препятствуют развитию конфронтационных тенденций. В отношениях между странами автор делает упор на экономическом сотрудничестве. Отражая объективный подход к характеристике российско-китайских отношений на современном этапе, Лу Наньцюань обращает внимание на наличие в России опасений китайской угрозы. Син Гуанчэн,

как уже упоминалось, подразделяет развитие российско-китайских отношений на три этапа: союзничества, конфронтации и партнерства новой эпохи. В настоящий момент он считает наиболее приемлемыми партнерские отношения между Россией и Китаем, но не союзнические, как это было в 1950-е годы. При этом ставит вопрос о причинах перехода от союзничества к конфронтации, считает необходимым в дальнейшем более глубоко изучать этот вопрос.

Партнерские отношения, по мнению многих китайских историков, предполагают равноправие между сторонами, что они считают очень важным моментом политики развития. Признается наличие колебаний в экономических связях между странами-соседями и ставится проблема разрешения противоречий на пути усиления равноправия. Тема равноправия сторон была одной из основных на конференции. Этой теме посвящен также богатый подробностями доклад историка и журналиста Ли Юнцюаня (бывший корреспондент газеты «Гуанмин жибао» в Москве).

Упомянутой выше схемы «союзничество—конфронтация—партнерство» придерживается также историк Ян Шу, доклад которого был посвящен значению знания истории в развитии российско-китайских отношений. Он продемонстрировал знакомство с советской/российской историографией, посвященной изучению помощи СССР Китаю в годы японо-китайской войны, экономической помощи СССР Китаю в годы «десятилетия дружбы» в 1950-е годы. Конфронтация СССР и Китая в конце 1950-х годов, к сожалению, представлена одномерно, исключительно с позиции виновности СССР в прекращении помощи Китаю в 1960 г. В связи с этим хотелось бы дать рекомендацию китайским коллегам изучить написанную в ИДВ РАН на 80 % на основе архивных материалов коллективную монографию Н.Л. Мамаевой, И.Н. Сотниковой и А.Л. Верченко «Участие СССР в реконструкции и строительстве 156 производственных объектов в КНР в 1950-е годы» (М., 2018). В ней авторы на конкретных материалах шаг за шагом проследили развитие конфронтационного процесса, представили достаточно объективный материал, повествующий об успехах и негативах каждой стороны в общем процессе строительства новой экономики КНР. Как нам представляется, тема

помощи СССР Китаю не получила на конференции того внимания, которое заслуживает. В качестве примера приведем высказывание одного из авторов об огромной помощи, которую СССР оказал в 1949—1950 гг. странам Восточной Европы, в то время как грандиозная помощь СССР Китаю в построении новой экономики хотя и отмечалась, однако как бы вскользь.

Ряд статей посвящен российско-японским отношениям на их раннем этапе и их влиянию на российско-китайские отношения (Сюэ Сяньтянь, Син Янци, Сунь Цзяшэнь). Историк Дин Мин в своем докладе уделил серьезное внимание народной дипломатии, проблемы которой достаточно хорошо изучены в работах С.Л. Тихвинского и Г.В. Куликовой. Как отмечал в своем докладе Дин Мин, стремление Китая к сближению с Россией отмечено и после 1950-х годов. Значительное место в сближении сторон имела культура обеих стран. Репортажи о Китае в СМИ СССР публиковались как до 1949 г., так и после. Ряд докладов затрагивали геополитические темы: Россия—Восток—Запад, Китай—Россия—Япония, Китай—Россия—США.

Во многих выступлениях обращалось внимание на необходимость внедрения новых методов исторического исследования. В первую очередь отметим цифровизацию и использование в работах базы данных. Об этом говорил в своих выступлениях и Чэнь Кайкэ, основной доклад которого касался одной из важнейших тем, связанных с поиском новой модели развития. Речь идет о «шелковом и чайном путях» как возможных вариантах к повороту на новый путь экономического развития и, в частности, к определению места России в этом проекте.

По мнению Чэнь Кайке, выступившего с интересным докладом «История российско-китайской чайной торговли в Кяхте: русско-китайские отношения», их необходимо рассматривать в глобальном контексте пяти направлений таких отношений: 1) «шелковый путь», который в разные исторические периоды имел разную протяженность. При этом, по словам Чэнь Кайкэ, многие отрезки не изучались. Значительным событием было включение Киевской Руси в «Шелковый путь». Шелковый путь был важен для развития Киева.

Представляет интерес замечание автора о том, что «все пути — не прямая, а сеть». Все пути были важны для развития обеих стран. Имело место и хорошее, и плохое взаимовлияние друг на друга. Этот исторический экскурс представляет необходимое начало в углубление проблемы «шелкового и чайного путей» и места России в этом проекте. Китаю, по мнению докладчика, следует усилить помощь России в ее деятельности по проектам «шелкового и чайного путей».

По мнению Фань Минфана, не надо делать акцент на негативных сторонах советского опыта. Не следует публиковать статьи об участии КНР в санкциях против Северной Кореи. По мнению автора, был неверно освещен сложный вопрос: Гоминьдан—США—Советская Россия. Другая большая тема — «русская фашистская партия» в Китае. Не следует, по мнению Фань Минфана, увлекаться тематикой, связанной с «культурной революцией». В этом вопросе, как считает автор, мы должны придерживаться официальной линии партии. Нельзя подменять позицию Пекина провинциальной. Следует быть точнее в терминах, разделять внутреннюю и внешнюю Монголию, правильно передавать русские имена, географические названия. Не нужно самому брать на себя роль переводчика, упоминать тех, кого сейчас посадили. Академическая деятельность требует тщательности в мелочах и правильной политической перспективы. А Латэн, Ао Циэр, говоря о Сибирском тракте, подчеркивают, что Сибирский тракт использовался для связи России с Китаем. Описывают маршрут Сибирского тракта. Чай тоже продавался по этому пути — Чайный путь. До появления Транссиба Россия сохранила дорожную сеть Золотой Орды.

Докладчик До Лимэй приводит малоизвестные сведения о художнике Русской духовной миссии в Китае Легашеве. Он писал китайские пейзажи в европейской манере, писал портрет императора, который был недоволен отъездом Легашева в Пекин в поисках новой карьеры. В Китае в основном он писал портреты чиновников. В своих произведениях Легашев отражал китайскую жизнь с целью привлечения внимания российского общества к деятельности Русской духовной миссии. Он изучал Китай в различных аспектах, но в России не получил должного признания.

Следует отметить также некоторые направления и проблемы в теме развития российско-китайских отношений, отраженные в российской историографии периода, последовавшего после выхода в свет в 2014 г. фундаментального исследования российских историков «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

В докладе Н.Л. Мамаевой подчеркивается, что наиболее актуальным направлением российских исследований остается изучение российско-китайских отношений. Исключительно высокую оценку в российской историографии получили «Избранные произведения» академика В.С. Мясникова, основным предметом исследований которого являются установление и развитие в течение четырех столетий политических и экономических отношений между Россией и Китаем. Основное положение концепции, разработанной В.С. Мясниковым на основе тщательного изучения источников и отраженной в его многотомном издании, заключается в важном для развития российско-китайских отношений на современном этапе выводе о том, что национальные и государственные интересы России и Китая не противоречили друг другу. Исследования В.С. Мясникова снимают многие сомнения относительно пограничных вопросов между государствами, дипломатических и иных проблем.

Как справедливо отмечалось в историографических исследованиях последних лет, изучение истории КНР до периода реформ заслуживает большего внимания в историографии. Значительный прорыв в этом направлении был осуществлен историками ИДВ РАН Н.Л. Мамаевой, И.Н. Сотниковой и А.Л. Верченко, написавшими коллективную монографию «Участие СССР в реконструкции и строительстве 156 производственных объектов в КНР в 1950-е годы». В этой коллективной монографии, базирующейся на архивных материалах, впервые шаг за шагом прослеживается взаимодействие системы помощи СССР с конкретными крупными предприятиями из списка 156 производственных объектов и рядом других предприятий (в целом — по 14 направлениям производства). Подобная конкретика не выявлялась ранее, преобладали общие оценки производственной помощи. Современная китайская историография

также достигла высокого уровня в вопросах производственного строительства в 1950-е годы на основе китайских источников (Дун Чжикай, У Цзян, Юань Баохуа, Шэнь Чжихуа, Чэнь Си и др.). По многим направлениям экономического подъема в 1950-е годы точки зрения историков России и Китая совпадают. Акцент на изучении конкретики выявляет единый порыв китайских и советских участников процесса реконструкции и строительства производственных объектов, направленный на усиление Китая и укрепление его национального суверенитета.

Как показано в книге, общий объем помощи СССР охватывал не только 156 объектов, но значительно превышал это число, доходя до 700 предприятий. В их число входили 12 металлургических производств.

Впервые в историографии удалось получить подробнейшую картину планирования, проектирования объектов и поставки оборудования, безвозмездной передачи научно-технической информации, обучения китайцев внутри страны и в СССР, часто — на производственных площадках предприятий. Важно отметить, что и Мао Цзэдун, и Чжоу Эньлай, а также известные экономисты Ли Фучунь и Чэнь Юнь оценивали помощь СССР и сотрудничество между двумя странами с точки зрения создания базы индустриализации Китая.

Некоторые доклады развивали популярную в настоящее время тему содержания и значения народной дипломатии в развитии российско-китайских отношений. Кроме доклада Дин Мина, связанного с изучением проблем на вышеназванную тему, обращает на себя внимание доклад А.Л. Верченко. Активно используя как опубликованные, так и еще больше неопубликованные архивные материалы, в своем докладе «Народная дипломатия как инструмент формирования межгосударственных отношений между СССР и КНР после окончания Второй мировой войны (Первые общества китайско-советской дружбы в Китае)» она рассматривает малоизвестную ранее работу первых обществ китайско-советской дружбы, которые были созданы на территории Северо-Восточного Китая сразу после изгнания коммунистами и активными демократическими деятелями Китая японских захватчиков. Деятельность обществ дружбы охватыва-

ла широкий спектр: знакомство населения с разными сторонами жизни СССР, разоблачение лживых измышлений противников дружбы с СССР, продвижение изучения русского языка. Общества поставили и выполнили трудную задачу — создали благоприятную атмосферу для установления нормальных межгосударственных отношений между СССР и Китаем в 1949 г. Автор справедливо отмечает значение народных контактов и их вклад в дипломатию. Доклад И.И. Абылгазиева затрагивает важнейшую для сотрудничества РФ и КНР тему укрепления стабильности в Центрально-Азиатском регионе. Значение данной темы особенно велико в условиях роста агрессивности в глобальной политике США, с одной стороны, и слабостью изученности данной темы, с другой. Особое внимание докладчик уделил проблеме совпадения интересов России и Китая в этом регионе по многим направлениям: в вопросах укрепления безопасности, в экономике, в сфере предотвращения усиления влияния «третьих сил» в регионе. По мнению докладчика, поддержание региональной безопасности невозможно без ускорения социально-экономического развития региона, осуществляемого, как показано в докладе, на базе сотрудничества России и Китая в районе Центральной Азии.

Актуальной теме внедрения цифровизации в востоковедческие исследования посвящено выступление И.В. Аладышкина и С.Б. Ульяновой. В результате осуществленного анализа авторы пришли к выводу, что в области цифрового востоковедения ситуация в России является неоднозначной. В цифровой составляющей отечественного востоковедения имеет место лишь формирование комплексов цифровых материалов, но не проведение цифровых исследований. Массив информации разрознен и не систематизирован. Авторы пришли к выводу о необходимости создания обобщающей системы, которая смогла бы активизировать имеющиеся ресурсы и заставила бы их работать на развитие востоковедения. Заслуживают внимания и изучения также статьи и других авторов как из России, так и китайских исследователей.

Говоря о российских ученых, следует отметить новизну их исследований. Так, впервые получила тщательное изучение тема

«О первых поступлениях китайских книг в Российскую академию наук и их каталогизация в XVIII в.» (И.Ф. Попова); животрепещущая тема «Об особенностях стратегического сотрудничества России и Китая», тесно связанная с основными направлениями исследований китайских историков, отражена в выступлении И.В. Карапетянца. Авторы Б.Н. Ковалев и С.В. Кулик представили характеристики и реакцию населения, содержащиеся на страницах ленинградской прессы, в связи с образованием Китайской Народной Республики.

Завершаю статью надеждой, что удалось осветить ряд интересных проблем и направлений, прозвучавших на конференции, хотя за ее рамками осталось немало интересных докладов, анализирующих историю и современные отношения между Россией и Китаем, претендующих на вклад в дальнейшее развитие модели сотрудничества двух стран.

В.Я. Портяков

ПОЛИТИКА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОТКРЫТОСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Аннотация. В декабре 2018 г. отмечается 40-летие начала политики экономических реформ в Китайской Народной Республике. Её неотъемлемой частью стал курс на внешнеэкономическую открытость страны, пришедший на смену маоцзэдуновской политике автаркии. Рассмотрены основные достижения внешней торговли КНР товарами и услугами и ее трансграничного инвестиционного взаимодействия в пореформенный период, показаны сохраняющиеся здесь недостатки и проблемы.

Проанализировано формирование в Китае второго этапа внешнеэкономической открытости, ассоциирующегося, в первую очередь, с инициативой строительства сухопутного и морского «шелковых путей» и с созданием в стране ряда экспериментальных зон свободной торговли.

Рассмотрены возможные перспективы дальнейшего развития внешнеэкономических связей КНР с учетом различных внутренних и внешних факторов.

Подводя краткие итоги политики внешнеэкономической открытости Китая в пореформенный период, можно констатировать, что она сыграла критически важную, незаменимую роль в модерни-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-014-00030а.

зации страны и в ее трансформации в одну из ведущих держав мира, в освоении норм и правил функционирования мирового рынка. Китай вошел в число мировых лидеров по объемам торговли, привлечению иностранных инвестиций и инвестированию за рубежом. Пекин хорошо адаптировался к процессу глобализации мировой экономики и стал одним из главных ее бенефициаров. Официальную позицию Китая в настоящее время отличают приверженность глобализации, противодействие протекционизму, курс на активное экономическое сотрудничество по всем направлениям. Такая позиция вполне закономерна, коль скоро внешнеэкономические связи останутся одним из ведущих факторов развития КНР на обозримую перспективу.

На пути достижения провозглашенной Пекином цели — превратить страну из «большой» торговой державы в «мощную» — Китаю предстоит многое сделать не только в деле преодоления слабостей, выявившихся в его внешней торговле и внешнеэкономических связях в целом, но и для более полного учета зачастую справедливых претензий и требований его торгово-экономических партнеров.

В Пекине настойчиво работают над стратегией дальнейшего развития внешнеэкономических связей. Важное значение придается расширению сети торговых партнеров вдоль маршрутов сухопутного и морского «шелковых путей». Предстоит существенно нарастить долю во внешней торговле и инвестиционной деятельности за рубежом пока отстающих западных территорий страны. Пекин рассчитывает сформировать группу транснациональных компаний с китайским капиталом, обладающих высокой международной конкурентоспособностью. Будут продолжены освоение продукции с высокой добавленной стоимостью, борьба за высокий престиж товаров известных китайских марок, диверсификация способов ведения торговли услугами и товарами, создание новых межгосударственных зон свободной торговли.

В практическом плане на одно из первых по значимости мест выходит функционирование экспериментальных зон свободной торговли в самом Китае. Они призваны отработать перевод внешне-торговой и инвестиционной деятельности КНР на передовые международные стандарты, подготовить дальнейшее открытие китайского рынка (включая финансовые, социальные, образовательные услуги) для иностранных инвесторов.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, политика внешнеэкономической открытости, внешняя торговля, инвести-

ции, «инициатива пояса и пути», экспериментальные зоны свободной торговли, перспективы.

Автор: Портяков Владимир Яковлевич, д.э.н., профессор, ИДВ РАН. E-mail: portyakov47@yandex.ru

Vladimir Ya. Portyakov

Policy of Foreign Economic Openness in the People's Republic of China: Main Results and Prospects

Abstract. The People's Republic of China marks in December 2018 the 40th anniversary of the economic reform start. Its integral part was external economic openness of the country which replaced former Mao Zedong's policy of autarky. The article deals with the main achievements of China's foreign trade in goods and services and cross-border investment cooperation of the country during reform period. Shortcomings and problems in these spheres are shown.

The article analyzes the formation of the second stage of foreign economic openness in China, which is associated primarily with the initiative to build land and sea “silk roads” and with the creation of a number of experimental free trade zones in the country.

The possible prospects of further development of China's foreign economic relations, taking into account various internal and external factors, are analyzed.

Briefly summing up the results of China's foreign economic openness policy in the years of reform, we can say that it has played a crucial and irreplaceable role in the modernization of the country and its transformation into one of the leading powers in the world, in absorbing norms and rules of the world market. China has become one of the world leaders in terms of trade, attracting foreign investment and investing abroad. Beijing has adapted itself well to the process of globalization of the world economy and has become one of its main beneficiaries. China's official position is currently distinguished by its commitment to globalization, resistance to protectionism, and support of active economic cooperation in all areas. This position is quite natural, since foreign economic relations will remain one of the leading factors in China's development for the foreseeable future.

On the way to achieving the goal proclaimed by Beijing — to turn the country from a “big” trading power into a “powerful” — China has much to do in order to overcome the weaknesses revealed in its foreign trade and foreign economic relations in general, and also to take more

fully into account the often fair claims and demands of its trade and economic partners.

Beijing is working hard on a strategy for further development of foreign economic relations. Particular importance is attached to the formation of a wider network of trading partners along the routes of land and sea “silk roads”. It is necessary to significantly increase the share of China's Western territories in country's foreign trade and investment activities abroad. Beijing is planning to form a group of multinational companies with Chinese capital, which have high international competitiveness. The development of products with high value added, the struggle for the high prestige of goods of famous Chinese brands, the search for new ways of trade in services and goods, the formation of new interstate free trade zones will be continued.

In practical terms, one of the most important steps is the formation of pilot free trade zones in China itself. They are designed to work out the transfer of China's foreign trade and investment activities to advanced international standards, to prepare further opening of the Chinese market (including financial, social, educational services) for foreign investors.

Keywords: People's Republic of China, foreign economic openness policy, foreign trade, investment, “Belt and Road initiative”, experimental free trade zones, prospects

Author: Vladimir Ya. Portyakov, DCs in Economics, Professor, Institute of Far Eastern Studies, Russian academy of sciences. Address: 32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: portyakov47@yandex.ru.

2018 год — особый год для внешнеэкономического комплекса Китая. 40 лет назад, в декабре 1978 г., был дан старт политике модернизации, реформ и внешнеэкономической открытости, которая вывела страну в ряды экономических и политических лидеров современного мира. А 5 лет назад, в 2013 г., произошли события, ознаменовавшие поворот Китайской Народной Республики к качественно новому этапу развития внешнеэкономических связей. Это, во-первых, выдвижение лидером страны Си Цзиньпином инициативы строительства нового «сухопутного Шелкового пути» из Китая в различные регионы Азии, Африку и Европу и «морского Шелкового пути XXI века» и, во-вторых, создание в Шанхае первой экспери-

ментальной зоны свободной торговли, нацеленной на освоение в краткие сроки самой передовой международной практики торгового и инвестиционного взаимодействия с внешним миром.

Китайские ученые быстро уловили огромный потенциал этих новаций и заявили о начале «второго этапа внешнеэкономической открытости», предполагающего перенос центра тяжести с торговли товарами на торговлю услугами, все более тесную связь внешнеэкономической деятельности с научно-техническими инновациями, принципиальным улучшением режима защиты интеллектуальной собственности [Чи Фулинь 2017, с. 3—10].

XIX съезд КПК (октябрь 2017 г.) обобщил накопление критической массы новых моментов во внешнеэкономических связях Китая и поставил задачу «стимулировать формирование новой архитектуры всесторонней открытости», «продвигать строительство мировой экономики открытого типа» [Чжунго гунчаньдан 2017, с. 28, 48]. Страну ориентировали на ускорение «взрачивания» новых конкурентных преимуществ, повышение места в международном разделении труда, радикальное улучшение региональной структуры внешнеэкономической открытости [Ван Ян 2017].

Благодаря наполнению конкретным содержанием и началу практической реализации «инициативы пояса и пути», особенно на фоне отказа США от участия в соглашении о Транстихоокеанском партнерстве, Китай, при всех возможных оговорках, стал лидером и мотором экономической интеграции в Азии [Miller Tom 2017, p. 9].

Настойчивое продвижение Пекином разнообразных проектов в формате «пояса и пути» способствовало лучшему пониманию в мире качественных особенностей нового этапа внешнеэкономической открытости Китая. Ранее приоритетом было привлечение в страну из-за рубежа техники, технологий, инвестиций. Теперь же основной акцент делается на тотальное продвижение вовне китайских товаров, капиталов, услуг.

Попробуем обобщенно показать основные итоги развития внешнеэкономических связей Китая в пореформенный период, охарактеризовать их современное состояние и оценить возможные перспективы на ближайшее будущее.

Внешняя торговля

Внешняя торговля товарами на протяжении всего пореформенного периода оставалась главным структурообразующим направлением внешнеэкономических связей КНР.

Объем внешнеторгового товарооборота страны за этот период вырос в 198,8 раз — с 20,64 млрд долл. в 1978 г. до 4104,5 млрд долл. в 2017 г., в том числе китайский экспорт — более чем в 232 раза (с 9,75 до 2263,52 млрд долл.)¹. При исчислении объема внешней торговли КНР в юанях показатели роста товарооборота, экспорта и импорта оказываются заметно выше — соответственно в 782, 914 и 664 раза, а среднегодовой прирост внешнеторгового товарооборота составил 18,6 % при среднегодовом приросте ВВП страны за 1979—2017 гг. в 9,5 %².

В пореформенный период внешняя торговля КНР росла в целом не только динамично, но и достаточно стабильно. Снижение товарооборота по сравнению с предыдущим годом было отмечено лишь несколько раз. В 1982 г. оно было зафиксировано в юаневом выражении (–5,5 %) и объяснялось, в первую очередь, отказом Китая от крупного импорта комплектного нефтехимического и металлургического оборудования из Японии в условиях жесткого сдерживания инвестиций (импорт упал на 12,4 %) [*Хайгуань тунци* 2017, с. 112].

В 1998 г. сокращение объема товарооборота на 0,4 % было обусловлено ухудшением мирохозяйственной конъюнктуры в условиях азиатского финансового кризиса. Мировой финансовый кризис повлек за собой снижение объема внешней торговли Китая в 2009 г. на 13,9 %. Негативные явления в мировой торговле, и в частности значительное снижение цен на нефть, привели к падению товарооборота на 8 % в 2015 г. и еще на 6,8 % в 2016 г. В 2017 г. КНР вернулась к позитивной динамике роста внешней торговли (прирост на 11,4 %) [*Хайгуань тунци* 2017, с. 112] (табл. 1).

Помимо кризисных явлений в мировой экономике, некоторое снижение динамики роста китайского экспорта и импорта после прихода к руководству страной Си Цзиньпина отчасти объясняется падением темпов роста экономики страны в целом до 6,5—7 %. Ка-

Таблица 1. Внешнеторговый товарооборот КНР, млрд долл.

Годы	Оборот	Экспорт	Импорт
1978	20,64	9,75	10,89
1980	38,14	18,12	20,02
1981	44,03	22,01	22,02
1982	41,61	22,32	19,29
1985	69,60	27,35	42,25
1990	115,44	62,09	53,35
1995	280,86	148,78	132,08
1997	325,16	182,79	142,37
1998	323,95	183,71	140,24
2000	474,29	249,20	225,09
2001	509,65	266,10	243,55
2002	620,77	325,60	295,17
2005	1421,91	761,95	659,95
2008	2563,26	1430,69	1132,57
2009	2207,54	1201,61	1005,92
2012	3867,12	2048,71	1818,41
2013	4158,99	2209,00	1949,99
2014	4301,53	2342,29	1959,23
2015	3953,63	2273,47	1679,56
2016	3685,57	2098,15	1587,42
2017	4104,50	2263,52	1840,98

Источники: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 94; Хайгуань тунцзи. Пекин, 2017. С. 112.

кую-то роль может играть и идущий в КНР процесс трансформации модели экономического роста: здесь центр тяжести переносится с инвестиций и экспорта, занимавших ранее ведущее место, на внутреннее потребление и инновации. Вместе с тем в официальных декларациях Пекина есть доля лукавства: на деле стимулирование экспорта продолжается, да и выдвижение инициативы о развитии сотрудничества в формате сухопутного и морского «шелковых путей» прямо связано с поиском новых рынков сбыта для китайских товаров. Любые сбои во внешней торговле крайне болезненны для страны, где с внешнеэкономической деятельностью так или иначе связаны до 100 млн работников.

Как бы то ни было, в пореформенный период Китай последовательно поднимался вверх по ступеням «табели о рангах» мировых торговых держав. В 1978 г. по объему внешнеторгового товарооборота он занял 29-е место в мире, в 1990 г. переместился на 16-е, в 2000-м — на 8-е, в 2010-м — на 2-е, а с 2013 г. опередил по этому показателю США и занимает 1-е место (за исключением 2016 г.)³. При этом Китай стал мировым лидером и по экспорту товаров, занимая 2-е место по импорту вслед за США. Доля КНР в мировом экспорте выросла с 0,75 % в 1978 г. до 3 % в 1995 г. [Потапов, с. 40], 3,85 % в 2000 г., 10,31 % в 2010 г. и 13,15 % в 2016 г. Доля КНР в мировом импорте несколько меньше: 3,35 % в 2000 г., 9 % в 2010 г. и 9,78 % в 2016 г.⁴ (табл. 1)

Дешевизна рабочей силы — главное многолетнее сравнительное преимущество страны в международном разделении труда, предоставление широких льгот иностранному капиталу, постепенное снижение тарифных пошлин и смягчение нетарифных барьеров для товаров из КНР на мировом рынке после ее вступления во Всемирную торговую организацию 11 декабря 2001 г.⁵ — таковы основные факторы, способствовавшие постепенному выходу Китая на позиции «мировой фабрики», освоению производства и экспорту постоянно обновляющегося и все более технически сложного ассортимента продукции.

Особую роль сыграло быстрое увеличение количества субъектов внешнеэкономических связей в Китае вслед за переходом страны к

политике реформ и внешнеэкономической открытости. Эпоха монополии государственных экспортно-импортных компаний завершилась. На смену дуальной (в виде государственной и коллективной) по форме собственности дореформенной экономике пришло многоукладное хозяйство с динамично растущими количественно и качественно группами предприятий индивидуальной, частной, паевой и акционерной форм собственности. Высокая динамика отличала и рост числа предприятий с участием иностранных инвестиций, прежде всего выделяемых в КНР в самостоятельный уклад предприятий с участием капиталов «соотечественников» (то есть лиц китайского происхождения из Гонконга, Макао и Тайваня). Помогло и то обстоятельство, что Китай на рубеже 1970—1980-х годов сумел умело воспользоваться обновлением производственной специализации в более развитых странах и регионах Восточной и Юго-Восточной Азии, искавших подходящую площадку для переноса вовне производства текстиля, обуви, несложной бытовой техники и т. п.

При этом Китай взял на себя функцию переработчика и сборщика, импортируя сырье и исходные компоненты и экспортируя готовую продукцию. Этот подход, названный в свое время премьером Чжао Цзяном «размещением обоих концов вовне» («лянтау цзай вай»), на длительное время предопределил такую важную особенность организационной структуры внешней торговли Китая, как высокая доля в ней «торговли на основе переработки»⁶ и импорта—экспорта предприятий с участием иностранного капитала.

В целом во внешнеторговом товарообороте КНР доля государственных предприятий упала с 42,5 % в 2001 г. до 16,3 % в 2017 г., а доля предприятий с иностранными инвестициями и предприятий негосударственных секторов экономики выросла за тот же период с 57,7 до 73,7 % [*Чжунго юй шицзе маои цзучжи* 2018]. В 2017 г. на обычную торговлю пришлось 56,35 % внешнеторгового товарооборота КНР, в том числе 54,3 % экспорта и 58,8 % импорта [Рассчитано по: *Хайгуань тунцзи* 2017, с. 129]. Остальное дали торговля на основе переработки, операции с пересечением товарами границ беспошлинных зон, лизинг, мелкая приграничная торговля и т. п. Доля предприятий с иноинвестициями составила 44,8 % в товарообороте,

43,2 % в экспорте и 46,8 % в импорте [Расчитано по: *Хайгуань тунци* 2017, с. 154].

Многочисленность субъектов внешней торговли, готовность большинства из них быстро реагировать на изменения конъюнктуры рынка способствовали формированию весьма диверсифицированной и одновременно динамично меняющейся товарной структуры китайского экспорта и импорта. Конечно, доминирующая мегатенденция здесь была задана набравшим самим по себе силу процессом модернизации страны. Соответственно, в экспорте КНР поступательно сокращалась доля продукции первичных отраслей (прежде всего продукции сельского хозяйства и добывающего сектора) и, напротив, росла доля готовой промышленной продукции. В 1980 г. они были примерно равны. В 1996 г. соотношение снизилось до 1:3, в 2000 г. — до 1:10. На минимуме в 2015 г. доля продукции первичных отраслей составила лишь 4,8 % объема китайского экспорта.

В импорте КНР доля продукции первичных отраслей заметно выше, причем на ряде временных отрезков она не падала, а росла. Так, эта доля с 34,7 % в 1980 г. сократилась до минимума в 13,7 % в 1993 г., но вновь вернулась на уровень 1/3 в первые годы текущего десятилетия (34,65 % в 2011 г., 34,9 % в 2012 г. и 33,7 % в 2013 г.). В 2016 г. она снизилась до 27,7 %⁷.

Главный товар, стоящий за данными пертурбациями — нефть. Практически с первых лет проведения политики внешнеэкономической открытости Китай позиционировал себя как обладателя крупных нефтяных запасов. Широко продавались права разведки на нефть и газ и пробного бурения на шельфе Желтого и Южно-Китайского морей. В начале 1980-х годов начался экспорт китайской нефти в Японию. В 1985 г. Китай вывез свыше 36 млн т нефти, а в 1986 г. — около 34 млн т⁸. Однако уже в 1989 г. экспорт снизился до 29 млн т⁹, а с 1993 г. КНР стала нетто-импортером нефти. При этом ее ввоз, начиная с 2000 г., рос беспрецедентными темпами и достиг в 2017 г. 419,5 млн т на 162 млрд долл. [*Хайгуань тунци* 2017, с. 168]. Другие крупнейшие статьи импорта Китаем продукции первичных отраслей — это железная руда (1074 млн т на 76,2 млрд долл., и со-

евые бобы — 95,5 млн т на 39,6 млрд долл.) [*Хайгуань тунци* 2017, с. 167—168].

Высокая доля «торговли на основе переработки», осуществлявшейся при самом активном участии предприятий с иностранными инвестициями, обусловила быструю смену товарной номенклатуры внешней торговли КНР с последовательным появлением в ней технически все более сложных изделий и сопутствующим улучшением позиций страны в цепочках добавленных стоимостей.

Так, в 1985—1986 гг. ведущими статьями китайского экспорта вслед за нефтью были одежда, хлопчатобумажные ткани и зерно. Из машинотехнических изделий в небольших количествах вывозились швейные машины, электровентиляторы и велосипеды. В импорте по стоимости лидировал стальной прокат, за которым с большим отрывом шли автомобили, зерно, древесина, химудобрения. Ввозились такие виды бытовой техники, как телевизоры, видеомагнитофоны, стиральные машины и холодильники¹⁰.

В 1990-е годы был налажен массовый экспорт фотоаппаратов, телевизоров, различной аудио-видеоаппаратуры, а в конце десятилетия — и персональных компьютеров.

К 2003 г. КНР стала крупным экспортером широкого спектра продукции электроники, компьютерной техники и средств связи. В импорте на одну из ведущих позиций (около 10 %) вышел ввоз интегральных схем и электронных платформ, а в целом доля машин и оборудования достигла 54,5 %, в том числе высокотехнологичной продукции — 28,8 %¹¹.

В 2012 г. ведущие позиции в вывозе КНР заняли (в порядке убывания) одежда, компьютеры и «ай-пэды», мобильные телефоны, интегральные схемы, стальной прокат, мебель, обувь, автомобили и суда, а во ввозе — нефть, интегральные схемы, железная руда, автомобили, оборудование и запчасти для компьютерной техники, пластмассы, медь [*Портяков* 2018, с. 325].

В целом, по некоторым оценкам, доля потребительских товаров в экспорте КНР снизилась с 49 % в 1997 г. до 37 % в 2012 г. при одновременном росте доли инвестиционных товаров с 5 до 15 % и деталей и компонентов с 4 до 13 % [*Lemoine, Unal* 2017, р. 9]. При этом

торговля Китая с развитыми странами отличалась весьма высокой долей машин и оборудования. Так, в 2012 г. она составила 50,8 % в экспорте КНР в ЕС и 62,5 % в импорте, в торговле с США — соответственно 52,6 и 41,4 %, в торговле с Японией — 45,1 и 64,6 % [*Портяков* 2018, с. 326—327]. Тем не менее, несмотря на близость товарной структуры китайского экспорта к таковой у развитых стран, ряд экспертов рассматривали это явление как некую «статистическую иллюзию» из-за невысокой добавленной стоимости в процессе переработки, особенно в высокотехнологичных отраслях [*Lemoine, Unal* 2017, p. 5].

Такая ситуация стимулирует Китай к активному импортзамещению, прежде всего в компонентной базе. На это, в частности, ориентирована программа развития машиностроения страны «Сделано в Китае 2025», вызвавшая, к слову сказать, серьезное недовольство на Западе именно стремлением Пекина снизить зависимость от импорта в высокотехнологичных областях. КНР настроена и далее активно улучшать свои позиции в цепочках добавленных стоимостей, видя в этом важную составную часть своего превращения из «большой» торговой державы в «сильную».

В 2017 г. Китай экспортировал 1294,8 млн телефонов, в основном мобильных и беспроводных, 201,8 млн электронных вычислительных устройств (в основном различных компьютеров), 52 млн кондиционеров, 49,5 млн холодильников, 23 млн стиральных машин, 81,5 млн цветных телевизоров, свыше 1 млн автомобилей и более 8000 судов. В то же время баланс в торговле интегральными схемами остается не в пользу Китая: их экспорт составил 45,2 млрд долл., а импорт — 175,9 млрд долл. [*Хайгуань тунцзи* 2017, с. 54—55, 64].

Особенности товарной структуры внешней торговли Китая в значительной мере предопределяют и ее географию. Напомним, что внешнеэкономические связи КНР были целенаправленно переориентированы с СССР и социалистического лагеря на мировой рынок еще в 1960-е годы. Это объяснялось не только ухудшением китайско-советских политических отношений, но свертыванием в тот период импорта комплектного оборудования и повышенной потреб-

ностью Пекина в зерне и другой сельхозпродукции, которую не могли удовлетворить Советский Союз и его партнеры по Совету экономической взаимопомощи. Старт реформ пришелся на очередной виток ухудшения отношений Китая с СССР — сначала из-за китайско-вьетнамской войны весной 1979 г., а затем и вследствие ввода советских войск в Афганистан. Вполне логично, что приоритет развитых государств во внешней торговле КНР усилился, чему помогло и установление дипломатических отношений с США 1 января 1979 г. Поэтому, как откровенно признавали китайские ученые-экономисты, на начальном этапе реформ внешнеэкономическая открытость Китая стала на деле открытостью исключительно по отношению к Западу. Что касается Советского Союза, то он пытался усилить свои позиции на китайском рынке, предложив в середине 1980-х годов программу реконструкции части предприятий, сооруженных в 1950-е годы с его помощью, однако серьезных практических шагов за этим не последовало.

Ведущими торговыми партнерами КНР стабильно остаются Европейский союз, где лидирует Германия, США, азиатские соседи — Япония, Республика Корея и также учитываемые в статистике в качестве внешнеторговых партнеров Тайвань и Гонконг. При этом доли отдельных партнеров, как правило, менялись незначительно. Так, доля ЕС в китайском экспорте составила 18,8 % в 2006 г. и 15,6 % в 2015 г., доля США — соответственно 21 и 18 %, доля стран и регионов Восточной Азии — 39,6 и 39,1 %. При этом, однако, доля стран АСЕАН существенно выросла благодаря созданию зоны свободной торговли с Китаем — с 7,4 % в 2006 г. до 12,2 % в 2015 г. Доли Тайваня (обозначен как «китайский Тайбэй») и Республики Корея сохранились на близких уровнях (соответственно 2 и 4 %), тогда как доля Японии вследствие ухудшения политических отношений с Китаем упала с 9,5 до 6 % [*China Trade Report 2016* 2016, p. 27—28].

В импорте КНР имело место снижение доли Японии — с 14,6 % в 2005 г. до 8,5 % в 2015 г. при росте доли США с 7,5 до 8,8 % [*China Trade Report 2016* 2016, pp. 30—31].

Россия достигла рекордного уровня торговли с Китаем в 2014 г. — 95,28 млрд долл. [*Report on the Foreign Trade Situation of*

China, Spring 2015 2015, р. 6], после чего случился обвал, вызванный резким падением мировых цен на нефть — основного товара российского экспорта в Китай. Максимум в 5—6 % доля России во внешней торговле КНР достигла в первые постсоветские годы, но с начала нынешнего столетия держится примерно на уровне 2 %.

Более полное представление о географическом распределении внешней торговли КНР в последние годы дает табл. 2.

Таблица 2. Географическая структура внешней торговли КНР в 2016—2017 гг., млрд долл.

Наименование	2016			2017		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
Всего	3685,57	2098,15	1587,42	4104,50	2263,52	1840,98
Азия в том числе:	1948,11	1042,27	905,84	2125,72	1096,35	1029,37
Индия	70,15	58,59	11,76	84,40	68,06	16,34
Япония	274,78	129,26	145,52	302,97	137,32	165,65
страны АСЕАН	452,20	255,98	196,22	514,81	279,12	235,69
Республика Корея	252,57	93,70	158,87	280,26	102,75	177,51
Тайвань	179,59	40,37	139,22	199,37	43,99	155,38
Гонконг	304,57	287,72	16,85	286,66	279,34	7,32
Европа в том числе	677,36	389,66	287,70	755,88	429,06	326,82
Россия	68,56	37,33	32,23	84,09	42,90	41,19
Европейский союз	547,02	339,-5	207,97	616,91	377,04	244,87
Африка в том числе	149,11	92,21	56,90	170,00	94,74	75,26
ЮАР	35,34	12,85	22,49	39,17	14,82	24,35

Окончание табл. 2

Наименование	2016			2017		
	Оборот	Экспорт	Импорт	Оборот	Экспорт	Импорт
Латинская Америка в том числе	216,56	113,86	102,70	257,85	130,83	127,02
Бразилия	67,71	21,97	45,74	87,54	28,96	58,58
Северная Америка в том числе	565,43	412,62	152,81	635,71	461,27	174,44
США	519,48	385,08	134,40	583,69	429,75	153,94
Океания в том числе	127,89	47,51	80,38	158,93	51,28	107,67
Австралия	107,95	37,29	70,66	136,26	41,44	94,82

Источник: Хайгуань тунци [Таможенная статистика]. Пекин, 2016, № 12. С. 114—121; 2017, № 12. С. 114—121.

Торговля услугами

В течение двух десятилетий после старта политики реформ и внешнеэкономической открытости Китай не уделял должного внимания торговле услугами, прежде всего вследствие определенного отставания третичной сферы экономики в стране в целом. При этом Пекин, не располагавший крупным торговым флотом, вынужденно мирился с большим дефицитом операций по статье «транспортные услуги», поскольку подавляющая часть его экспортных грузов перевозилась потребителям на иностранных морских судах. Положительное сальдо давало лишь оказание Китаем строительных услуг за рубежом.

Ситуация радикально изменилась после присоединения КНР к ВТО. Китай взял на себя весьма серьезные обязательства по открытию внешнему миру торговли услугами. Правительство страны упразднило 2300 нормативных актов и ведомственных правил, не отвечавших нормам ВТО. Одновременно была принята серия норматив-

ных актов о доступе иностранных поставщиков услуг в банковскую, страховую, строительную и транспортную отрасли. Китай активизировал международное сотрудничество и повысил свою конкурентоспособность в таких сферах, как телекоммуникации и Интернет.

Результатом стала резкая активизация торговли услугами, по объему которой Китай с 12-го места в мире переместился на 2-е. За период 2001—2017 гг. импорт услуг КНР вырос с 39,3 млрд долл. до 467,6 млрд долл. при среднегодовом приросте 16,7 %. Доля страны в мировом импорте услуг приблизилась к 10 % [*Чжунго юй шицзе маои цзучжи* 2018]. Объем экспорта Китаем услуг вырос за тот же период с 31 млрд до 228,2 млрд долл. при среднегодовом приросте 13,3 %¹². Несомненно, сыграло свою роль общее развитие сферы услуг в Китае. В частности, большие масштабы приобрел выездной туризм. Так, в 2017 г. за рубеж выезжали с туристическими целями 130 млн граждан КНР, израсходовавших на поездки свыше 115 млрд долл. [*Чжунго юй шицзе маои цзучжи* 2018].

В целом на традиционные виды услуг — транспортные, туристические, строительные — пришлось около 2/3 всей китайской торговли услугами в 2017 г. Китай стабильно имеет крупный дефицит в торговле транспортными и туристическими услугами и положительное сальдо по строительным услугам.

В торговле новыми видами услуг у Китая наиболее сильные позиции в сфере телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг. И, напротив, КНР имеет существенный отрицательный баланс в обмене страховыми услугами и особенно в плате за использование прав интеллектуальной собственности (табл. 3). Впрочем, данное обстоятельство в КНР расценивают как свидетельство быстрого повышения технического уровня предприятий страны [*Чжунго фуу маои чжуанкуан* 2018].

По итогам 2017 г. на торговлю услугами пришлось 14,5 % общего объема внешней торговли Китая товарами и услугами. Китайские эксперты полагают этот уровень недостаточным, так как в международной торговле в целом данный показатель составляет порядка 20 %. В частности, в 2014 г. в США он был равен 28,3 %, в Герма-

Таблица 3. Торговля Китая услугами в 2017 г., млрд долл.

Виды услуг	Объем торговли	Экспорт	Импорт	Сальдо
Услуги, всего	695,98	228,19	467,79	-239,60
Транспорт	130,10	37,12	92,98	-55,86
Туризм	293,71	38,82	254,89	-216,07
Строительство	32,50	23,93	8,57	15,36
Страхование	14,46	4,05	10,41	-6,36
Финансовые услуги	5,31	3,70	1,61	2,09
Телекоммуникационные, компьютерные, информационные услуги	46,96	27,78	19,18	8,60
Оплата использования прав интеллектуальной собственности	33,35	4,76	28,59	-23,83
Индивидуальные, досуговые и культурные услуги	3,51	0,76	2,75	-1,99
Ремонтные услуги	8,20	5,93	2,27	3,66
Услуги по переработке	18,25	18,07	0,18	17,89
Прочие коммерческие услуги	104,43	61,56	42,87	18,69
Правительственные услуги	5,16	1,70	3,46	-1,76

Составлено и рассчитано по данным: Чжунго фуу маои чжуанкуан (Фуцзянь сы) [Китай в торговле услугами. Приложение 4 к Докладу о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018]. URL: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf.

нии — 21,8 %, в Японии — 23 %, а в Индии, специализирующейся на аутсорсинге — 35,4 % [China Trade Report 2016 2016. P. 67].

В КНР уделяют большое внимание совершенствованию торговли услугами и наращиванию ее масштабов, видя в этом важное на-

правление своей трансформации из «большой» торговой державы в «сильную».

В начале 2015 г. Госсовет КНР обнародовал «Предложения по ускорению развития торговли услугами», ориентированные на дальнейшее открытие сферы услуг в стране и наращивание китайских зарубежных инвестиций в данный сектор. В августе 2015 г. Госсовет учредил межминистерское совещание для координации деятельности ведомств по торговле услугами. Одна из задач данного органа — содействовать развитию торговли новыми видами услуг, в том числе в сферах культуры, анимации, дизайна, биологии и медицины. В ноябре 2015 г. было подписано соглашение о либерализации торговли услугами между материковым Китаем и Гонконгом, в соответствии с которым Китай открыл для Гонконга 153 вида услуг из 160, входящих в перечень ВТО [*China Trade Report 2016* 2016, p. 69—70].

Практическая отработка углубленного сотрудничества между материком и Гонконгом в сфере услуг идет в районе Цяньхай г. Шэньчжэня (он входит в шэньчжэньский участок Гуандунской экспериментальной зоны свободной торговли). Созданы специальные механизмы сотрудничества в торговле услугами с Германией, Австралией, Великобританией. Китай продвигает такое сотрудничество и в рамках БРИКС.

С целью финансовой поддержки регионов и предприятий, осваивающих инновационные виды услуг, в стране учрежден специальный фонд объемом в 30 млрд юаней¹³.

Инвестиции

Одним из основных направлений внешнеэкономической деятельности КНР в период реформ стало привлечение зарубежного капитала. На первых порах преобладали займы и кредиты международных финансовых организаций (Китай вступил в Международный валютный фонд и Всемирный банк в 1980 г.) и зарубежных правительств. Объем таких заимствований составил за период 1979—2000 гг. 147,14 млрд долл., в том числе 15,56 млрд — в 1979—1985 гг.,

30,13 млрд — в 1986—1990 гг., 45,58 млрд — в 1991—1995 гг. и 55,9 млрд в 1996—2000 гг.¹⁴ Получение Китаем государственных займов и кредитов после 2000 г. в статистике не зафиксировано.

Вместе с тем уже в первые пореформенные годы Пекин начал активно привлекать прямые иностранные инвестиции, прежде всего в создание совместных предприятий (закон о них был принят парламентом страны летом 1979 г.).

В середине 1980-х годов наряду с совместными было также решено создание кооперативных предприятий и предприятий, полностью основанных на иностранном капитале. Последняя форма и стала наиболее успешной: так, в 2016 г. из общего объема практически использованных иностранных инвестиций в 126 млрд долл. на совместные предприятия пришлось 30,2 млрд долл. (около 24 %), на кооперативные — 0,83 млрд (0,65 %), а на иностранные — 86,13 млрд долл. (68,35 %). Еще 8,84 млрд долл. (7 %) было использовано паевыми предприятиями с участием иностранного капитала¹⁵.

До начала 1990-х годов Китай привлекал больше займов, чем прямых зарубежных инвестиций. С 1992 г. прямые инвестиции из-за рубежа устойчиво становятся главным каналом получения Пекином иностранных капиталовложений. С 2010 г. их ежегодный объем превышает 100 млрд долл. Судя по официальным данным, КНР за период реформ, т. е. за 1979—2017 гг., использовала в совокупности около 1,9 трлн долл.¹⁶ прямых зарубежных инвестиций, став одним из мировых лидеров по этому показателю.

Впрочем, элемент недоверия мирового экспертного сообщества к китайским данным по привлечению прямых иностранных инвестиций присутствует, что объясняется очень высокой долей Гонконга в их общем объеме (как правило, 60—70 %) и весомым вкладом офшоров, особенно Виргинских и Каймановых островов. Предполагается, что через островные офшоры китайские предприниматели прокручивают собственный капитал с целью получения льгот, предназначенных для иностранных инвестиций. Среди других стран и регионов по объему инвестиций в КНР лидируют Япония, Сингапур, Республика Корея, США (табл. 4).

Таблица 4. Привлечение Китаем прямых иностранных инвестиций, млрд долл.

Страна, регион	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Инвестиции, всего	105,7	116,0	111,7	117,6	119,6	126,3	126,8	131,0
Япония	4,1	6,3	7,4	7,1	4,3	3,2	3,1	3,3
Сингапур	5,4	6,1	6,3	7,2	5,8	6,9	6,0	4,8
Республика Корея	2,7	2,6	3,0	3,1	4,0	4,0	4,8	3,7
Великобритания	0,7	0,6	0,4	0,4	0,7	0,5	1,4	1,0
Германия	0,9	1,1	1,5	2,1	2,1	1,6	2,7	1,5
Франция	1,2	0,8	0,7	0,8	0,7	1,2	0,9	0,8
Каймановы о-ва	2,5	2,2	2,0	1,7	1,3	1,4	5,2	2,2
Виргинские о-ва	10,4	9,7	7,8	6,2	6,2	7,4	6,7	4,0
Канада	0,6	0,5	0,4	0,5	0,4	0,2	0,3	0,3
США	3,0	2,4	2,6	2,8	2,4	2,1	2,4	2,6
Австралия	0,3	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3
Гонконг	60,6	70,5	65,6	73,4	81,3	86,4	81,5	94,5
Тайвань	2,5	2,2	2,8	2,1	2,0	1,5	2,0	1,8

Источник: Чжунго тунци чжайяо 2017. С. 103. Чжунго тунци чжайяо 2018. [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018. С. 102.

Отраслевая структура привлеченных зарубежных инвестиций менялась вслед за сменой приоритетов развития страны и сдвигами в структуре народного хозяйства. В 2016 г. лидерами были перерабатывающие отрасли (35,5 млрд долл., или 28 % от общего объема использованных инвестиций), недвижимость (19,65 млрд долл. — 15,6 %), деловые услуги (16,13 млрд долл. — 12,8 %) и розничная торговля (15,27 млрд долл. — 12,6 %) ¹⁷.

Из зарегистрированных в КНР на конец 2016 г. 505 тыс. предприятий с иностранными инвестициями 154 тыс. действовали в перерабатывающих отраслях, 121,5 тыс. — в оптовой и розничной торговле, 56,4 тыс. — в сфере деловых услуг, 43,2 тыс. — в информатике¹⁸.

Китай в последние годы обрел широкую известность не только как получатель капиталовложений из-за рубежа, но и как достаточно крупный международный инвестор. Первые китайские инвестиции за рубежом датируются серединой 1980-х годов, однако более-менее значительные масштабы они приобрели с начала 2000-х годов, вслед за провозглашением стратегии выхода отечественного капитала «вовне» («цзоу чуцью»). В 2003 г. был обнародован первый статистический справочник о зарубежных инвестициях китайских компаний.

Во втором десятилетии XXI века масштабы инвестиций резко выросли, стали заметно меняться их география и формы. Если ранее преобладали капиталовложения в добывающие отрасли в развивающихся странах и традиционно — в Гонконг, то с 2010 г. активизируются вложения Китая в активы в США и Европе через «слияния и поглощения» [Miller, Kratz 2016. P. 38]. Это облегчало китайскому бизнесу проникновение на рынки развитых стран и закрепление на них.

Дополнительным стимулом стала инициатива Си Цзиньпина о развитии инфраструктуры и экономического сотрудничества на маршрутах современных сухопутного и морского «шелковых путей», в которую вовлечены десятки государств. Одно из важных направлений ее реализации — вынос избыточных производственных мощностей из КНР в страны вдоль «пояса и пути», влекущий за собой инвестиции из Китая в виде оборудования, строительных услуг и т. п. Так, китайские предприятия по выплавке стали (один из главных «избыточных продуктов» в КНР) работают в Малайзии (3,5 млн т), Индонезии (3 млн т), Сербии (2,2 млн т), строятся в Индонезии (на 6 млн т), Индии (на 2 млн т) и планируются в Бразилии (2 млн т)¹⁹. Соглашения по переносу производственных мощностей заключены с Казахстаном и Киргизией.

Китайские инвестиции за рубежом достигли пика в 2016 г., что отчасти объясняется активным выводом капиталов из страны в условиях жесткой антикоррупционной кампании, инициированной Си Цзиньпином (табл. 5).

Таблица 5. Китайские инвестиции за рубежом в 2016 г., млн долл.

Страны, регионы	Инвестиции в 2016 г.	Накопленный итог на конец 2016 г.
Всего	199 149*	1 57 390
Азия	130 267	909 455
Гонконг	114 232	780 744
Сингапур	3171	33 445
Индонезия	1461	9545
Вьетнам	1279	4983
Таиланд	1121	4533
Республика Корея	1148	4237
Африка	2398	39 877
Европа	10 693	87 202
Великобритания	1480	17 612
Германия	2380	7841
Франция	1499	5116
Россия	1293	12 979
Латинская Америка	27 227	207 152
Каймановы о-ва	13 522	104 208
Виргинские о-ва	12 288	88 766

Окончание табл. 5

Страны, регионы	Инвестиции в 2016 г.	Накопленный итог на конец 2016 г.
Северная Америка	20 351	75 472
США	16 980	60 580
Океания	5 211	38 240
Австралия	4 186	33 350

Источник: Чжунго тунци няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин. 2017. Таблица 11—19.

* В сообщении Госкомитета КНР по статистике об итогах 2016 г. величина инвестиций за рубежом определена в 170,1 млрд долл. В докладе Министерства коммерции КНР об инвестициях за рубежом в 2016 г. фигурирует третья цифра — 196,15 млрд долл.

Обращает на себя внимание безоговорочное лидерство Гонконга: на него приходится свыше 65 % инвестиций из КНР в 2016 г. и 67 % — в их накопленном итоге. Значителен и объем вывода средств в офшоры — на Каймановы и Виргинские острова: 25,8 млрд долл. в 2016 г. (12,5 % от общей суммы) и около 193 млрд долл. (14,2 %) в накопленном итоге. Тем не менее, Китаю в плане инвестиций удалось многого добиться в странах АСЕАН, в Австралии. Очевидна и значительная экономическая взаимозависимость между КНР и США, о чем свидетельствует солидный объем накопленных китайских инвестиций в Америке — 60,5 млрд долл. Для сравнения — их объем в России составил на конец 2016 г. около 13 млрд долл.

Китайские инвестиции в Европу призваны обеспечить закрепление компаний из КНР на европейском рынке и нарастить обратный поток грузов в Китай на главном маршруте сухопутного шелкового пути. Статистика китайских инвестиций в Европу весьма противоречива и требует уточнения. Пока китайские данные намного меньше европейских. Например, в 2016 г. Китай оценивал свои инвестиции в Европе в 10,7 млрд долл., а эксперты из берлинского Института китайских исследований «Меркатор» — в 35 млрд евро.

Заметно разнятся и данные по накопленному итогу китайских инвестиций в конкретных странах [*Hanemann, Huotari* 2018] (возможно, китайские статистики оперируют фактически использованными инвестициями, а европейские — инвестициями по соглашениям). В отраслевой структуре китайских инвестиций за рубежом ведущие позиции заняли: деловые услуги (33,5 % от общего объема), перерабатывающие отрасли (14,8 %), оптовая и розничная торговля (10,7 %), передача информации и информационные услуги (9,5 %), недвижимость (7,8 %), денежно-кредитная сфера (7,6 %), услуги населению (2,8 %), строительство (2,2 %) ²⁰.

В 2017 г. объем инвестиций КНР за рубежом снизился на 29,4 % и составил 120,1 млрд долл. ²¹ Отчасти это объясняется ужесточением контроля за вывозом капитала из Китая. Однако главным фактором стало более осторожное отношение к китайским инвестициям в развитых странах, особенно в США и Европе. Пекин сталкивается и со случаями отказа ряда развивающихся стран после смены правительств от строительства объектов с китайскими инвестициями.

Одной из важных отличительных особенностей внешнеэкономической политики КНР в пореформенный период стало апробирование различных форматов территориальной открытости. В их числе — специальные экономические зоны, открытые приморские города, районы технико-экономического развития, открытые приморские районы, зоны развития высоких технологий, зоны беспошлинной торговли и т. д. [*Потанов* 1998, с. 271—272]. Как правило, главным преимуществом этих образований была льготная ставка налогообложения: 24; 15 и даже 10 % по сравнению с уровнем подоходного налога в 33 % для обычных национальных предприятий.

Наибольшую известность и в самом Китае, и в мире обрели специальные экономические зоны (СЭЗ) «первой волны» — Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу, Сямэнь, созданные в 1980 г. В 1988 г. статус СЭЗ получил также о. Хайнань. Специальные экономические зоны сыграли поистине уникальную роль в модернизации страны и развитии внешнеэкономических связей Китая, став не только «окном в мир», «стыковочным узлом» с мировым рынком, но и экспериментальной площадкой для отработки широкого спектра рефор-

Таблица 6. Использование прямых иностранных инвестиций в Шэньчжэне, млн долл.

Год	Инвестиции	Год	Инвестиции
1979	5	1999	1778
1980	28	2000	1961
1981	86	2001	2591
1982	58	2002	3191
1983	113	2003	3623
1984	186	2004	2350
1985	180	2005	2969
1986	365	2006	3269
1987	274	2007	3662
1988	287	2008	4030
1989	293	2009	4160
1990	390	2010	4297
1991	399	2011	4599
1992	449	2012	5299
1993	989	2013	5468
1994	1250	2014	5805
1995	1310	2015	6497
1996	2051	2016	6732
1997	1661	2017	7401
1998	1664		

Составлено по: Шэньчжэнь тунци няньчзянь 2017 [Статистический ежегодник Шэньчжэня 2017]. Пекин—Шэньчжэнь. 2017. Табл. 13—4. С. 322; Шэньчжэнь 2017 нянь гоминь цзинци хэ шэхуй фачжань тунци гунбао [Статистическое коммюнике об экономическом и социальном развитии Шэньчжэня в 2017 г.]. URL: www.zftj.gov.cn/xxgk/zfxgkme/tjsj/tjgb/201804/20180416-11765330.htm

менных нововведений — от реформы заработной платы и отпуска цен на продовольствие до создания центров валютной торговли и бирж ценных бумаг.

Очевидны и достижения в развитии самих СЭЗ. Если в 1979 г. совокупный объем валового регионального продукта (ВРП) Шэньчжэня, Чжухая, Шаньтоу, Сямэня и о. Хайнань не достигал и 4 млрд юаней, а его доля в ВВП страны составляла менее 1 %, то в 2017 г. эти показатели достигли соответственно 3617 млрд юаней и 4,4 %, а среднедушевой ВРП пяти территорий был равен 16 372 долл. — вдвое выше среднекитайского. Объем внешней торговли пяти СЭЗ вырос с 0,2 млрд до 550 млрд долл., а их доля во внешнеторговом товарообороте Китая выросла с 0,4 до 13,5 %²². Безусловным лидером здесь является Шэньчжэнь, ставший наиболее успешной китайской СЭЗ. По годовому объему внешней торговли (в 2017 г. — около 414 млрд долл.) он с начала 2000-х годов соперничает за 1-е место с Шанхаем, в большинстве случаев опережая его.

Внушительны и итоги привлечения Шэньчжэнем зарубежных капиталовложений. За 1979—2017 гг. здесь в общей сложности были использованы прямые иностранные инвестиции на сумму около 90 млрд долл. (табл. 6), что составляет 4,7 % от общекитайского показателя (доля ВРП Шэньчжэня в ВВП КНР — около 2,5 %).

Следует подчеркнуть, что достаточно высокие параметры использования Шэньчжэнем иностранных инвестиций сохранились и после того, как в период 2008—2012 гг. ставка подоходного налога здесь была поэтапно повышена до общенационального уровня в 25 % (введена в 2007 г.). Привлекательность как Шэньчжэня, так и Китая в целом для иностранных инвесторов все больше определяется емкостью китайского рынка, а не налоговыми льготами.

Перспективы

Подводя краткие итоги политики внешнеэкономической открытости Китая в пореформенный период, можно констатировать, что она сыграла критически важную, незаменимую роль в модернизации

ции страны и в ее трансформации в одну из ведущих держав мира, в освоении норм и правил функционирования мирового рынка. Китай вошел в число мировых лидеров по объемам торговли, привлечению иностранных инвестиций и инвестированию за рубежом. Пекин хорошо адаптировался к процессу глобализации мировой экономики и стал одним из главных ее бенефициаров. Официальную позицию Китая в настоящее время отличают приверженность глобализации, противодействие протекционизму, курс на активное экономическое сотрудничество по всем направлениям. Такая позиция вполне закономерна, коль скоро внешнеэкономические связи останутся одним из ведущих факторов развития КНР на обозримую перспективу.

На пути достижения провозглашенной Пекином цели — превратить страну из «большой» торговой державы в «мощную» — Китаю предстоит многое сделать не только в деле преодоления слабостей, выявившихся в его внешней торговле и внешнеэкономических связях в целом, но и для более полного учета зачастую справедливых претензий и требований его торгово-экономических партнеров. В числе основных проблем назовем высокий уровень «китаезависимости» у большой группы стран²³, все еще недостаточный уровень качества электроники и машинотехнической продукции китайского производства (Китай подчас обвиняют в том, что он «уронил» мировой стандарт качества), случаи агрессивного вытеснения китайским экспортом продукции национальных производителей, в том числе на рынках третьих стран (особенно характерен пример Италии), увязка предоставления Китаем инвестиций с закупкой его техники и использованием китайской рабочей силы.

В Пекине много работают над стратегией дальнейшего развития внешнеэкономических связей. Декларируется необходимость ускорить переход к новым факторам развития внешней торговли и обновлению ее структуры, возвращать новые сравнительные преимущества в конкурентоспособности, перейти от быстрого роста к росту качественному.

Методологически взят курс на «пять улучшений», или оптимизаций²⁴. Это, во-первых, формирование более широкой сети торго-

вых партнеров, еще более активное использование мирового рынка. Особое значение придается дальнейшей активизации связей вдоль маршрутов сухопутного и морского «Шелковых путей». Соответствующие страны все чаще выделяются в отдельную группу в китайской статистике внешнеэкономических связей. Так, в докладе Минкоммерции о внешней торговле Китая отмечается, что объем его торговли со странами «пояса и пути» в 2017 г. вырос на 17,8 % — на 3,6 проц. пункта больше роста товарооборота в целом [*Чжунго дуйвай маои синши баогао* 2018]. Инвестиции КНР в страны «пояса и пути» в 2017 г. составили 14,4 млрд долл.²⁵ (В ряде материалов число таких стран определено в 54).

Во-вторых, улучшение территориального распределения внешней торговли и инвестиционной деятельности в самом Китае. По свидетельству вице-премьера Ван Яна (в марте 2018 г. занял пост председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая), на западные регионы страны приходится 72 % территории и 27 % населения, но лишь 7 % объема внешней торговли КНР и 7,6 % привлеченных ею иностранных инвестиций [*Ван Ян* 2018].

В-третьих, техническое, институциональное, управленческое обновление предприятий — субъектов внешнеэкономических связей, поощрение к выходу на мировой рынок малых и средних предприятий, формирование группы головных предприятий и транснациональных компаний с китайским капиталом, обладающих высокой международной конкурентоспособностью.

В-четвертых, оптимизация товарной структуры торговли, освоение продукции с высокой добавленной стоимостью и борьба за высокий престиж товаров известных китайских марок.

В-пятых, улучшение существующих и поиск новых способов ведения торговли, всемерное развитие торговли услугами и товарами.

В практическом плане на одно из первых по значимости мест выходит функционирование экспериментальных зон свободной торговли²⁶. Они призваны отработать переход внешнеторговой и инвестиционной деятельности КНР на передовые международные стандарты, подготовить дальнейшее открытие китайского рынка

(включая финансовые, социальные, образовательные услуги) для иностранных инвесторов. Часть экспериментальных зон (в Сиани, Чунцине, Чэнду) ориентирована на подтягивание к мировым стандартам внешнеэкономической деятельности западных регионов Китая и обеспечение высокого качества экономического взаимодействия КНР с государствами вдоль сухопутного пояса «Шелкового пути». С середины 2018 г. одна из главных наработок экспериментальных зон — принцип «негативного списка» в привлечении зарубежных инвестиций распространен на весь Китай (т. е. разрешены инвестиции во все сферы, не вошедшие в соответствующий «запретительный» перечень, который количественно ежегодно сокращается).

Пекин декларирует готовность существенно увеличить импорт товаров из-за рубежа, способствуя тем самым снижению своего крупного положительного сальдо в торговле товарами. В ближайшее пятилетие совокупный импорт КНР может достичь 8 трлн долл.²⁷ В середине 2018 г. снижены импортные пошлины на автомобили и ряд потребительских товаров, в ноябре 2018 г. в Шанхае проведена первая в истории страны китайская международная выставка импортных товаров.

Одновременно Китай сохраняет традиционные методы стимулирования экспорта, такие как увеличение ставки возврата налогов при вывозе некоторых видов продукции и мягкое снижение курса юаня. В 2014 г. среднегодовой курс юаня к доллару США достиг пиковых значений в 6,143 юаня за доллар. В 2016 г. он составил 6,6423, а в 2017 г. — 6,7518 юаня за доллар.

В то же время особое значение придается развитию такой новой формы ведения внешней торговли, как трансграничная электронная торговля. В последние годы был принят ряд нормативных документов, регламентирующих порядок ее ведения, а в середине 2018 г. — Закон КНР об электронной торговле. Официальных данных о ее объеме пока нет. Подчас называются величины вплоть до триллиона долларов, однако объем трансграничной электронной торговли платформ, находящихся под управлением таможни, составил в 2017 г. лишь 90,24 млрд юаней — на 80 % больше, чем в 2016 г.

[*Чжунго дуйвай маои фачжань баогао* 2018]. Видимо, эти данные не включают торговлю, ведущуюся непосредственно крупнейшими китайскими провайдерами электронной торговли («Алибаба», «Амазон», «Цзиньдун молл», «Ихаодянь»). 80 % объема трансграничной электронной торговли КНР составляет ее экспорт [*China Trade Report 2016*, 2016, p. 84].

Пекин продолжит усилия по формированию новых межгосударственных зон свободной торговли. На середину 2016 г. КНР имела 14 соглашений о создании двусторонних и многосторонних (с АСЕАН) зон свободной торговли. Последняя по времени договоренность такого рода — предварительное соглашение о ЗСТ с Маврикием, подписанное во время визита председателя КНР Си Цзиньпина в Африку в сентябре 2018 г. Продолжаются переговоры по созданию ЗСТ в формате Китай—Республика Корея—Япония, активизировавшиеся в 2017 г. вслед за некоторым смягчением китайско-японских политических отношений. Китай несколько лет назад энергично продвигал инициированное АСЕАН соглашение о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве в Восточной Азии (RCEP — Regional Comprehensive Economic Partnership), однако в последние два года его энтузиазм поубавился, возможно, в связи с переключением центра тяжести на более приоритетный для Пекина формат «пояса и пути». По мнению ряда экспертов, «торможение» в создании RCEP объясняется также позицией Индии, опасющейся наплыва дешевых товаров из других стран, но продвигающей свою идею либерализации рынка труда [*Miller 2017*, p. 15]. Тем не менее, в целом КНР сохраняет приверженность практике межгосударственных ЗСТ, выступив с предложениями создания Зоны свободной торговли АТР [ФТААР — Free Trade Area of the Asia—Pacific] и формирования глобальной сети высококачественных ЗСТ [*China Trade Report 2016* 2016, p. 85].

В долгосрочной перспективе важным фактором усиления внешнеэкономических позиций Китая может стать интернационализация юаня. Процесс повышения его места в мировой торговле и экономике уже идет. За период 2012—2016 гг. по доле в расчетах в сфере мировой торговли юань передвинулся с 15-го места в мире (0,25 %)

на 6-е (1,67 %). С такими темпами роста он может в десятилетней перспективе обойти японскую иену. По доле в сделках на валютном рынке юань с 17-го места (0,9 %) в 2010 г. передвинулся на 8-е в 2016 г. (4 %). Здесь есть перспектива в течение 10 лет обойти британский фунт стерлингов. Китайские эксперты полагают, что у юаня есть шансы стать третьей по значимости валютой мира после американского доллара и евро [*Пэй Чжанхун, Лю Хункуй 2017, с. 40*].

* * *

Оценивая возможное развитие внешнеэкономических связей Китая на ближайшее десятилетие, можно предположить, что он почти наверняка сохранит свои позиции одного из мировых лидеров по торговле товарами и услугами, привлечению иностранных капиталов и инвестированию за рубежом. Ориентация Пекина на форсированное инновационное развитие страны может способствовать дальнейшему облагораживанию китайского экспорта. По оценке зарубежных экспертов, в 2020 г. доля Китая в глобальном экспорте продукции перерабатывающих отраслей может достичь 22—23 %, что выше его доли в мировом населении (19 %) и валовом продукте (15 %). Вместе с тем улучшение позиций по товарам с высокой добавленной стоимостью будет даваться Китаю крайне тяжело: ведь производство такой продукции остается весьма зависимым от импортных компонентов и интеллектуальной собственности [*Kroeber, Wang Dan 2017, p. 39, 45*]. В структуре китайского экспорта сохранится весомая доля традиционных товаров (одежда, обувь), а в импорте — топливно-сырьевых и продовольственных товаров.

Пекин продолжит достаточно эффективные усилия по наращиванию масштабов торговли услугами, особенно современными их видами, развитию электронной торговли, сохранению относительно благоприятного внешнеторгового режима за счет участия в межгосударственных зонах свободной торговли.

Вместе с тем страна сталкивается с перспективой некоторого ухудшения внешних условий для внешнеэкономической деятельности. США и Западная Европа усилили гонения на инвестиции из КНР, сорвав целый ряд крупных сделок «слияния и поглощения» с

участием китайского капитала под предлогом предотвращения нарушений в сфере интеллектуальной собственности и несанкционированной утечки технологий. Болезненные последствия для китайской экономики может иметь тотальное повышение в США ввозных тарифов на товары, импортируемые из КНР²⁸. Заслуживает внимания и абсолютно негативное отношение Запада к программе «Сделано в Китае — 2025». Создается впечатление, что Запад всеми силами стремится помешать сокращению своего технологического отрыва от КНР.

В данном контексте особое значение для сохранения и усиления позиций Китая в мировой торговле и инвестиционной деятельности будет иметь относительно успешная реализация проектов «пояса и пути», способная компенсировать вероятное охлаждение экономического взаимодействия Пекина с Западом. Можно ожидать и усиления интереса Пекина к развитию связей с Россией, Евразийским экономическим союзом, государствами формата БРИКС, «незападным миром» в целом.

Список литературы

Ван Ян. Туйдун синчэн цюаньмянь кайфан синь гэцзюй [Продвигать формирование новой архитектоники всесторонней открытости] // Жэньминь жибао, 10.11.2017. (на кит. яз.)

Портяков В.Я. (2018) Внешняя торговля КНР в 2011—2013 гг. // *Портяков В.Я.* Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае. М.: ФОРУМ. С. 319—331.

Потанов М.А. (1998) Внешнеэкономическая политика Китая, проблемы и противоречия. М.: Буква, 1998.

Пэй Чжанхун, Лю Хункуй. (2017) Чжунго цзэньян маньсян маои цянго: игэ синьдэ фэньси сылу [Как Китаю стать сильной торговой державой: новый метод анализа] // *Цзинцизи яньцзю.* [Экономические исследования]. Пекин, 5. 26—42. (на кит. яз.)

Хайгуань тунцизи [Таможенная статистика]. Пекин, 2017. № 12 (на кит. яз.).

Чи Фулинь (Чжу бьянь) (2017) Диэрцы кайфан: цюаньцюхуа шицзы лукоу дэ Чжунго сюаньцзэ [Чи Фулинь (гл. ред.) Второй раунд политики открытости: выбор Китая на перекрестке глобализации]. Пекин, Чжунго гунжэнь чубаньшэ (на кит. яз.).

Чжунго гунчаньдан ди шицзюцы цюаньго дайбяо дахуэй вэньцзянь хуэй-бянь [Документы XIX Всекитайского съезда КПК]. (2017) Пекин, Жэньминь чубаньшэ (на кит. яз.).

Чжунго дуйвай маои синши баогао (2018 нянь чуныцзи) [Доклад о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018 г.]. URL: zhs.mofcom.gov.cn/article/cbw/201805/20180502740111.shtml (дата обращения: 17.08.2018) (на кит. яз.).

Чжунго фуу маои чжуанкуан (Фуцзянь сы) [Китай в торговле услугами. Приложение 4 к Докладу о ситуации во внешней торговле Китая. Весна 2018]. URL: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf (дата обращения: 17.08.2018) (на кит. яз.).

Чжунго юй шицзе маои цзучжи. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюань синьвэнь баньгунши 2018 нянь лю юэ [Китай и Всемирная торговая организация. Канцелярия информации Госсовета Китайской Народной Республики. Июнь 2018 г.] // Жэньминь жибао. 29.06.2018 (на кит. яз.).

China Trade Report 2016: Post-Crisis Development. (2016) Trade Team of Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences. — Beijing, China Social Sciences Press, 2016.

Hanemann, Thilo, Huotari, Mikko (2018) EU—China FDI: working towards reciprocity in investment relations. MERICS papers on China. Berlin. May 2018. URL: https://www.merics.org/sites/default/files/2018-08/180723_merics-cofdi_fina_0.pdf (дата обращения: 31.08.2018).

Kroeber, Arthur, Wang Dan (2017) The Export Upgrade Challenge // China Economic Quarterly, Hong Kong — Beijing, vol. 21, no 2. P. 37—47.

Lemoine Françoise, Unal Deniz. (2017) China's Foreign Trade: A «New Normal» // China & World Economy, Beijing, no 2. P. 1—21.

Miller, Tom. (2017). The Belt and Road to Leadership // China Economic Quarterly. Hong Kong — Beijing, vol. 21, no 2. P. 9—16.

Miller, Tom, Kratz, Agatha. (2016) Open Checkbook, Closed Market // China Economic Quarterly. Hong Kong — Beijing, vol. 20, no 3. P. 37—43.

Report on the foreign trade situation of China. Spring 2015. Chinese Academy of International Trade and Economic Cooperation, Ministry of Commerce of the People's Republic of China, 2015.

References

Wang Yang. (2017) Tuidong xingcheng quanmian kaifang xin geju [Stimulate the formation of new architectonic of all-around openness] // *Renmin ribao*. 10.11.2017. (In Chinese)

Portyakov V. Ya. (2018) *Vneshnyaya trgovlya KNR v 2011—2013 gg.. // V. Ya. Portyakov. Muravei gryzet kost'. Izbrannyye ocherki o Kitae* [Foreign trade of the PRC in 2011—2013. Ants gnawing at a bone —selected texts of Russian sinologist], Moskva: Forum. 319—331.

Potapov M. A. (1998) *Vneshneekonomicheskaya politika Kitaya, problemy i protivorechiya* [China's foreign economic policy, problems and contradictions], Moskva, Bukva, 1998.

Pei Zhanghong, Liu Hongkui. (2017) Zhongguo zengyag manxiang maoyi qianguo: yige xinde fenxi silu [How China may become a powerful trade country: new method of analysis], *Jingji yanjiu* [Economic studies], Beijing, 5. 26—42. (in Chinese)

Haiguan tongji (2017) [Customs statistics], Beijing, 12. (in Chinese).

Chi Fulin (Zhubian) (2017) *Di erci kaifang: quanqiuhua shizi lukou de Zhongguo xuanze* [Chi Fulin (Editor-in-Chief). The Second Round of Opening-up: China's Choice at the Crossroads of Globalization]. Beijing, Zhongguo gongren chubanshe (in Chinese).

Zhongguo gongchandang di shijiuci quanguo daibiao dahui wenjian huibian (2017) [XIX Congress of the Communist Party of China. Documents] Beijing, Renmin chubanshe (in Chinese).

Zhongguo duiwai maoyi xingshi baogao (2018 nian chunji) (2018) [Report on situation in China's foreign trade, Spring 2018]. URL: zhs.mofcom.gov.cn/article/cbw/201805/20180502740111.shtml. (in Chinese) (accessed: 17.08.2018).

Zhongguo fuwu maoyi zhuangkuang (Fujian si) (2018) [China in trade in services. Attachment 4 to “Report on situation in China's foreign trade, Spring 2018]. URL: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20186507090736271.pdf. (in Chinese) (accessed: 17.08.2018).

Zhongguo yu shijie maoyi zuzhi (2018)- Zhonghua renmin gongheguo guowuyuan xinwen bangongshi 2018 nian 6 yue [China and World Trade Organization — Information Department, State Council of the People's Republic of China. June 2018] — *Renmin ribao*, 29.06.2018 (in Chinese).

China Trade Report 2016: Post-Crisis Development. (2016) — Trade Team of Institute of World Economics and Politics, Chinese Academy of Social Sciences. — Beijing, China Social Sciences Press, 2016.

Hanemann, Thilo, Huotari, Mikko (2018) EU—China FDI: working towards reciprocity in investment relations. MERICS papers on China. Berlin. May 2018. URL: https://www.merics.org/sites/default/files/2018-08/180723_merics-cofdi_fina_0.pdf (accessed: 31.08.2018).

Kroeber, Arthur, Wang Dan (2017) The Export Upgrade Challenge // *China Economic Quarterly*, Hong Kong — Beijing, vol. 21, no 2, pp. 37—47.

Lemoine Francoise, Unal Deniz. (2017) China's Foreign Trade: A «New Normal» // *China & World Economy*, Beijing, no 2, pp. 1—21.

Miller, Tom. (2017). The Belt and Road to Leadership // *China Economic Quarterly*. Hong Kong — Beijing, vol. 21, no 2, pp. 9—16.

Miller, Tom, Kratz, Agatha. (2016) Open Checkbook, Closed Market // *China Economic Quarterly*. Hong Kong — Beijing, vol. 20, no 3, pp. 37—43.

Report on the foreign trade situation of China. Spring 2015. (2015), Chinese Academy of International Trade and Economic Cooperation, Ministry of Commerce of the People's Republic of China, 2015.

Примечания

¹ Данные и расчет по: Чжунго тунцзи чжайяо 2018 : [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018, с. 10.

² Там же. Различие в показателях объясняется изменением курса юаня по отношению к доллару. Так, в 1981 г. официальный среднегодовой курс составил 170,5 юаней за 100 долл. США, а в 2017 г. — 675 юаней — Чжунго тунцзи чжайяо 2018 [Краткая статистика Китая 2018]. Пекин, 2018. С. 164.

³ Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 199.

⁴ Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 197.

⁵ В соответствии с обязательствами, взятыми на себя Китаем при вступлении в ВТО, общий уровень его таможенных пошлин на импорт был снижен с начальных 15,3 до 9,8 % в 2010 г., в том числе на промышленные товары с 14,8 до 8,9 %. Средний уровень пошлин на сельхозпродукцию был снижен с 23,2 до 15,2 %, что составляет лишь четверть от среднемирового уровня пошлин на эту группу товаров. В январе 2005 г. Китай отменил импортные квоты и лицензии на 424 вида товаров, в том числе на автомобили, продукцию машиностроения, основные виды зерновых, хлопок, шерсть [Чжунго юй шицзе маои цзучжи 2018].

⁶ «Торговля на основе переработки» («цзягун маою») включает такие конкретные виды операций, как изготовление изделий по образцам и из материалов заказчика, сборка готовых изделий из предоставленных компонентов. К ним часто присоединяют компенсационную торговлю.

⁷ Рассчитано по: Чжунго тунцзи чжайяо 2017 [Краткая статистика Китая 2017]. Пекин, 2017. С. 95.

⁸ Чжунго тунцзи чжайяо 1987 : [Краткая статистика Китая 1987]. Пекин, 1987. С. 90.

⁹ Чжунго тунци чжайяо 1990 : [Краткая статистика Китая 1990]. Пекин, 1990. С. 99.

¹⁰ Чжунго тунци чжайяо 1987 : [Краткая статистика Китая 1987]. Пекин, 1987. С. 90—91.

¹¹ Рассчитано по: Хайгуань тунци (Таможенная статистика), Пекин, 2003. № 12. С. 9, 25, 30.

¹² Син Хоюань. Торговля услугами // Китай. Пекин—Москва. Август 2018. С. 33.

¹³ Туйдун хоу маои хэ фуу маои сетун фачжань [Продвигать скоординированное развитие торговли товарами и услугами]. URL: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/2018050809573056.pdf.

¹⁴ Данные и расчет по: Чжунго тунци чжайяо 2017. С. 104.

¹⁵ Данные и расчет по: Чжунго тунци няньцзянь 2017 [Китайский статистический ежегодник 2017]. Пекин. 2017. Табл. 11—15.

¹⁶ Точнее, 1896,57 млрд долл. — Данные и расчет по: Чжунго тунци чжайяо. 2018. С. 103.

¹⁷ Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь 2017. Табл. 11—16.

¹⁸ Рассчитано по: Чжунго тунци няньцзянь 2017. Табл. 11—16.

¹⁹ *Дэлтон Мэтью, Вэй Линлин.* Миграция китайского металла // Ведомости. М., 06.06.2018.

²⁰ 2016 няньду Чжунго дуйвай чжицзе тоуцзы тунци гунбао [Статистическое коммюнике о зарубежных инвестициях Китая в 2016 г.]. URL: images.mofcom.gov.cn/fec/201711/20171114083528539.pdf.

²¹ Чжунхуа жэньминь гунхэго 2017 нянь гоминь цзинци хэ шэхуй фачжань тунци гунбао [Статистическое коммюнике об экономическом и социальном развитии Китайской Народной Республики в 2017 г.] // Жэньминь жибао, 01.03.2018.

²² Синь шидай цзинци тэюй дэ синь шимин син динвэй [Новый статус и новая миссия специальных экономических зон в новую эпоху] // Жэньминь жибао. 02.09.2018.

²³ В 2010 г. журнал «Economist» пустил в оборот специальный термин «sinodependancy», рассчитывавшийся сначала для компаний, а затем и для стран как доля ВВП, «вывозимая» через экспорт в КНР [Портяков, с. 329—330].

²⁴ Туйдун ваймао ю гаосу цзэнчжан чжуань сян гао чжилян фачжань [Стимулировать поворот внешней торговли от развития высокими темпами к качест-

венному развитию]. URL: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20180508095959091.pdf (дата обращения: 18.08.2018).

²⁵ URL: <http://russian.people.com.cn/n3/20180126/c31518-9420283.html>

²⁶ Подробнее см.: Investing in China's Free Trade Zones. URL: www.China-briefing.com/news/2017/09/21/investing-in-chinas-free-trade-zones.html

²⁷ 2018 нянь Чжунго дуйвай маои фачжань хуаньцзин фэньси [Анализ среды развития внешней торговли Китая в 2018 г.]. URL: images.mofcom.gov.cn/zhs/201805/20180508092571.pdf.

²⁸ Фэн Е. Чжун Мэй маои чжань дэ мин юй ань [Явное и тайное китайско-американской торговой войны] // Наньфан чжоумо, Гуанчжоу. 29.03.2018.

С.Л. Сазонов

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПЛАНА «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЯСА ШЕЛКОВОГО ПУТИ» (ЭПШП) НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Аннотация. Обобщены конкретные предложения по формированию конфигурации российско-китайского приграничной железнодорожной интеграции, от возможности присоединения к которой и использования ее синергетического эффекта потенциальную выгоду смогут получить все участники евразийского транзитно-транспортного проекта. Реализация конкретных предложений по развитию железнодорожной сети ДФО РФ и формированию новых конфигураций совместной российско-китайской приграничной железнодорожной интеграции, позволит увеличить уровень надежности транспортного сообщения между РФ и КНР, заинтересовать и побудить провинции Северо-Восточного Китая императивному транзиту грузов из стран АТР в Европу через территорию РФ по российским железнодорожным и морским маршрутам.

Ключевые слова: Китай, Россия, АТР, провинции, международные транспортные коридоры, железные дороги, порты Владивосток и Зарубино, тарифы, транзит, экспорт.

Автор: Сазонов Сергей Леонидович, к.э.н., в.н.с. ИДВ РАН.
E-mail: Jsazonova2010@mail.ru

S.L. Sazonov

Prospects for the implementation of the Silk road Economic belt plan in the Russian Far East

The report summarizes specific proposals for the formation of a configuration of the Russian-Chinese border railway integration, from which all participants of the Eurasian transit and transport project can potentially benefit from the possibility of joining and using its synergistic effect. The implementation of specific proposals for development of railway network in the Far Eastern Federal district of the Russian Federation and formation of new configurations of joint Russian-Chinese border railway integration outlined in the report, will increase the level of reliability of the transport message between Russia and China, to interest and encourage the province of North-Eastern China mandatory transit of goods from Asia Pacific to Europe via the territory of the Russian Federation along the Russian railway and sea routes.

Keywords: China, Russia, Asia-Pacific region, provinces, international transport corridors, railways, ports of Vladivostok and Zarubino.

Author: S.L. Sazonov. PhD (Economics), Leading Research Fellow. Institute of Far Eastern Studies of Russian academy of Sciences.

Существующие сегодня политические и экономические препятствия, осложняющие взаимовыгодное российско-китайское сотрудничество, могут быть преодолены за счет создания эффективной региональной интеграции российско-китайских транспортных систем в Дальневосточном регионе. Адресная и адекватная государственная поддержка развития транспорта ДФО РФ, привлечение российского частного капитала, прямых китайских инвестиций позволили бы органично встроить дальневосточную инфраструктурную сеть в китайские и международные транспортные коридоры и обеспечить их императивное объединение с транспортной системой РФ. Еще одним средством привлечения дополнительных объемов транзитных грузов из КНР и других стран ЮВА является применение практики гибкого тарифного регулирования с использованием понижающих коэффициентов в зависимости от класса транзитного груза либо на перевозку этих грузов в определенном направлении, а также в зависимости от степени загрузки вагонов либо дальности транспортировки контейнеров.

Потенциальная величина транзитного транспортного грузопотока из центральных и северо-западных провинций КНР превышает 45 млн т, что может увеличить грузооборот портов за счет возросшего объема транзитных грузов в 1,5 раза. Резкое повышение транзитных перевозок по восточному полигону Транссиба к морским портам Приморья станет не только мощным импульсом развития региональной инфраструктурной интеграции и примером сопряжения инициативы ЭПШП и приоритета развития Дальнего Востока России, но и значительным вкладом в развитие экономики субъектов ДФО РФ и провинций Северо-Востока Китая (СВК). Главным условием успешного развития транзитных транспортных коридоров на территории РФ являются изменения основных параметров перевозки транзитных грузов. Следует сокращать сроки прохождения транзитных грузов через пограничные КПП до 4—5 часов, снижать время перевалки в приморских портах с нынешних 25 до 10 часов, добиваться уменьшения как минимум на 50 % величины тарифов на транспортировку транзитных грузов железнодорожным и автомобильным видами транспорта. При выполнении этих условий сроки и цена перевозки транзитных грузов по российской территории станут крайне привлекательными для китайских и других азиатских грузооператоров и, совершенно очевидно, будут генерировать ощутимый конвертируемый результат. По мнению главы Минвостокразвития А. Галушки, развитие международных транспортных коридоров в Приморском крае обеспечит потенциальный прирост ВВП РФ в размере 29 млрд руб., а налогов и сборов до 5,7 млрд руб. ежегодно. Следует развивать международные транспортные коридоры (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2», которые призваны соединить китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь с морскими портами Приморского края. Китайские грузовладельцы смогут экономить на времени и стоимости доставки экспортно-импортных и каботажных грузов, а Дальний Восток России, российская транспортная отрасль получают значительные инвестиции и доходы, что представляет собой яркий пример развития и укрепления взаимовыгодного сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке, сопряжения ЕАЭС, ЭПШП и МШП-XXI. Проекты предполагают расширение автодо-

рожной, железнодорожной инфраструктуры и пограничных пунктов пропуска. При транспортировке грузов из провинций СВК по российским МТК снижение себестоимости перевозки 1 т груза автомобильным транспортом составит 20 долл., железнодорожным транспортом — 10 долл., а совокупная ежегодная экономия — 0,7 млрд долл. Приморье сможет абсорбировать до 15 % всего внутреннего китайского грузопотока между северными и центральными провинциями КНР (25—35 млн т к 2030 г.), что позволит удвоить объем обработки грузов в российских дальневосточных портах, увеличить ВРП на 29 млрд руб. и обеспечить рост налоговой базы ДФО РФ к 2030 г. на 6 млрд руб. Практически все инвестиции будут носить частный характер, однако некоторое количество средств предполагается переориентировать из соответствующих государственных программ на расширение инфраструктуры (к примеру, пунктов пропуска). В железнодорожной части МТК «Приморье-1» необходимо расширить железнодорожный КПП Гродеково, наиболее капиталоемкими объектами являются участок Смоляниново—Находка и автомобильные/железнодорожные подходы к портам Находка и Уссурийск. В техническом решении модернизация железнодорожной инфраструктуры Хасанского района (строительство развязов Пожарский и Барский и железной дороги Хуньчунь—Махалино—Зарубино) позволит организовать транзит грузов северо-восточных провинций Китая через порты южного Приморья — Славянку, Зарубино и Посыет и сократить время транспортировки транзитных грузов по международному транспортному коридору «Приморье-2» с нынешних 24 часов до 4—5 часов. Основным каналом для роста объемов российско-китайских транзитных контейнерных перевозок должен стать пограничный переход Махалино (Приморский край)—Хуньчунь (пров. Цилинь), ежегодный объем пропуска грузов следует увеличить с нынешних 2 млн т до 8—10 млн т в 2030 г.

Ключевую роль в развитии проекта МТК «Приморье-1» стал играть режим СВП (свободного порта Владивосток). В соответствии с законом о СВП с 1 октября 2016 г. были введены новые условия деятельности порта. Был установлен круглосуточный режим работы пограничных пунктов пропуска, введены режим «одного окна» при

прохождении контроля на границе, режим свободной таможенной зоны для резидентов и режим предварительного электронного декларирования товаров, разрешен «зеленый коридор» для участников внешнеэкономической деятельности. С 1 августа 2017 г. на Дальний Восток России можно въезжать через Владивосток, оформив лишь электронную визу. Эти нововведения ориентированы на снятие административных барьеров при морской транспортировке грузов в РФ из КНР, стран ЮВА и АСЕАН. Кроме пров. Хэйлунцзян рядом с Дальним Востоком РФ расположены китайские провинции Цзилинь и Ляонин. После создания свободного порта Владивосток, провинции Цзилинь и Ляонин постоянно уделяют внимание развитию свободного порта и разными способами пытаются принять участие в этом процессе. Пров. Ляонин делает упор на укрепление дружбы городов Даляня и Владивостока, основанной на развитии сотрудничества в области морских перевозок с портом Владивосток. Пров. Цзилинь планирует построить скоростную железную дорогу от города Хуньчунь до Владивостока, а Яньбянь-Корейский автономный округ пров. Цзилинь — также проявляет интерес к железнодорожному сотрудничеству с Владивостоком. Пров. Хэйлунцзян ускорит строительство зоны «Шелковый путь Лунцзян» экономического коридора Китай—Монголия, являющейся важной составной частью национальной стратегии строительства «пояса и пути». Это в полной мере соответствует стратегии России по развитию Дальнего Востока и плану развития свободного порта Владивосток, а также будет способствовать развитию совместной транспортной инфраструктуры, расширению торгового и инвестиционного сотрудничества. Китайские железная дорога и автомобильное шоссе связывают российский порт Владивосток с пров. Хэйлунцзян. Для китайских предприятий, в особенности для предприятий пров. Хэйлунцзян, требуется лишь нескольких часов для железнодорожной перевозки грузов на короткое расстояние, загрузки их на морские суда и для последующей экспортной транспортировки без прохождения таможенных процедур. Возможности многофункционального свободного порта Владивосток содействуют развитию мультимодальных перевозок по маршруту Харбин—Суйфэньхэ—Владивосток—Пусан, которые ста-

новятся более короткими, дешевыми, эффективными, приобретая абсолютное преимущество. Ожидается, что количество грузовых судов, обслуживаемых в свободном порту, будет расти год от года, что сформирует здоровую конкуренцию. *Себестоимость транспортировки грузов в Японию и Южную Корею, отправленных из свободного порта Владивосток, снижается на 2 тыс. юаней по сравнению с отправкой из порта Далянь, а себестоимость транспортировки по тому же маршруту из российского порта по сравнению с отправкой грузов из китайских южных портов снижается примерно на 4 тыс. юаней.* Инфраструктура МТК «Приморье-1» с выходом на порты Находка или Владивосток уже сегодня способна обеспечивать транзит до 7 млн т грузов, а транспортировка груза из Суйфэньхэ в порт Владивосток, либо на железнодорожную станцию Находка-Восточная занимает всего 13 часов. Для увеличения объемов транзитного грузопотока по МТК «Приморье-1» следует расширить российскую часть КПП Гродеково—Суйфэньхэ, модернизировать станцию Гродеково и провести реконструкцию региональной автомобильной дороги Уссурийск—Госграница. Наиболее капиталоемкими станут работы при строительстве железнодорожного участка Смоляниново—Находка и развитии подходов к портам Находка и Уссурийск. Проект развития международного транспортного коридора «Приморье-1» получил поддержку на государственном уровне России и Китая, а учитывая увеличение объёмов грузов, следующих по международному транспортному коридору «Приморье-1», необходимо сделать так, чтобы инфраструктура припортовой станции Находка-Восточная была заблаговременно готова к принятию этого потока. Это будет возможно только после модернизации инфраструктуры этой припортовой станции за счет строительства второго парка станции, который позволит принимать динамично растущие объёмы контейнерных грузов, следующих по железной дороге на терминал Восточной стивидорной компании по МТК «Приморье-1». Следует отметить, что при введении новых административных правил развитие транспортных коридоров не требует особо значительных дополнительных инвестиций. Проводя расчеты на основе существующих тарифов, Минэкономразвития определило, что инвестиции в реконструкцию МТК могут окупиться за

10 лет с доходностью 10—12 % годовых. Модернизация всей инфраструктуры МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» (автомобильных дорог, участков подъездных железных дорог, контрольно-пропускных и перевалочных пунктов, портовых терминалов) создает значительный инвестиционный интерес, что позволяет осуществлять модернизацию инфраструктуры, привлекая средства частных инвесторов и минимизируя бюджетные расходы. Причем, основным бенефициаром станет Приморский край, который будет получать около 75 % прибыли. В рамках визита в Россию председателя КНР Си Цзиньпина по приглашению президента РФ В.В. Путина глава Минвостокразвития РФ А. Галушка и председатель Государственного комитета по делам развития и реформ (ГКРР) Госсовета КНР Хэ Лифэн в июле 2017 г. подписали меморандум о сотрудничестве в области развития МТК «Приморье-1» и «Приморье-2». Согласно меморандуму, стороны планируют оказывать содействие созданию необходимой для развития МТК инфраструктуры, включая автомобильные и железные дороги, порты, аэропорты, пункты пропуска и системы связи. Также будут приняты меры для упрощения процедур, сокращения расходов и времени таможенного оформления транзитных грузов. Стороны намерены увеличить объем грузовых перевозок, усилить сотрудничество между портами Дальнего Востока России и портами Китая, поддерживать строительство международных логистических парков. Координировать реализацию проекта будет специально созданная межведомственная рабочая группа, а управлением и эксплуатацией международных транспортных коридоров займется совместная управляющая компания. Меморандум подразумевает экономическое развитие не только транспортных коридоров, но и прилегающих к ним территорий. Россия и Китай намерены оказывать поддержку инвесторам двух стран в реализации проектов, связанных с развитием МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» транспортных коридоров, для этого стороны намерены открыть Центр поддержки китайских инвесторов и предприятий на Дальнем Востоке РФ. Главным звеном проекта МТК «Приморье-2» должен стать порт Зарубино, расположенный в 80 км северо-западнее порта Владивосток и всего в 18 км от российско-китайской границы, который

должен стать альтернативой доставке китайских грузов по железной дороге до китайского порта Далянь. Порт Зарубино находится на стыке границ России, Китая и КНДР и в нескольких десятках километров от автомобильного (Краскино) и железнодорожного (Махалино) пунктов пропуска, важного звена в торгово-экономическом сотрудничестве между Приморским краем и пров. Цзилинь (КНР). Порт расположен на юге Приморского края в поселке Зарубино Хасанского района в юго-западной части бухты Троицы. Размеры бухты: 6 км с севера на юг и 3,5 км с запада на восток. В центральной части бухты глубина достигает 20 м. Портовые сооружения расположены у основания полуострова Зарубино и защищены от волнения со стороны открытого моря. Порт находится в незамерзающей бухте Троицы, и его географическое положение уникально — это транзитный узел с железнодорожным и автомобильными подходами от российско-китайской границы без конкуренции грузопотокам по Транссибу, а от КПП Краскино—Хунчунь порт Зарубино находится на расстоянии всего 66 км. Таким образом, порт является наиболее коротким путем для транзитных грузов из КНР в Японию, Республику Корея и страны ЮВА. Также он является частью международного транспортного коридора «Приморье-2» с выходом на Транссибирскую магистраль через линию Барановский—Сухановка и федеральную трассу Раздольное—Хасан, автомагистраль Владивосток—Хабаровск, автодороги в направлении Китая и Корейского полуострова. Проложена железнодорожная ветка от станции Зарубино до станции Сухановка протяженностью 11 км.

Реконструкция российского порта Зарубино придаст импульс развитию бассейна р. Туманная (Тумэньцзын), СВК и стран СВА. В декабре 2015 г. в Пекине был подписан Меморандум о взаимопонимании по укреплению российско-китайского регионального, производственного и инвестиционного сотрудничества на Дальнем Востоке РФ между главой Минвостокразвития России А. Галушкой и руководителем ГКРР Сюй Шаоши. Была достигнута договоренность о координации усилий по развитию МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» и о создании российско-китайской межправительственной рабочей группы. Власти пров. Цзилинь намерены инвести-

ровать 3 млрд долл. в увеличение ежегодного грузооборота незамерзающего порта Зарубино до 60 млн т, а в перспективе до 100 млн т. Порт объединит специализированный зерновой терминал (СТЗ) на 40 млн т, контейнерный терминал на 2 миллиона ДФЭ, терминал ро-ро (накатных) грузов на 1,5 млн ед. в год, терминал для перевалки генеральных грузов (более 25 млн т). Проект строительства порта Зарубино поддерживает Министерство РФ по развитию Дальнего Востока. Летом 2014 г. Министерство включило порт в число 14 ТОП. Проект реконструкции порта предполагает увеличение количества причалов с действующих 4 до 12—15. Это даст возможность использовать 60 % мощности российского порта для вывоза продукции провинций СВК в южные регионы КНР, а 30 % — для экспорта товаров в страны АТР и Северную Америку. В 2016 г. власти пров. Цзилинь согласились передать российской группе «Сумма» в аренду на 50 лет 310 га земли в Хуньчуне для строительства логистического центра по обработке грузов с ежегодной мощностью до 40 млн т. Здесь станут обрабатываться китайские грузы, прибывающие в Хуньчунь, будет производиться их сортировка и формирование судовых партий. Группа «Сумма» нашла китайского соинвестора — China Merchants Holding International (Сянган), которая обеспечивает порт грузовой базой (на первом этапе — до 4 млн т зерна и 500 тыс. ДФЭ). Группа «Сумма» намерена инвестировать 300—350 млн долл. в строительство логистического центра и реконструировать российский участок железной дороги до порта Зарубино (построить вторые пути и провести электрификацию участка), а также планирует подать заявку в Фонд национального благосостояния для финансирования проекта «Большой порт Зарубино» в размере около 46 млрд руб. В качестве соинвесторов также рассматриваются банки из КНР (Банк Китая, Фонд развития Сянгана) и РФ. Цзилиньское подразделение Китайской железнодорожной корпорации Northeast Railway Group в декабре 2014 г. выразило готовность участвовать в реконструкции железной дороги до порта Зарубино. По мнению Минэкономразвития, работы по развитию порта Зарубино позволят создать более 3 тыс. новых рабочих мест и до 4 тыс. новых рабочих мест для обслуживания вновь созданных объектов инфраструктуры

порта. В 2014 г. ДВЖД организовала пробный пропуск большегрузных контейнеров по маршруту Хуньчунь—Зарубино, а власти порта уже заявили о готовности без дополнительного увеличения собственных мощностей ежегодно принимать от российских железнодорожников до 5—10 тыс. ДФЭ. В декабре 2017 г. из Китая через железнодорожный погранпереход Махалино—Хуньчунь проследовал транзитный поезд из 9 фитинговых платформ с 40-футовыми рефрижераторными контейнерами, гружёнными продуктами рыбопереработки. Груз прибыл в порт Зарубино в бухте Троицы, который работает с припортовой станцией Сухановка, а прохождение границы и собственно перевозка заняли менее 3 часов. Сегодня от госграницы к порту ведут однокорейная железная дорога и автомобильная дорога невысокого класса, которые рассчитаны на доставку к порту до 150—200 тыс. контейнеров в год. Освободившиеся платформы возвратились в Китай не пустыми: после прибытия в порт Зарубино южнокорейского корабля на них были перегружены контейнеры с грузами назначением в КНР. Китайские эксперты полагают, что при условии соединения порта Зарубино с Транссибирской магистралью, роста портовых мощностей, упрощения таможенных процедур и увеличения пропускной способности железнодорожного перехода Махалино—Хуньчунь через 10—15 лет дальневосточный порт Зарубино сможет конкурировать с китайскими портами Далянь или Шанхай. В начале 2017 г. Минтранс РФ поддержал предложения по организации транзитных перевозок через погранпереход Махалино (Камышовая)—Хуньчунь (КНР). В свою очередь, над упрощением транзита сегодня работает Министерство по развитию Дальнего Востока. Интересы китайских партнеров лежат в плоскости перевозок грузов из Китая через железнодорожный пункт пропуска Камышовая—Хуньчунь — выгодное географическое положение погранперехода подходит для отправки транзита в южные порты Приморья, прежде всего в Зарубино, до которого расстояние составляет всего 60 км, а также в Славянку. Специально для этого ООО «Морской порт Зарубино» открыло морскую судоходную линию, способную обеспечить вывоз контейнеров до 6 тыс. ДФЭ в месяц. По информации китайских отправителей, местные производители испытывают

потребность в запуске МТК «Приморье-2». Так, ежегодные объемы перевозок только бутилированной минеральной воды из китайской пров. Цзилинь в РК оцениваются в 56 тыс. контейнеров в год. На Дальневосточной магистрали рассматриваются возможности увеличения транзитных контейнерных перевозок через имеющие выход на дорогу пункты пропуска. Сейчас они осуществляются по МТК «Приморье-1» через железнодорожный погранпереход Гродеково—Суйфэньхэ, связывающий северо-восточные провинции КНР с портами Находка и Владивосток. Перевозки на этом направлении демонстрируют рост: в январе — марте 2017 г. было перевезено более 2 тыс. контейнеров, тогда как за весь 2016 г. объем транзита здесь составил 3,2 тыс. ДФЭ. Сейчас через приграничную станцию Камышовая грузопоток идет только в одном направлении — из России в КНР (с начала 2017 г. объем перевозок через станцию превысил 1,8 млн т). В Китай экспортируются железная руда, уголь, пиломатериалы, а расширение номенклатуры грузов, открывающее путь к транзиту, опирается в действующие нормативные акты. Это обусловлено тем, что с 2004 по 2013 г. участок Камышовая—Госграница не функционировал, а его собственник ОАО «Золотое звено» не выходило с предложениями по включению пункта пропуска в соответствующие постановления РФ для расширения номенклатуры перевозимых грузов. В 2011 г. инфраструктура была приобретена ОАО «РЖД» и компания возобновила перевозки. С момента приобретения инфраструктуры РЖД неоднократно обращались в различные инстанции, однако вопрос оставался нерешенным. В конце 2016 г. правительство РФ утвердило концепцию развития МТК «Приморье-1» и «Приморье-2», которая предусматривает включение Махалино в перечень специализированных пунктов пропуска для ввоза определенного перечня товаров на территорию РФ. Было отмечено, что увеличение объемов грузоперевозок через погранпереход Махалино—Хуньчунь необходимо интегрировать с развитием инфраструктуры КПП. В июне 2017 г. правительство России приняло постановление «Об определении пунктов пропуска через государственную границу РФ, расположенных в Приморском крае, для прибытия в РФ отдельной категории товаров, ввозимых с территории КНР»,

которое предоставило возможность организовать перевозку различной номенклатуры грузов в транзитных контейнерах через пункт пропуска Махалино. Правительство РФ своим постановлением определило пограничные пункты пропуска в Приморском крае для транзита контейнерных грузов из Китая в рамках МТК «Приморье-1» и «Приморье-2», которое позволяет при перевозках по МТК проводить таможенные процедуры не на границе, а по прибытии в морской порт, что ускорит доставку грузов по коридорам в 6 раз и составляет 4—5 часов. Документ касается перевозок грузов в контейнерах из Китая транзитом через РФ за пределы Евразийского экономического союза. Через железнодорожный пункт пропуска Махалино грузы отправятся далее в порты Зарубино и Посъет, а через пункт пропуска Пограничный — в порты Восточный, Владивосток, Находка. По МТК «Приморье-2» с участием ДВЖД до недавнего времени были только единичные экспериментальные перевозки контейнеров (пока регулярное движение осуществляется через автомобильный переход Краскино — Хуньчунь), но и они шли через терминал ООО МПБТ (Морской порт в бухте Троицы) в Зарубино. Теперь стало возможным обеспечение транзита по участку Махалино (Камышовая)—Хуньчунь на постоянной основе, ранее этому мешало как раз отсутствие необходимой нормативной базы. Однако Министерству транспорта РФ по согласованию с Федеральной таможенной службой, Роспотребнадзором, Федеральной службой по ветеринарному и фитосанитарному надзору и Минвостокразвития еще предстоит утвердить технологическую схему перемещения товаров — порядок совместного проведения контрольных мероприятий указанных госорганов при пересечении границы. В свою очередь АО «РЖД Логистика» (РЖДЛ) совместно с компанией «Северо-Восточно-Азиатский «Морской шелковый путь» (подразделение китайской Maritime Silk Route International Shipping Co., осуществляющее транспортное сопровождение по территории КНР и морским путем) планирует организовать транзитные перевозки поездными формированиями из Хуньчуня до припортовой станции Сухановка, которая работает с МПБТ. Позднее была утверждена технологическая схема перемещения товаров из Китая в Россию через МТК, и сегодня разрабатыва-

ется проект по созданию инфраструктуры терминалов и складов на передаточной станции Камышовая с целью расширения номенклатуры транзитных грузов через КПП, планируется также расширение автомобильного перехода Краскино—Хуньчунь, являющегося одним из главных звеньев МТК. Благодаря постановлению правительства работа пограничного перехода Махалино—Хуньчунь активизируется, а китайские партнеры предлагают в перспективе к перевозке до 100 тыс. транзитных контейнеров в год, которые будут перевозиться контейнерными поездами на регулярной основе. В целях повышения логистических возможностей порта Зарубино власти пров. Цзилинь выразили готовность финансировать строительство ВСЖД Владивосток—Хуньчунь и соединение ее с китайской железнодорожной сетью. Руководство пров. Цзилинь не раз подчеркивало, что в случае повышения пропускной способности железнодорожного перехода Махалино—Хуньчунь и российских приморских портов взаимную выгоду от транзитных грузовых потоков будут иметь не только КНР и РФ, но и Япония, РК и страны ЮВА. Российские и китайские стивидорные компании, администрация дальневосточного порта Славянка также заявляют о планах по наращиванию грузопотока в направлении китайского г. Хуньчунь. В конце 2017 г. в порту Славянка была налажена выгрузка контейнеров с помощью современного рейдово-перегрузочного комплекса, а крупнейшая морская грузовая компания из Израиля Zim Integrated Shipping Services, являющаяся одним из 20 крупнейших мировых морских перевозчиков (обслуживает 70 международных морских грузовых линий, соединяющих около 180 портов мира), включила российский порт Славянка в расписание своих судозаходов.

Строительство новых грузовых терминалов в порту Зарубино повлечет необходимость развития не только подъездных железнодорожных путей, но и припортовой станции и внутрипортовых путей. Помимо реконструкции участка линии Хуньчунь—Махалино, Камышовая—порт Зарубино потребуется также развитие и станции Сухановка — основной железнодорожной станции транспортного коридора. При дальнейшем развитии порта Зарубино необходимо будет строить отдельный припортовый железнодорожный парк,

который позволит принимать поезда длиной 1050 м и весовой нормой 6 тыс. т. Таким образом, учитывая возможность прохождения транзитных грузов на полигоне железной дороги, тяготеющей к порту Зарубино, необходимо провести следующие мероприятия по развитию приморской железнодорожной сети: 1) реконструкцию и усиление участков железной дороги Уссурийск—Барановский, Уссурийск—Гродеково, Новокачалинск—Сибирцево; 2) развитие и модернизацию станций Гродеково (Пограничный), Турий Рог, Новокачалинск, Сухановка, Махалино (Краскино); 3) строительство новых станций Уссурийск-Сортировочная (Лимичевка), Камышовая; 4) усиление железнодорожных подходов к порту на участке Сухановка—Зарубино; 5) усиление железнодорожных подходов и пограничных переходов Гродеково—госграница (Суйфэньхэ), Махалино—Камышовая—госграница (Хуньчунь); 6) окончание строительства композитной железнодорожной ветки Камышовая—Краскино—Гладкий—Зарубино; 7) модернизацию ветки Турий Рог—Новокачалинск; 8) строительство припортовой железнодорожной станции Зарубино. Сумма инвестиций в адаптацию тяготеющей к порту Зарубино транспортной инфраструктуры может оказаться неожиданно высокой, и без помощи Министерства транспорта РФ и ОАО «РЖД» у инвесторов проекта практически нет шансов вывести объекты на проектную мощность. В бюджете РФ пока не заложено средств на софинансирование строительства инфраструктуры к дальневосточному порту Зарубино — все текущие мероприятия по проекту финансируются из внебюджетных источников, но для выхода порта на полную мощность нужно государственное финансирование в размере 130 млрд руб. (около 2 млрд долл.). При недостатке государственного участия и финансирования развития подходной транспортной инфраструктуры полноценное функционирование порта Зарубино будет полностью зависеть от китайских партнеров и их грузопотоков. Кроме того, от китайской стороны будет зависеть и окупаемость проекта, и возвратность заемных средств, и вероятность наступления для российского инвестора ситуации *margin call* (гарантийное требование вноса) перед китайскими кредиторами, т. е. ситуации, при которой баланс на счете инвестора опускается

ниже минимально допустимой нормы. Несомненно, что загрузка приморских портов РФ может проходить с еще большей эффективностью, если реализовать неоднократно обсуждавшиеся с китайской стороной планы по строительству железных дорог из пров. Хэйлунцзян в Приморский край: Дуннин—Полтавка—Уссурийск и Мишань—Турий Рог. Для увеличения объема региональной торговли следует быстрее построить железнодорожные мосты между Хэйхэ и Благовещенском, Хулинем и Лесозаводском. Транзитный потенциал Забайкальского края значительный. На российско-китайской границе кроме Забайкальска расположен КПП Приаргунск, который также связан с сетью российских железных дорог. На территории КНР уже достроен участок железнодорожной ветки (Сяохэцзи—Эргунь—Гэгэнгол, АРВМ) от Хайлара до сопредельного с Приаргунском КПП Хэйшаньтоу. Эти КПП разделяет только отсутствие участка в 20 км федеральной автотрассы от Приаргунска до пограничного перехода Староцурухайтуй—Хэйшаньтоу, а также нет мостового железнодорожного перехода через р. Амур. В случае согласия российской стороны и при помощи китайских инвестиций на российско-китайской границе мог бы появиться новый современный железнодорожный пограничный переход через КПП Забайкальск—Маньчжоули для Харбинской железной дороги. Основными направлениями перевозок между СВК и странами АТР через российский порт Зарубино по железным дорогам могут стать следующие маршруты — для зерновых грузов и контейнеров: 1) Муданцзян—Суйфэньхэ (КНР)—Рассыпная Падь—Гродеково—Уссурийск—Барановский—Сухановка—Зарубино; 2) Чанчунь—Хуньчунь (КНР)—Камышовая—Краскино—Гладкий—Зарубино; для угля: 1) Цзиси—Суйфэньхэ (КНР)—Рассыпная Падь—Гродеково—Уссурийск—Барановский—Сухановка—Зарубино; 2) Цзиси—Мишань (КНР)—Турий Рог—Новокачалинск—Сибирцево—Уссурийск—Барановский—Сухановка—Зарубино; 4) Цзиси—Хуньчунь (КНР)—Камышовая—Краскино—Гладкий—Зарубино.

В 2013 г. в КНДР завершилась реконструкция железной дороги от российской станции Хасан до северокорейского порта Раджин. Эта дорога позволит ОАО «РЖД» увеличить международные контей-

нерные перевозки на 4 млн т на первом этапе с перспективой роста до 17 млн т. В дальнейшем прогнозируется увеличение грузопотока и расширение номенклатуры грузов, включая перевалку контейнеров (до 100 тыс. ДФЭ в год). В свою очередь китайская сторона построила автомобильную дорогу от Хуньчуня до порта Раджин, которая может загрузить железную дорогу в направлении РФ (Раджин—Туманган—Хасан) либо принять часть российских грузов для последующей их отправки на запад Китая и в Казахстан. Для реализации этих планов необходимо расширить узкие места на российской территории. Следует серьезно модернизировать инфраструктуру участка Барановский—Хасан, являющегося связующим звеном Транскорейской и Транссибирской магистралей. Для этого нужны значительные инвестиции, поскольку участок Барановский—Хасан представляет собой однопутную дорогу, и поэтому следует проводить не ее модернизацию, а строить фактически современную магистраль — от её развития зависят перспективы не только погранперехода Хасан — Туманган (КНДР), но и другого КПП Махалино—Хуньчунь, а также припортовых станций Посъет, Сухановка, Блюхер.

Стремительное превращение КНР в ключевое звено евроазиатских перевозок должно побудить российское руководство активизировать развитие российско-китайской инфраструктурной интеграции, которая, в первую очередь, связана с реализацией регионального транспортного сотрудничества Дальнего Востока РФ и провинций Северо-Востока Китая. Отсутствие прямого выхода к морским портам побуждает промышленно развитые провинции СВК к использованию железнодорожной транспортной сети и морских портов ДФО РФ для вывоза своей экспортной продукции. В дальнейшем с опорой на российские порты Зарубино (в рамках международного транспортного коридора «Приморье-2») и Сабетта часть транзитного грузопотока может транспортироваться по маршруту МШП-XXI и по российскому Северному морскому пути. Заинтересованность китайской стороны в сотрудничестве с Россией подтверждается желанием провинциальных властей СВК инвестировать значительные средства в развитие транспортного комплекса ДФО РФ (строительство ВСЖД Хуньчунь—Владивосток, модернизация пограничных

КПП и морского порта Зарубино). Если Россия с помощью Китая сумеет обеспечить повышение пропускной способности восточного полигона Транссиба, дальневосточных портов и Северного морского пути, то у нее появится наиболее реальный шанс обеспечить превращение ДФО РФ в значимое звено транзитных перевозок из СВК в страны АТР и Европы. Наличие такого ключевого азиатского партнера, как КНР, в этом стратегически важном проекте может оказаться самым ценным преимуществом¹.

Примечания

¹ Еще в начале XX в. выдающийся русский ученый-энциклопедист и член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук Д.И. Менделеев высказал пророческие слова: «...всегда бывший оригинально самостоятельным Китай может вырасти еще более сильно, и нам это будет тем более пригодно, чем больше мы сдружимся с китайцами к тому времени». Дмитрий Иванович также отмечал: «Союз России с Китаем будет предтечей общего мирного союза уже по той причине, что в нем было бы более трети всех людей и он не мог бы быть иным как чисто мирным и охранительным, тем более что у обоих союзников целая бездна настоятельных внутренних потребностей и столько ресурсов, сколько нет ни в одной паре остальных государств, а показывать кулаки оба таких союзника, как Россия с Китаем, и не хотят, и не привыкли».

Научное издание

**Доклады ИДВ РАН
2018—2019**

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редакторы *Е.А. Лапина, Л.С. Лаврова*
Корректор *Г.П. Манчха*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Оформление *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 15.11.2020.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 10,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.).
Заказ № 11

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке Института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru.

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:

Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.